

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
Выпуск 23

№ 9(172)

Межвузовский сборник научных статей
Издается с января 2004 г.

2015

Волгоград
2015

Учредитель: ФГБОУ высшего образования
«Волгоградский государственный технический университет»

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77-25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника «Известия ВолгГТУ»
президент ВолгГТУ академик РАН И. А. Новаков

Редакционная коллегия серии:
д-р пед. наук, проф. проректор по учебной работе ВолгГТУ Р. М. Петрунева (ответственный редактор);
д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н. Э. Баумана Н. Г. Багдасарьян;
д-р филос. наук, профессор, Почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук Б. З. Докторов;
д-р филос. наук декан факультета философии и культуры РГУ Г. В. Драч;
д-р социол. наук проф. ВолгГМУ В. В. Деларю;
д-р социол. наук зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ Н. В. Дулина; академик РАО зав. каф. инженерной педагогики МАДИ В. М. Жураковский; д-р филос. наук зав. каф. философии ВолгГТУ Е. Ю. Леонтьева; канд. социол. наук доцент ВолгГТУ Н. А. Овчар (ответственный секретарь);
д-р ист. наук зав. каф. истории ВолгГАСУ Г. В. Орлов; д-р юр. наук проф. ВолГУ И. В. Ростовщиков; член-корр. РАО, д-р пед. наук зав. каф. ВГСПУ В. В. Сериков

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. № 9(172) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – 120 с. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 23).
ISBN 978-5-9948-1934-0

Сборник содержит материалы, представленные на круглом столе «Непропущенное время», посвященном патриотическому воспитанию молодежи, а также статьи, раскрывающие методологические и некоторые методические аспекты гуманитарных наук.

Ил. 2. Табл. 11. Библиогр. : 342 назв.

ISBN 978-5-9948-1934-0

© Волгоградский государственный
технический университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Леонтьева Е. Ю.</i>	
Когнитивная наука: от теории познания через философию познания к разгадкам тайн «звездного неба мышления».....	5
<i>Виноградова Н. Л., Бессарабов-Гончаров М. В.</i>	
Трансформация феномена научно-технического творчества в постиндустриальном обществе.....	9
<i>Соловьев А. А.</i>	
Модели образовательного взаимодействия.....	12
<i>Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.</i>	
Понятие «война» и его метаморфозы в философском дискурсе.....	16
<i>Естриной О. В.</i>	
Переживаемое пространство культурного ландшафта.....	20
<i>Гуренко В. Л.</i>	
Подходы к пониманию современной религиозной философии.....	22
<i>Кленина Е. А., Песков А. Е.</i>	
Методологический плорализм в определении субъекта общественного мнения.....	27

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Парамонова В. А., Дулина Н. В.</i>	
Статус города: теоретико-прикладное значение.....	30
<i>Мельников А. С., Мельникова Е. В., Терелянский П. В.</i>	
ИТ как фактор повышения качества социальной агломерации.....	35
<i>Овечар Н. А.</i>	
Социальное самочувствие как показатель социокультурной трансформации региона.....	37
<i>Ефимов Е. Г.</i>	
Социальные группы как фактор формирования образа социальных сетей (контент-анализ новостных сообщений ТРК «Вести» 2011–2014 гг.).....	42
<i>Дулина Н. В., Ануфриева Е. В.</i>	
Домашний труд в системе распределения гендерных ролей (по итогам прикладного социологического исследования).....	45
<i>Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю.</i>	
Проблемы и перспективы развития этнокультурного туризма на территории Волгоградской области.....	51
<i>Бобровников В. Г., Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е.</i>	
Беспрizорники Сталинграда: вопросы социальной защиты детей в годы Великой Отечественной войны.....	56
<i>Селезнева И. Г., Сухова А. С.</i>	
Роль мифов в контексте коммуникаций студенческой молодежи.....	62
<i>Гуляева Е. Ш., Ященко Р. В.</i>	
Роль Русской Православной Церкви в развитии отечественной медицины.....	65
<i>Леонтьев А. Н.</i>	
Осуждение промышленной политики нацистской Германии в решениях Нюрнбергского трибунала.....	68
<i>Одинцов А. В.</i>	
Проблемы объединения разнородных баз данных в социологии.....	72
<i>Воробьев Е. П., Ященко Р. В.</i>	
Поджоги в крестьянском движении Нижнего Поволжья 1861–1904 гг.....	77

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Васильева В. Д., Петрунева Р. М., Дулина Н. В.</i>	
Новые задачи преподавателей технического вуза.....	81
<i>Петрунева Р. М., Васильева В. Д.</i>	
Формирование общекультурных компетенций будущего инженера в полинациональном пространстве вуза.....	84
<i>Штыров А. В., Казанова Н. В.</i>	
Информационная компетентность и условия ее формирования в виртуальной образовательной среде.....	88
<i>Абраменко Е. В.</i>	
Поликультурная компетентность педагога как источник формирования толерантной личности студента.....	91
<i>Ситникова О. И.</i>	
К вопросу о воспитательном потенциале краеведческой работы в техническом вузе.....	93
<i>Топоркова О. В.</i>	
Инженерно-техническое образование в странах Западной Европы (на примере Германии, Франции, Великобритании).....	96
<i>Глебова Е. А.</i>	
Возможности использования положительного зарубежного опыта педагогической работы с молодежными субкультурами в отечественной практике.....	99
<i>Бессарабова И. С., Топоркова О. В.</i>	
Гуманистические традиции нравственного воспитания в немецкой педагогике.....	102
<i>Тихаева В. В., Митина А. М.</i>	
Анализ организационно-дидактических принципов обучения в дополнительном образовании взрослых в Германии.....	105
<i>Пахарукова В. А., Шестакова О. А.</i>	
Стратегия автономной парадигмы обучения иностранному языку в техническом вузе.....	109
<i>Морозова Н. В., Назарова Т. П.</i>	
Проблемы народного образования в зеркале русской прессы в годы Первой мировой войны.....	112
<i>Федотова Л. А.</i>	
Экскурсия как активный метод воспитания толерантности студентов.....	115
<i>К сведению авторов.....</i>	
	119

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.9.07
ББК 88.

E. Ю. Леонтьева

КОГНИТИВНАЯ НАУКА: ОТ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ ФИЛОСОФИЮ ПОЗНАНИЯ К РАЗГАДКАМ ТАЙН «ЗВЕЗДНОГО НЕБА МЫШЛЕНИЯ»*

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: prof.elena.leontyeva@gmail.com

Загадка человеческого сознания волнует современных ученых не меньше, чем это было в далеком древнегреческом прошлом. В поисках ответов ученые объединились в новое интегративное направление исследования – когнитологию. Мозг, сознание, язык, искусственный интеллект – что и как объединяет эти объекты различных научных изысканий, с какими новыми загадками и фактами сталкиваются современные ученые, есть ли у нас шанс их разгадать? Высказывается гипотеза о том, что язык является «клеткой сознания», ограничивающей его и запирающей в систему правил и запретов.

Ключевые слова: теория познания, сознание, мозг, язык, когнитивная наука.

E. Y. Leonteva

COGNITIVE SCIENCE: FROM THE THEORY OF KNOWLEDGE THROUGH THE PHILOSOPHY OF KNOWLEDGE TO SOLVING THE MYSTERY OF "STARRY SKY THINKING"

Volgograd State Technical University

The mystery of human consciousness worries of modern scientists as much as it was in the distant Ancient past. In search of answers scientists have teamed up in a new integrative research direction - cognitive science. The brain, consciousness, language, artificial intelligence - how and what unites these objects of different scientific research, what new facts and riddles faced by modern scholars? Do we have a chance to solve them? The author conjectured that the language is "cage of consciousness" limiting and locking him in a system of rules and taboos.

Keywords: epistemology, the mind, the brain, language, cognitive science.

Интегративные тенденции современной науки проявляются в самых различных отраслях знания. Однако наиболее ярко, и будем надеяться продуктивно, они воплотились в современной когнитивной науке (когнитологии).

Сознание, как и познание в качестве специального предмета изучения и исследования всегда были наиболее трудными и дискуссионными. Традиционно это была тематика гносеологии – относительно молодого философского раздела, в фокусе которого и стояли обозначенные проблемы. Однако в конце 20 века в отечественной науке приживается (во многом за счет снятия идеологических ограничений) и понятие эпистемология, которые начинают «делить одеяло» привычной для всех теории познания. Одни утверждали, что гносеология как теория познания и эпистемология могут употребляться как синонимы, другие указывали на существенность прилагательного «научное» в эпистемологии, третьи считали и одно и другое лишь составными частями некоего большого важного целого – философии познания, «где они сохраняют свою абстрактно-гносеологическую и логико-методологическую природу и форму, но одновременно получают экзистенциально-антропологическое и историко-метафизическое осмысление» [2, с. 13].

Споры о понятиях редко дают позитивные результаты и еще реже содержательно решают проблемы. В обозначенном контексте они остались в прошлом, потому что содержательно и весто-

© Леонтьева Е. Ю., 2015

* Некоторые поэтические термины нами заимствованы у Т. В. Черниговской – российской ученой, исследующей проблемы сознания. См. цикл фильмов «Звездное небо мышления» [1].

ронне за решение проблемы взялась новая наука – когнитология. Это красивый (и будем надеяться плодовитый) цветок с пятью лепестками наук – теория познания, когнитивная психология, нейрофизиология, когнитивная лингвистика, теория искусственного интеллекта. Единение таких разных наук, методов, подходов должно с необходимостью дать позитивный результат и приоткрыть тайну того, зачем природа создала это удивительное «зеркало человеческого мышления», зачем она пытается рефлексировать по поводу самой себя, понять себя, ответить на огромное количество вопросов, которые сама себе и задает?

Еще четверть века назад в отечественной гносеологии ответы на большинство вопросов «поколились» (употребим именно этот глагол) на теории отражения, которая сначала подверглась суровой критике, а потом стала постепенно предаваться забвению. Однако, даже критики, призывая забыть об абстрактном эмпирическом субъекте, тем не менее так или иначе, но в большинстве своем признавали «наряду с классическими познавательными практиками – сенсуалистической локковской и отражательной марксистской... наиболее значимые сегодня... герменевтическую и феноменологическую когнитивные практики» [2, с. 15]. Признавался и сам «субъект познания... как задающий предметные смыслы, понимающий, интерпретирующий и расшифровывающий глубинные и поверхностные буквальные смыслы... он существенно дополняет отражательные и кумулятивные моменты познания» [2, с. 19].

Главным объектом критики становится так называемый *абстрактный* эмпирический субъект, который с необходимостью должен быть заменен *целостным* человеком познающим, реально существующим в единстве «мышления, чувства и деятельности... и он... не может ограничиться абстрактной рефлексией, застывшими формами абсолютных сущностей, рассудочными нормами и правилами познавательных процедур» [2, с.19-20]. Но даже заменив эмпирического субъекта на целостного субъекта познающего в наших метафизических изысканиях, говоря о процессе познания «вообще», мы не можем всегда рассматривать и изучать конкретного человека, имеющего собственный жизненно-практический опыт, культурно-исторически обусловленное мировоззрение, определенный характер, склад ума, психику, темперамент и т.д. Так или иначе, это всегда будет целостный познающий человек *вообще*. Так в чем же разница? Разве эмпирический субъект лишился всех указанных качеств познающего человека?

В настоящее время становится понятна своевременность этой критики и ее значение для новых подходов к анализу сознания. С одной стороны мы говорим о сознании и познании вообще, рассматривая их как общее для человека как вида качество. Однако, когнитология, использующая наработки, методы и технологии естественных наук, имеет дело с вполне конкретными людьми, обладающими всем набором указанных выше характеристик. Мы имеем в виду, прежде всего тех людей, мозг которых, благодаря наличию современных технических устройств подвергается изучению. Именно мозг – и с этим никто не спорит – та материальная основа, изучение которой позволяет нам приблизиться к загадке человеческого сознания. В нашей стране долгое время исследования собственно мозга, и процессов в нем идущих, были далеки от изысканий философов. Вероятно, это было следствием суровой критики, которой подвергались вульгарные материалисты, пытавшиеся еще в 19 веке непосредственно увязать сознание и функционирование мозга.

В настоящее время когнитивная наука использует, прежде всего, наработки нейронаук и нейрофизиологии, изучающих сам мозг и процессы в нем протекающие. Они дают исключительно ценные данные, буквально заваливают фактами, в том числе и удивительными, объяснения которых в настоящее время невозможно найти. Об одном из них неоднократно говорила и писала Т. В. Черниговская: я и мой мозг не одно и то же! [3]. Смысл этого высказывания необычен: исследователями были многократно получены и подтверждены данные, что принятие решения человеком, как осознанный им факт и выбор решения мозгом не совпадают во времени! Мозг это делает на 30 секунд (не миллисекунд!) раньше! А потом словно дает нам сигнал – «Я выбор сделал, он таков, можешь его осознать!» [4]. Как такое возможно? «Меня расстраивает самодостаточность мозга. Он делает то, что хочет... у нейронной сети своя свобода воли... Так кто кому подчиняется» [4]. Подобных фактов накапливается все больше и больше. На одной из лекций, где лично присутствовала автор статьи, была произнесена фраза – «мы тонем в эмпирическом материале!». Данных накоплено уже слишком много и «нужен гений, который сможет на них посмотреть по-другому» [4]. Есть надежда, что именно благодаря своей интегративной сущности когнитология

обретет этого гения. Причем не факт, что он будет представителем одного из «лепестков» наук в нее входящих.

Отметим также, что привычная уже мысль о функциональном делении, специальных участках мозга – зонах, в которых локализованы те или иные функции, не стоит воспринимать абсолютно однозначно. В большинстве случаев «Весь мозг занят всем!» [4]. Неслучайно мы говорим о «нейронной сети», а не отдельных лоскутах нейронных связей.

Мощный импульс исследованию сознания в рамках когнитологии придает и вовлечение в этот процесс лингвистов, вопросы которых часто обращены к генетикам (еще один пример интеграции, дающий свои результаты). Язык – уникальная символическая система, которая помогает нам воплощать свое сознание, облекать его в некие формы, которые оказываются понятны другим. Стивен Пинкер – крупнейший психолингвист, профессор Гарвардского университета, назвал язык «окном в человеческую природу» и рассматривает его как «субстанцию мышления» [5]. Долгое время исследования лингвистов казались чем-то абстрактным, не имеющим существенной значимости и не влияющими на нашу повседневную жизнь «здесь и сейчас». Однако события 11 сентября 2001 года существенно изменили такое отношение к лингвистическим спорам по поводу значений слов, по поводу семантики, которая занимается «отношением слов к действительности». Указанные события во всей своей политической и культурной трагедийной значимости породили разногласия и «в самом дорогостоящем споре по вопросам семантики во всем мире, в дискуссии о значении слова «событие» ценою в три с половиной миллиарда долларов» [5, с.12]. Речь идет о сумме, по поводу которой шел спор на судебных разбирательствах, определявших размер страховой выплаты арендатору земельного участка, на котором располагался Всемирный торговый центр. «Если 11 сентября произошло одно событие, он должен был получить три с половиной миллиарда долларов, если же событий было два, он должен был получить семь миллиардов» [5, с.11]. Слова, их трактовка, понимание и значение оказались в центре глобального финансового спора. Слова, состоящие из морфем, и позволяющие выстраивать фразы, а потом и дискурс являются основной, кирпичиками языка – воплощенной (видимой и слышимой) загадки человеческого сознания.

Наша разумная цивилизация – цивилизация языка. Она зарождалась на площадях древнегреческих полисов, где свободные граждане много времени проводили в публичных выступлениях, прениях, дружеских обсуждениях. В этих дискуссиях спор и приобретал форму интеллектуальной игры в вопросы и ответы, когда высоко ценилось умение облечь знание в необходимую *словесную* форму. Фейерабенд обращал в свое время внимание на появившуюся именно в древнегреческом мире традицию облекать знание в письменную форму, которая без труда может быть передана и воспринята без необходимого общения с самим ученым. До этого времени, отмечает философ, «существовала только устная форма знания, кроме того, следовало непосредственно общаться самим ученым, а не просто знать, что он по этому поводу говорит. Но пришло время, когда стали полагать, что любая аналитическая информация может быть без малейшего ущерба отчуждена от уникальных обстоятельств своего рождения». [6, с.14]. Действительно, зарождающаяся тенденция облечения знания в особое слово (наиболее обобщенное, понятийное, категориальное) накладывает особый отпечаток и на само знание, и на способы его получения. В традиционном обществе не было необходимости в создании и формировании четких структурно-логических схем, понятий и категорий. Объяснялось это вполне традиционным «семейно-родовым способом передачи знания от отца к сыну, когда необходимая информация усваивалась в ходе совместной деятельности. Это было такое познание, которое реализуется в действии спонтанно и самопроизвольно, обеспечивая его адекватность» [7, с.137].

Именно с развитием греческого полиса и на тысячи лет вперед язык приобрел особо значимую роль. Слово стало не только управлять жизнью человека, но могло и решить его судьбу, вмешаться, так сказать, в экзистенциальную сферу бытия, когда речь в защиту или обвинения могла стать решающей для актуализации дальнейшей жизни или смерти.

Изучение языка – важнейшая часть исследования сознания, наличие и формирование которого мы непосредственно связываем именно с языком. А последний, на наш взгляд, не просто «дом бытия», язык – это та клетка, которую мы получаем вместе с сознанием и в нагрузку к нему. Язык – это всегда несвобода. Иначе и не может быть, потому что любой обыденный язык – строгая сис-

тема правил, запретов, норм. Их нарушение «болезненно» воспринимается носителем языка, а их усвоение в детском возрасте не подвергается сомнению и оспариванию (может ли быть ситуация, когда ребенок, который учится говорить, спорит по поводу правильности согласования времен, например?). Чем лучше ребенок усвоил язык, чем легче и без ошибок он его употребляет, тем о более высоком уровне его сознательного развития мы делаем вывод. Неумение ребенка говорить в определенном возрасте оценивается как «задержка умственного развития». То есть чем прочней клетка языка «одета» на ментальные процессы, идущие в нашей голове, тем более высокий уровень сознания мы фиксируем (или он действительно более высокий?).

Проблему границ свободы человеческого мышления и познания (правда, применительно к научному познанию) наиболее ярко обозначил Пол Фейерабенд, отразив в теории «эпистемологического анархизма» [8]. А постмодернисты на рубеже веков призывали вообще отказываться от правил, в том числе моральных, как ограничивающих нашу высшую ценность – свободу [9]. Их аргументы весьма похожи – любые правила, нормы, законы, методы – это ограничение, отсечение *того*, что в них не вписывается, невзирая на реальную ценность и значимость этого «*того*». На каком основании мы идем на поводу у правил, почему подавляем в себе свободу?

Обращу внимание, что критиков у обеих позиций гораздо больше, чем сторонников. Словно мы на интуитивном уровне соглашаемся с правилами и необходимостью их соблюдения, чем их неприятием и постоянным нарушением. Если уж рушить правила, отказываться от них – то от ВСЕХ, в том числе языковых. Зачем нам эта клетка языка? Но в этом случае придется отказаться и от сознания, то есть от самих себя, от того, что собственно делает нас людьми и отличает от других видов (не вдаемся в подробности о наличии сознания у приматов, дельфинов и пр.). Но мы не отказываемся, оставаясь людьми, живущими в рамках законов и правил, подчиняясь логике языка и выстраивая и подчиняя свое сознание этой логике.

Как было отмечено выше, к исследованию и пониманию сущности языка привлекаются и генетики, которые пытаются найти тот самый «ген человека», или «ген мышления», или «ген языка» [4]. И можно надеяться, что только в такой красивой интеграции, в таком тесном контакте представителей самых различных областей знания и будет все-таки раскрыта тайна человека, его сознания и мышления, которое так напоминает звездное небо!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Татьяна Черниговская. Звездное небо мышления. Цикл фильмов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=0YRulilzIEU>
2. Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция. – 2002. – 624 с.
3. Татьяна Черниговская. «Как научить мозг учиться?» Видео лекция. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=nEGmdlJEr8M>
4. Черниговская Т.В. Язык и сознание: что делает нас людьми. Текст лекции. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://polit.ru/article/2008/12/24/langmind/>
5. Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. М.: Книжный дом «Либроком». – 2013. – 560 с.
6. Границы науки: о возможных альтернативных моделях познания. Аналитический обзор ИНИОН РАН. М. – 1991. – 172 с.
7. Маттиаш Т.П. Сознание как целостность и рефлексия. Ростов на Дону. 1998. – 196 с.
8. Фейерабенд П. «Против методологического принуждения» В кн.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С.125-467.
9. Делез Ж. Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Изд-во У-фактория. – 2007. – 672 с.

УДК 101.1: 316
ББК 86.7

Н. Л. Виноградова¹, М. В. Бессарабов-Гончаров²

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ**

¹Волгоградский государственный технический университет
²ООО «ТД Альфа Компани»

E-mail: ¹NVinogradova@yandex.ru, ²ly1987@rambler.ru

В статье рассматривается изменение характеристик феномена научно-технического творчества в современном обществе. Подвергаются анализу факторы постиндустриализма, которые повлияли на трансформацию рассматриваемого явления. Выявляются новые характерные черты феномена научно-технического творчества к которым относится: знаниевый характер, эмерджентность, контекстуальность, пластичность и ситуативность, коммуникативность, виртуальность, опережающая прогнозичность, антропо-гуманитарная направленность.

Ключевые слова: научно-техническое творчество, постиндустриальное общество, цифровые технологии, знание, коммуникация, человек.

N. L. Vinogradova¹, M. V. Bessarabov-Goncharov²

**THE TRANSFORMATION OF THE PHENOMENON OF SCIENTIFIC
AND TECHNICAL CREATIVITY IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY.**

¹Volgograd State Technical University
²«TD Alpha Company»

The article discusses the changing characteristics of the phenomenon of scientific and technical creativity in modern society. Analyzed factors of post-industrialism, which influenced the transformation of the considered phenomenon. Revealed new characteristic features of the phenomenon of scientific-technical creativity which include: knowledge of the nature, emergence, contextuality, flexibility and pragmatism, communication, virtuality, anticipatory predictability, the anthropo-humanitarian orientation.

Keywords: scientific-technical creativity, post-industrial society, digital technology, knowledge, communication, people.

Феномен творчества всегда был предметом философских размышлений и споров, и всегда оставался загадкой. Рассмотрение вопросов, связанных с возникновением и эволюцией научно технического творчества представляется весьма актуальным в свете перехода страны на инновационный курс развития и возвращения России к лидирующему положению в области высоких технологий, в сфере космической техники, в тяжелом машиностроении и т. д. Прогресс цивилизации вызвал к жизни феномен научно-технического творчества, которое является, на сегодняшний момент, одним из самых мало изученных проявлений творческого акта. С одной стороны, любые созидания и новации в науке и технике должны опираться на весь предыдущий опыт человечества, на знания и умения предшественников и иметь под собой образовательный потенциал. С другой стороны, все прошлое – консервативно и препятствует развитию нового, образование, давая знания, накладывает систему норм и ограничений на творческие проявления личности. Данная не однозначная ситуация существования научно-технического творчества накладывается на социально-исторический контекст постиндустриального общества.

Постиндустриальное или информационное общество обладает рядом особенностей, которые предопределяют трансформации во многих областях социальной жизни и в том числе влияют на появление специфических черт научно-технического творчества. Основными характерными чертами и проявлениями постиндустриализма являются: глобальные научные открытия начала XX века, которые предоставили обществу новые знания, и составили основу повышения научкоемкости производства, появления информационных технологий и компьютера. Технические новации позволили автоматизировать процессы производства и распределения продуктов и услуг, автоматизировали быт социальных субъектов, ускорили процессы поиска информации. На волне этих новаций и происходит эволюция феномена научно-технического творчества.

Научно-техническое творчество определяется как особенный вид духовно-практической деятельности, характеризующийся зарождением, разработкой и созданием новации на основании теоретических и практических знаний, и воплощением этой новации в бытии общества [1, с.23].

В постиндустриальном обществе научно-техническое творчество приобретает такие черты как: знаниевый характер, эмержентность, контекстуальность, пластичность и ситуативность, коммуникативность, виртуальность, опережающая прогностичность, антропо-гуманитарная направленность. Кратко рассмотрим, в чем заключается сущность каждой из выделенных черт.

Поскольку современный научный мир немыслим без постоянно совершенствующихся компьютерных и телекоммуникационных технологий требуется постоянное обновление знаний и умений по их эффективному использованию. Поиск нужной информации для целей научно-технического творчества является важной составляющей эффективной генерации знания или создания новации, так как спецификой данного вида творчества является усовершенствование уже существующих научных и технических артефактов. Изобретатель должен «неподражаемо подражать» в процессе комбинирования и синтеза, создавая инновацию или знание. Осведомленность в процессе научно-технического творчества о существующих и разрабатывающихся новациях играет важную роль с позиций актуальности целей творчества. Еще большее значение имеет владение информацией в процессе генерации нового знания. Уточняя представление о знании, опираемся на позицию Д. Белла: «Знание – совокупность организованных высказываний о фактах или идеях, представляющих обоснованное суждение или экспериментальный результат, которая передается другим посредством некоторого средства коммуникации в некоторой систематизированной форме» [2, с. 38]. На всемирном докладе ЮНЕСКО акцентировалось внимание на том, что в качестве знания в постиндустриальном обществе представляется знание научно-технического характера. Иначе говоря, феномен творчества в информационном обществе приобретает черты знаниевого характера. Т. Сакайя акцентирует внимание на том, что инновации и знания быстро теряют свою стоимость в условиях информационного общества. Неоспоримым фактом современного мира является утверждение, что компьютерное программное обеспечение теряет свою стоимость за 1- 2 года. Необходимость постоянного генерирования инноваций и знаний в силу их быстрого устаревания требует от научно-технического творчества прогностического потенциала. На стыке понимания последствий внедрения инновации и открывающихся возможностей проявляется прогностическая функция творчества, которая является неотъемлемым элементом его деятельности, обеспечивая актуальность будущих инноваций и долгосрочный успех. Именно *опережающая инновационная прогностичность* отличает феномен постиндустриального общества от творчества эпохи индустриальной или аграрной.

Сетевые структуры в производстве и социально-экономических отношениях порождают необходимость налаживания эффективной коммуникации на основе информационных технологий между отдельными узлами сети, а это требует развития коммуникативных характеристик творчества. В индустриализме информация воспринимается в качестве объекта, а в постиндустриализме информация представляется как поле, среда или сеть. Благодаря появлению глобальной информационной сети интернет информация в электронном виде становится доступной с любой точки планеты любому числу пользователей в короткие сроки. Появление и развитие интернета основано на развитии информационных технологий и изобретении компьютера. Именно компьютер становится символом и главным носителем последствий научно-технической революции, ключевым образом трансформируя бытие социума второй половины XX века [2]. Данная особенность вносит в характеристику научно-технического творчества обязательную *коммуникативность*.

Развитие информационных технологий и средств коммуникации дали толчок широкому распространению в современной цивилизации сетевых структур, которые отличаются высокой степенью рассредоточения функций, информации и управления. М. Кастельс ввел наиболее конкретное определение сети: «Сеть – это множество взаимосвязанных узлов. Узлы – это точки, в которых петли взаимно пересекаются. Сети являются очень старой формой системной организации, но в информационную эпоху они становятся информационными сетями, усиленными информационными технологиями» [3]. По нашему мнению, именно информационные технологии позволяют развиваться научно-техническому творчеству в удаленности от центров науки и производства. В постиндустриальном обществе имеет место появление большего разнообразия информации, так как генерируемые активно взаимодействующими социальными субъектами знания приводят к появлению массы разнообразных информационных продуктов, повышению индивидуальности деятельности, появлению различных стилей жизни, индивидуализации образования и т. п. На смену

принципа стандартизации приходит дестандартизация или разнообразие. Основа перемен таится в широком распространении компьютеров, информационных и телекоммуникационных технологий. Приходит принцип децентрализации, который выражается в *виртуализации творчества*.

Принцип специализации разрушается под давлением нарастающих изменений в индустриальных обществах. Повсеместное внедрение компьютеров, рост значения информации в жизни людей, изменения в управляемых технологиях приводят к тому, что от профессионалов требуется намного больше знаний и умений, выходящих за пределы специальности. Навыки управления, программирования и использования компьютера, навыки коммуникации, технологии поиска информации становятся необходимыми для успешного труда и творчества. Д. Белл отмечает: «Информация – это власть. Доступ к информации есть условие свободы» [2, с. 336]. «Самым важным (и неистощимым) сырьем для цивилизации Третьей волны станет информация, включая воображение», – заявляет Э. Тоффлер относительно информационного общества, отличающегося высокой степенью развития телекоммуникаций и компьютерных технологий, обеспечивающих высокую скорость процессов сбора, аккумулирования, обработки и передачи информации [4, с. 56]. Таким образом, на смену специализации приходит системное соединение творческого коллектива и цифровых технологий. Машины выполняют множественные узконаправленные, но крайне громоздкие операции. *Творчество становится эмерджентным*, соединяя в себе социальный коллектив и цифровую машину.

Интеллектуальные технологии применяются для решения фактических задач, для принятия управляемых решений, реализации творческих идей, для воплощения экономических и технических проектов. Информационное пространство, сеть или поле выводит феномен творчества на новый уровень, предоставляя необъятные просторы для моделирования, созидания и искусства [5, с. 7]. Все творческие проявления оказываются вписанными и зависимыми от социальных условий и характеризуется *контекстуальностью*.

Еще одной чертой информационного общества является высокая динамика всех социальных процессов, соответственно, появляется характеристика *пластичности и ситуативности научно-технического творчества*. Данная характеристика вводится в план творчества через следующие изменения в обществе: во-первых, наука и инновации в условиях развитых информационных технологий приобретают повсеместный, социально необходимый характер. Во-вторых, научно-техническое творчество приобретает ситуативный характер, так как творческая активность становится неотъемлемой частью трудовой деятельности. В-третьих, динамическая способность принятия решений в информационном обществе необходима для успешной социальной и профессиональной деятельности, а так же предотвращения нежелательных последствий введения новации в ткань социальности.

Как уже отмечалось, способность к прогнозированию последствий внедрения инновации или генерации нового научно-технического знания обладает высокой социальной значимостью. У. Бек акцентирует внимание на рисках негативных последствий научно-технического творчества, выделяя характерную черту технического прогресса: «Со скоростью технического прогресса современный мир увеличивает глобальный разрыв между языком обозримых рисков, в рамках которых мы мыслим и действуем, и миром необозримых угроз, которые мы также создаем. Своими прошлыми решениями по атомной энергии и нашими нынешними решениями по использованию генных технологий, генетики человека, нанотехнологий, компьютерной техники и т.д. мы вызываем непредсказуемые, неконтролируемые, даже просто необъяснимые последствия, которые угрожают существованию жизни на Земле» [6, с. 11]. Закон техно-гуманитарного баланса гласит, что чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества [7]. Таким образом, современное общество находится на этапе осознания, что культурный и гуманитарный уровни развития отстали от научно-технического прогресса, создавая глобальные угрозы. Изобретение атомного оружия породило угрозу гибели цивилизации в результате ядерной войны, эксплуатация природы привела к угрозе экологической катастрофы. Осознание непредсказуемости и невозможности культурного контроля последствий научно-технического творчества приводит нас к выводу, что необходимыми задачами и основными особенностями феномена творчества является его *антропо-гуманитарная направленность*.

Выделенные специфические черты вытекают из социально-исторического контекста постиндустриального общества и предопределяют специфику научно-технического творчества данного периода. Развивая инновационный потенциал общества необходимо учитывать эти особенности и продолжать их дальнейшее изучение, что поможет формированию продуктивной научно-технической сферы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бессарабов-Гончаров М. В. Специфика субъекта научно-технического творчества в постиндустриальном обществе: диссертация ... канд. филос. наук.- Волгоград, 2014.- 170 с.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 782 с.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс . — М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. (2.16)
4. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО Фирма Издательство АСТ, 1999. – 261 с.
5. Виноградова, Н.Л. Социальное пространство как пространство взаимодействия субъектов / Н.Л. Виноградова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 6 (15) / ВолгГТУ. – 2005. – С. 7–10.
6. Бек, У. Политическая динамика в глобальном обществе риска [Электронный ресурс] / У. Бек. – 2002. – Режим доступа: window.edu.ru/resource/130/42130/files/econ.pdf
7. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории : пособие для вузов [Электронный ресурс] / А. П. Назаретян. – 2004. – Режим доступа : – <http://www.macroevolution.narod.ru/nazaretyan03.htm>

УДК 101.1:316

ББК 87.6

A. A. Соловьев

МОДЕЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: lokotigr@mail.ru

В статье исследуются различные модели образовательного взаимодействия. Они выделяются в соответствии с бинарными оппозициями, такими, как личное – общественное; целостное – частичное; настоящее – будущее. В результате получается восемь типов ценностно-целевой ориентации образовательной деятельности.

Ключевые слова: образование; ценностный смысл; бинарная оппозиция; институциональность; цели образования.

A. A. Soloviev

THE MODELS OF EDUCATIONAL INTERACTION

Volgograd State Technical University

In this paper various models of educational interaction are investigated. This models are allocated in accordance with the binary oppositions, such as personal – social; universal – separate; present – future. The results of this selection are eight types of target value-oriented educational activities.

Keywords: education; value sense; binary opposition; institutionality; aims of education.

Во взглядах на цели и смысл образования нет полного согласия и единства. Это можно считать явлением отрицательным, а можно рассматривать как некоторое «нормальное» состояние отношения к указанному социальному институту. Мы представим несколько теоретических моделей образования, каждая из которых открывает свои пути выхода на практику, обусловленные конкретно-исторической ситуацией. В этом смысле работа может быть актуальна как в плане перспектив философии образования, так и применительно к изучению истории образовательной деятельности.

В статье будет рассматриваться исключительно массовое институциональное образование, предполагающее активное взаимодействие участников (субъектов) образовательного процесса – учителей и учеников, преподавателей и студентов, воспитателей и воспитанников (обучающихся). Приведем примерную характеристику понятия «образование», на котором станет основываться размышление.

Образование – социальный институт, обеспечивающий массовую подготовку людей к некоторой деятельности (или ко всякой деятельности); организация такой подготовки также включена в образование. Следует отметить, что главными характеристиками образования в указанном определении становятся массовость и институциональность.

Также добавим, что, поскольку мы рассматриваем понятие «модель образовательного взаимодействия», то интересует нас прежде всего деятельностная сторона учебно-воспитательного процесса, т.е. взаимодействие субъектов последнего, цель которого – подготовка человека к осуществлению тех или иных задач и проектов (в будущем или настоящем).

Бинарные оппозиции в образовании реально не существуют, поэтому всякая модель представляется своего рода абстракцией. Но эти абстракции мы предлагаем теоретически рассмотреть для выявления существенных черт и возможных внутренних противоречий.

Проведем противоположения разных сторон образования, а именно:

Личностное – общественное.

Личностное образование – ориентация учебно-воспитательной деятельности на личные потребности человека, не обязательно совпадающие с интересами общества.

Общественное образование – ориентация учебно-воспитательной деятельности на потребности общества, не обязательно совпадающие с личными интересами обучающегося человека (выпускника того или иного учебного заведения).

Частичное – целостное.

Разделенное (частичное) образование – подготовка человека к четко определенным типам деятельности или формирование отдельно взятых качеств, гипотетически необходимых для любого вида деятельности.

Целостное образование – развитие в человеке всех сторон личности или формирование в нем всех возможных положительных (признанных положительными) качеств [1].

Настоящее – будущее.

Образование «настоящего» – процесс, направленный на реализацию учащимся самых разнообразных личных (общественных) задач не по окончании определенного срока обучения, а непосредственно во время его.

Образование «будущего» – процесс, направленный на реализацию учащимся тех или иных личных (общественных) задач по окончании некоторого срока обучения.

Соответственно этому получается несколько моделей образования (идеальных конструкций):

- личное-частичное-настоящее;
- личное-частичное-будущее;
- личное-целостное-настоящее;
- личное-целостное-будущее;
- общественное-частичное-настоящее;
- общественное-частичное-будущее;
- общественное-целостное-настоящее;
- общественное-целостное-будущее.

Личное-частичное-настоящее.

Такое образование предполагает подготовку человека к четко определенным типам деятельности, необходимым для реализации личных задач непосредственно во время обучения.

Будем считать, что у человека могут быть личные ценности, не признаваемые данным социумом (отклоняющееся поведение). Теоретически допустим вариант, при котором все ценности некоторой личности становятся отклоняющимися; допустим и крайний вариант, когда большинство представителей социума имеют ценности, этим социумом не признаваемые, и находящиеся в условном противостоянии с ценностями, социумом признаваемыми.

Но в реальности таких ценностей и состояний не может быть много. К тому же мы говорим не столько об отдельных ценностях, сколько о системах. «Личным» образованием можно считать ориентацию на систему ценностей, как-то отличающуюся от системы, которую устанавливает социум.

Личное-частичное-будущее.

Этот подход расходится с предыдущим в следующем: все личные частные компетенции здесь реализуются уже по окончании учебного заведения.

Лично-целостное-настоящее.

Ориентируется на развитие в человеке всех сторон личности или формирование в нем всех возможных положительных качеств (признанных положительными им самим). Причем эти качества (физические, социально-психологические, технологические характеристики) выявляются самим человеком и необходимы для решения текущих задач.

Ориентация на ценности «человека настоящего» вкупе с попыткой найти целостность этого человека, т.е. найти в человеке универсальные качества и попытаться развить их, может создавать условия для изучения всей совокупности направлений, на которые ориентирована человеческая личность.

Лично-целостное-будущее.

Ориентируется на развитие в человеке всех сторон личности или формирование в нем всех возможных положительных качеств (признанных положительными им самим). Эти качества (физические, социально-психологические, технологические характеристики) выявляются самим человеком и необходимы для решения задач, с которыми человек столкнется после окончания учебного заведения.

Если рассмотреть данную модель образовательного взаимодействия, то можно выделить в ней следующие принципы:

- сам человек принимает окончательное решение о том, чему учиться, на основании каких идеалов воспитываться и в каком направлении развиваться;
- с учетом того, что ценности обучения, воспитания и развития могут частично не совпадать, необходимо координировать указанные процессы друг с другом с целью построения целостной личности;
- основным целевым ориентиром образовательной деятельности в данном случае становится будущее человека: успех в будущем является критерием эффективности такого образования.

Необходимо уточнить, что система образования может, например, предоставить обучающемуся возможность самостоятельно принимать решение по поводу того, чему и как учиться, но идеологию нравственного воспитания оставить за собой. Теоретически может быть и наоборот: воспитание, например, становится делом самого обучающегося (его семьи), а обучение – делом школы.

Общественное-частичное-настоящее.

Такое образование предполагает подготовку человека к четко определенным типам деятельности, необходимым для реализации общественных задач непосредственно во время обучения.

Как правило, социальные ценности настоящего – ценности поддержания системы отношений подрастающего поколения с его окружением. Учебная и воспитательная деятельность рассматривается как «фон», некоторая система занятий для «проведения времени».

Институциональное образование проходит обычно в коллективной форме, поэтому «проводить» личные ценности каждого проблематично. По этой же причине сложно ориентироваться на целостного человека. Существует несколько моделей такого образования, которые по-разному организуют деятельность обучающегося. При этом все они создают определенную обобщающую деятельность. Некоторые из личных ориентаций учащихся могут совпадать, а поскольку это – лишь незначительная часть их интересов, то образование становится частичным.

Общественное-частичное-будущее.

При таком подходе к образованию осуществляется подготовка человека к четко определенным типам деятельности, необходимым для реализации общественных задач по окончании обучения.

Ориентация на ценности «общества будущего» вкупе с попыткой выделить в человеке определенные качества, может приводить к интересным результатам, а именно: выделение направления (группы направлений), на которые его ориентирует социум: общество в этой ситуации может «прописывать» человека в некоторое положение и уже сам он реализует некоторую стратегию.

Общественное-целостное-настоящее.

Ориентируется на развитие в человеке всех сторон личности или формирование в нем всех возможных положительных качеств (признанных положительными социумом). Эти качества (физические, социально-психологические, технологические характеристики) выявляются обществом и необходимы для решения текущих задач.

Этот вариант представляется довольно утопичным, поскольку предполагает выявление в человеке общественно-значимых черт, но в то же время эти черты должны соединять в себе все человеческое.

Правда, общественное может быть шире личностного и тогда целостный человек будет включаться в общественного, ничего не теряя из своей целостности. Другое дело, что такая целостность у нас разделяется на две разновидности: целостность настоящего и целостность будущего.

Общественное-целостное-будущее.

Ориентируется на развитие в человеке всех сторон личности или формирование в нем всех возможных положительных качеств (признанных положительными социумом). Эти качества (физические, социально-психологические, технологические характеристики) выявляются обществом и необходимы для решения задач будущего.

Данную модель мы считаем наиболее близкой к тому, что обычно считается образованием, а именно: образование – социальный институт, а значит, оно необходимо реализует «социальный заказ»; все личные качества человека и его личные наклонности и интересы должны подчиняться требованиям общества. Любые отклонения либо подстраиваются под «заказ», либо исключаются. Последний вариант в некоторых случаях рассматривается как цель образования.

Человек тем не менее здесь предстает как целостный объект или даже субъект, но эта целостность игнорирует ряд факторов, значение которых в модели пренебрежимо мало. Образованием может ориентироваться на некоторую общую цель, например, на подготовку человека к вхождению в открытое информационное пространство, в котором ему только предстоит жить [3, с. 215].

Такое образование может рассматриваться как универсальное и направлено оно в будущее. Полагают, что знания и навыки, приобретаемые человеком в учебно-воспитательном процессе, пригодятся ему по истечении определенного промежутка времени. Вопрос о возможности их применения в настоящем не ставится.

В завершении следует сказать о том, что существуют четыре диаметрально противоположных случая образовательного взаимодействия. Они получаются при сопоставлении отдельно взятых пар из представленных нами, а именно:

- личное-частичное-настоящее – общественное-целостное-будущее;
- личное-частичное-будущее – общественное-целостное-настоящее;
- личное-целостное-настоящее – общественное-частичное-будущее;
- личное-целостное-будущее – общественное-частичное-настоящее.

Изучение представленных противоположностей, на наш взгляд, может быть интересно для философии образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соловьев А. А. От целостности образования к единству общества. Известия ВолгГТУ, 2014 / отв. ред. Р. М. Петрунева. – 2014. – Т. 19. – № 24. – С. 39–42.
2. Соловьев А. А., Артюхович Ю. В. Ценностно-целевые основания опережающего образования: монография. – Волгоград: ВолгГТУ, 2014.– 180 с.
3. Штыров А. В., Земляков Д. В., Казанова Н. В. Познавательный портал «Мирознай»: новые возможности для формирования открытого образовательного и воспитательного пространства. Известия ВолгГТУ / отв. ред. Р. М. Петрунева. – 2015. – Т. 20. – № 2. – С. 215–217.

УДК 1:316.48

A. N. Гулевский¹, Н. А. Гулевская²

ПОНЯТИЕ «ВОЙНА» И ЕГО МЕТАМОРФОЗЫ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

¹Волгоградская академия МВД России

²Волгоградский государственный технический университет

E-mail:^{*}gulewski@rambler.ru, ^{**}gulewskay@mail.ru

Авторами статьи осуществлен анализ проблемного поля философского дискурса о войне. Показана несостоительность, деструктивность инициирования отдельными исследователями процесса коренной инверсии архетипа войны в структуре сознания. В результате анализа концептов «холодная война» и «информационная война» сделан вывод об их невоенном характере. Авторами предложено собственное определение войны для понимания ее сущности как социального феномена. Признак «вооруженная борьба» определяется авторами в качестве атрибутивного свойства понятия «война».

Ключевые слова: насилие, война, политика, вооруженная борьба, информация, информационная война, холодная война.

A. N. Gulevsky¹, N. A. Gulevskaya²

CONCEPT "WAR" AND ITS METAMORPHOSES IN A PHILOSOPHICAL DISCOURSE

¹Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

²Volgograd State Technical University

Authors of article carried out the analysis of a problem field of a philosophical discourse about war. Insolvency, disruptiveness of initiation by certain researchers of process of radical inversion of an archetype of war in structure of consciousness is shown. As a result of the analysis of concepts "cold war" and "information war" the conclusion is drawn on their not military character. Authors own definition of war for understanding of its essence as social phenomenon is offered. The sign "armed struggle" is defined by authors as attributive property of the concept "war".

Keywords: violence, war, policy, armed struggle, information, information war, cold war.

"Теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и название вещей своими именами" (К. Шмитт)

Чрезвычайно усложнившийся, находящийся, по сути, в кризисном состоянии современный мир, порождает сильнейшее экзистенциальное напряжение как между людьми, так и между государствами-нациями. Совместная борьба наций-государств с терроризмом (форма современной войны) в Европе, США, на Ближнем Востоке призвана не только уничтожить терроризм "на корню", но и "выработать" новый способ существования и интеграции человечества. Уже ни у кого не вызывает сомнений необходимость в кардинальном пересмотре отношений между народами и государствами, то есть в установлении принципиально новой парадигмы миропорядка. Современные исследователи такого социального явления как война единодушно подмечают, что важнейшими для политиков, военных экспертов, рядовых граждан по-прежнему остаются вопросы: 1) возрастает ли вероятность в мире глобальной войны в контексте происходящих фундаментальных перемен; 2) какой по своему характеру будет эта война? 3) как снизить возможные риски и спасти людей? Ответы на эти вопросы станут определяющими для будущего всего человечества. Любая деятельность человека строится с использованием системы терминов, понятий, категорий. Путаница в дискурсе, в трактовке и понимании "войны" ведет, по мнению авторов статьи, к деструктивным манипуляциям общественным сознанием, порождает низкую эффективность государственных структур по обеспечению национальной безопасности.

В данной статье авторами предпринимается попытка вскрыть проблемные места современного дискурса о войне, показать несостоительность, деструктивность инициирования некоторыми исследователями процесса коренной инверсии архетипа войны в структуре человеческого сознания. В понимании сущности войны как социального феномена авторы исходят из следующего определения: война - это особая форма насилиственной вооруженной борьбы социальных субъектов друг с другом, по причине имеющихся у них противоречий, которые с помощью уничтожения и устрашения, с соблюдением определенных в той или иной культуре правил, стремятся подчинить или ликвидировать друг друга.

В представленном определении подчеркивается, что война ведется посредством уничтожения и устрашения и представляет собой форму вооруженной борьбы. По мнению авторов статьи, именно признак "вооруженная борьба" является атрибутивным свойством понятия "война". Однако, среди современных исследователей есть такие, которые в определении войны стремятся уйти от критерия вооруженного насилия и физического уничтожения в понимании сути данного социального феномена. Эти ученые полагают, что мир изменился со времен К. Клаузевица и необходимо искать новую "формулу" войны. Подобных исследовательских позиций придерживается, например, Т.В. Грачева, в прошлом ведущий научный сотрудник Центра военно-стратегических исследований Генштаба ВС России. В августе 2015 года на интернет-сайте "Военное обозрение" была опубликована ее статья "Прицел сужает кругозор", в которой Т.В. Грачева сформулировала ряд довольно сильных аргументов в пользу того, что на современном этапе войну нельзя считать только вооруженной борьбой. По мнению исследовательницы, война - это битва стратегий. В войне нужно учитывать политические, экономические, этнические, демографические, культурные, идеологические факторы. Подход Т.В. Грачевой основан на уже укрепившейся в современной науке традиции считать войной - "холодную войну", "экономическую войну", "финансовую войну", "технологическую войну", "культурную войну" и т.д. Как считает Т.В. Грачева, война теперь - это не только собственно боевые действия. Подобное понимание, утверждает этот автор, слишком узкое и не отвечает требованиям современной войны. Следует признать, убедительность аргументов Т. В. Грачевой в том, что военные стратеги СССР просчитались в своем понимании войны и так и не дождались от США в период так называемой "холодной войны" - войны в традиционном смысле, в виде боевых операций. Советские полководцы, по мнению исследовательницы, были разбиты на других полях сражений, а именно на политическом, экономическом, этнодемографическом, культурном, идеологическом полях. Иными словами, враги смогли сокрушить СССР в "невидимой войне на других полях сражений", искусно обойдя советских генералов, подобно великому Ганнибалу в битве при Каннах, где карфагеняне смогли обойти римлян, окружить и разбить их. Чтобы не повторять ошибок прошлого Т. В. Грачева предлагает, как бы срастить военное пространство с политическим, государственным, экономическим, социальным, религиозным, чтобы картина войны из одномерной стала многомерной [1].

В итоге, в трактовке Т. В. Грачевой, война и вооруженная борьба становятся как бы двумя независимыми, самостоятельными средствами политики. Война может протекать без вооруженной борьбы, а вооруженная борьба без войны. Подобной позиции в отношении сущности войны придерживаются исследователи М. Л. Боргачев и В. П. Гулин в статьях "О методологии развития и формирования военной науки" [2], "О новой концепции войны" [3].

Следует признать, что попытки обнаружить сущность войны нельзя не считать похвальными, и более того, в современных геополитических условиях - это весьма актуально. По мнению авторов данной статьи, войну нельзя сводить только лишь к понятию "борьба", как это делают теоретики, объединяющие войну с политикой, экономикой, культурой, демографией и т.п. Понятие "борьба" гораздо шире по своему логическому объему, нежели чем понятие "война". Следуя этому тезису мы должны будем признать борьбу женщин за равноправие - войной женщин с мужчинами, борьбу ЛГБТ-сообществ за признание - войной с гомофобией. Олимпийские игры, где соревнуются спортивные команды национальных государств - тогда тоже война за престиж, после поражения, в которой страна может получить мощный психологический удар, сдаться и развалиться на части. Несостоятельность, и даже деструктивность подобного подхода в понимании сущности войны заключается в том, что понятие "раздувается" до невероятных размеров, становясь тотальным явлением действительности. Так как борьба является наиболее распространенным видом деятельности человека, ведь и труд - это борьба, то тогда война становится всепроникающей и жестко предопределенной, поэтому от нее точно не будет никакого спасения. Следует согласиться с тем, что по своей цели война и борьба могут иногда совпадать, но по средствам они различаются. В этом аспекте трактовки сущности войны надлежит присоединиться к позиции российского исследователя, профессора, доктора философских наук В. В. Серебрянникова, изложенной им в работе "Социология войны": "Нельзя правильно определить войну, если в ее понятии не отразить средства... в войне цель не может отрываться от военных средств, именно последние придают ей качественное своеобразие" [4, с. 27].

Упоминая "холодную войну" следует сказать, что в нормативных документах международного права такое понятие юридически не закреплено. СССР не вел официально никакой войны с США, а значит не терпел поражения в ней, не подписывал официального юридического документа о своей капитуляции и отторжении части своих территорий под ультимативными требованиями врага. Исходя из этого, авторы данной статьи предлагают относиться к понятию "холодная война" как к устоявшемуся в обыденном сознании некорректному употреблению термина война, перешедшему постепенно в СМИ, публистику и научную литературу. Навязывание этого понятия является намеренным "раздуванием", преувеличением результатов, достигнутых США в экономическом и идеологическом противостоянии СССР, в борьбе за господство в мире. Согласно расчетам идеологов США, проникновение понятия "холодная война" в сознание россиян должно было формировать у них установку принадлежности к стране, потерпевшей поражение именно в войне, а не в экономической конкуренции. Так как почувствовать себя реальными победителями американские милитаристы так и не смогли, они придумали себе войну, победу в ней и даже награды. В США есть специальная медаль за победу в холодной войне, которую могут носить как военные, так и гражданские люди, участвовавшие в борьбе с СССР в те годы. Однако американские офицеры в армии предпочитают ее все же не надевать на мундир, так как честь в этой стране не смогла покинуть всех граждан.

Интересные дискуссии развернулись и вокруг понятия "информационная война". Авторы альтернативной концепции войны убеждают нас, что цивилизация привела человечество к войнам без жертв и крови, и примером является новый ее вид "информационная война". Утверждается, что информационные технологии воздействия на властные, управляемые и информационные системы, сознание населения с целью насилиственного навязывания своих духовных и материальных ценностей, и есть по своей сути, война нового типа, в которой не будет места физическому насилию. С этим сложно согласиться. Весь мир имел неприятную возможность наблюдать войну с использованием информационных технологий в небе Боснии и Ирака. Человечество стало свидетелем огромного количества жертв, как среди военных, так и среди мирных людей. Авторы данной статьи убеждены, что глубокое заблуждение овладевает людьми, надеющимися, что хитрая пропаганда, подкуп, запугивания, вредительство и т.п., могут представлять войну нового типа. Никакие уговоры противника не будут достаточными без наличия и применения вооруженной силы. Говоря о войне "третьей волны" цивилизации, (информационной цивилизации) американский философ Э. Тоффлер в своей работе "Война и антивойна" писал: "Уничтожь средства командования противника. Прерви его линии связи, чтобы прекратить передачу информации вверх и вниз по командной цепи...бей глубоко. Не дай резервным эшелонам противника войти в дело,...а главное: знай, что делает враг, и не давай ему знать, что делаешь ты" [5, с.112]. По мнению Э. Тоффлера, первой информационной войной была война США против Ирака. Именно здесь с помощью новейших информационных систем слежения американцы контролировали иракских солдат и при помощи напичканных информационными сенсорами и головками самонаведения сверхточными бомбами и ракетами уничтожали иракцев словно "слепых котят", почти не рискуя при этом своими жизнями. "Два самолета "Джей-старз" сделали 49 боевых вылетов, идентифицировали более 1000 целей, в том числе колонн, танков, грузовиков, бронетранспортеров и артиллерийских орудий; под их управлением работали 750 истребителей... самолет, направляемый системой "Джей-старз", в девяноста процентах случаев находил цели с первого захода" [5, с.115]. Несколько хвастливым, но близким к истине звучит и следующее заявление Э. Тоффлера: "Сегодня один F-117, совершив один боевой вылет и сбросив одну бомбу, может выполнить задачу, которую во время Второй мировой войны бомбардировщики B-17 выполняли за 4500 вылетов, сбрасывая 9000 бомб, а во Вьетнаме за 95 боевых вылетов и сбрасывая 190 бомб" [5, с.119]. В чем причина такой сверх эффективности? "В основе действия оружия лежит информация, а не объем огневой мощи", как в войнах второй волны цивилизации (индустриальной цивилизации) [5, с.119]. Таким образом, по мнению Э. Тоффлера, суть информационной войны, прежде всего, состоит в создании разумного оружия на базе микроэлектроники. Это оружие может обнаруживать тепло от человека и двигателя, звук от шепота подбирающегося врага, точное место откуда произвели выстрел артиллерия или снайперская винтовка, видит излучение радиолокационной станции, или электронные сигналы, может анализировать их самостоятельно, определять цель и поражать ее с первого выстрела. Друг-

гой особенностью информационной войны является коррекция военных целей, которыми в первую очередь становятся органы управления армии противника, то, что можно назвать его "нервной системой". Это означает на практике, конечно, не словесную перепалку в СМИ, не книги и журналы, написанные на заказ, на гранты противной стороны и не кинофильмы, про суперагентов, побеждающих целые армии подобно "Джеймсу Бонду", а точечные удары по штабам и стратегически важным объектам, если они обнаружены, по казармам солдат или расположению армейских частей, технике, складам. В ряде случаев наносят удары по электростанциям, заводам и фабрикам, уничтожают водопроводы, разрушают теле- и радиоцентры, глушат передачу любых данных в интернете.

Из вышеизложенного становится очевидно, что информационная война совсем не похожа на войну, исключающую уничтожение и устрашение противника, напротив, уничтожение становится более эффективным и сильным, потому что стреляют в такой войне точнее и быстрее. Удары наносят сразу по командным центрам, то есть если выражаться фигулярно "не в грудь и живот", а сразу "в голову и добивают лишенное управления тело" той или иной страны пока оно в судорогах не прекратит сопротивления, а измученные ночными бомбардировками и дневными налетами жители, опасающиеся выходить на улицу и живущие в подвалах не будут умолять свое правительство о мире любой ценой.

Следует отметить, что относится к бескровным средствам информационного подавления также способствует победе в войне, но эти средства являются вспомогательными, хотя и вполне эффективными. Эти средства борьбы, именно борьбы сопутствуют настоящей войне, но могут работать и без нее, быть "прелюдией" к настоящей войне. Устрашение на войне - это, прежде всего, опасность быть убитым, страх не увидеть больше свою семью, расстаться с тем, что ты любишь больше всего. Такой страх приходит в моменты, когда ты видишь гибель людей рядом с собой, своих товарищем. Страх парализует волю к сопротивлению, человек делает выбор в пользу жизни, пусть даже унильной, лишь бы не война и смерть. Но устрашение действует не на всех одинаково. История показывает нам примеры людей, способных преодолевать инстинкт самосохранения. Они чувствуют, что оказались на войне не случайно, так как могут в этой обстановке ужаса и хаоса думать не только о своем спасении, но и о том, как нанести поражение противнику, заставить его перестать наносить удары, заставить дорого заплатить за свои действия, сломить его волю, вынудить отступить. Таких людей не запугать "страшилками" в СМИ, не заставить сдать оружие пропагандистскими уговорами, доводами, экономическими санкциями и, если они любят свою Родину, то и подкупом, чтобы покорить, таких людей их придется уничтожить физически.

Таким образом, война представляет собой состояние социума, противоположное миру. В обстановке войны общество подвергается насилию и само использует его. Вся жизнь общества подчиняется задачам ведения вооруженной борьбы, которая осуществляется в форме согласованных, систематических боевых действий. Без этого войны не бывает по определению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грачева, Т. В. "Пришел сужает кругозор"/ Т. В. Грачева. Режим доступа <http://topwar.ru/80397-pricel-suzhaet-krugozor.html>
2. Боргачев, М. Л. О методологии развития и формирования военной науки / М.Л. Боргачев // Военная мысль. - 1997, №4, С.63-72
3. Гулин, В. П. О новой концепции войны / В.П. Гулин // Военная мысль. - 1977, №2, С. 14-18.
4. Серебрянников, В.В. Социология войны / В.В Серебрянников. М.: "Ось-89". - 1998, - 320с.
5. Тоффлер, Э. Война и антивойна / Э. Тоффлер. - М.: "АСТ: Транзит книга", 2005. - 412с.

УДК 008
ББК 71.07

O. V. Естрина

ПЕРЕЖИВАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: olgaestrina@rambler.ru

В статье рассмотрен культурный ландшафт, и выявляется один из значимых элементов культурного ландшафта – «переживаемое пространство», отражающего экзистенциальные аспекты пространственных феноменов.

Ключевые слова: культурный ландшафт, «переживаемое пространство».

O. V. Estrina

EXPERIENCED SPACE OF CULTURAL LANDSCAPE

Volgograd State Technical University

The article describes the cultural landscape, and revealed one of the most important elements of the cultural landscape – “experienced space” reflecting the existential aspects of spatial phenomena.

Keywords: cultural landscape, “experienced space”

Культура неразрывно связана с пространством. Пространство является местом, где культура существует, местом ее локализации, пространство задает специфику хозяйственных и социальных практик, пространство становится объектом символического осмысливания и ментального переживания, производимого культурой. Столь тесное переплетение пространственных и культурных феноменов сделало востребованным исследования, осмысляющие отношения пространства, культуры и человека. Наиболее глубоко и всесторонне, на наш взгляд, указанные аспекты раскрываются в концепции культурного ландшафта – концепции, возникшей на пересечении научного интереса гуманитарных, социальных и естественных наук.

Культурный ландшафт – это феномен, при помощи которого культура идентифицирует себя, позволяя членам социокультурной общности обживать, осваивать и осознавать окружающий мир [5, с. 145]. Следует заметить, что к настоящему времени единственной дефиниции культурного ландшафта не сложилось, но отчетливо себя проявляет тенденция на актуализацию экзистенциальных значений этого феномена. Единство пространства и культуры было выделено еще в работах В. И. Вернадского и П. А. Флоренского. В настоящий момент осмысливание этой проблематики ведется по ряду направлений. Особенности кодирования пространства в языке и тексте исследовали М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. М. Топоров; пространство в контексте религиозных воззрений изучали А. М. Лидов, Р. Отто, М. Элиаде. Конкретные сведения о содержательной стороне отдельных культурных ландшафтов содержатся в работах Г. Гачева, О. А. Лавреновой, В. А. Подороги. В. Н. Калуцков развивает этнокультурное направление, в рамках которого главным критерием для выделения конкретного пространства в качестве культурного ландшафта выступают разнообразные традиции, обычаи, мифы и предания народа, проживающего на данной территории. В работах Д. Замятиной культурный ландшафт рассматривается через совокупность геокультурных образов, накапливаемых и осмыслиемых определенными культурами.

Иными словами, очевидное расширение дефиниции культурного ландшафта за счет экзистенциальных смыслов, проявляющееся в последнее время, говорит о необходимости более внимательного изучения этой стороны культурного ландшафта, выражаящейся в особом модусе бытия человека и культуры. Как представляется, для обозначения синтеза аксиологических и семиотических структур с географическими константами, необходим особый феномен – так называемое «переживаемое пространство». Переживаемое пространство – это те уникальные образы и смыслы, которые формируются в культуре как результат восприятия, понимания и обживания пространства. Это осознанная и оформленная репрезентативная часть природного пространства, данная не только в ощущениях, но в образах и символах, отражение пространства в менталитете, кодах, смыслах культуры, в мифопоэтической традиции, в осознании топофобных и топофильных мест [2, с.10].

Переживаемое пространство – это система взаимосвязанных знаков, символов, стереотипов, лаконично и ярко характеризующих какую-либо территорию. Оно рождается на пересечении телесности и ментальности из такого человеческого восприятия, которое характеризуется эмоциональной напряженностью и образной насыщенностью. В переживаемом пространстве образ среды

всегда гипертрофированно преувеличен, все детали и свойства, связанные со значениями и ценностями данной культуры максимально выделены. Переживаемое пространство не терпит безразличия, все нейтральное, а потому не значимое – опускается. Поэтому переживаемое пространство всегда коррелируется с общекультурными ценностями, эстетическими представлениями, идеологическими или религиозными установками [4, с. 39].

Переживаемое пространство всегда конечно. Только ограниченное горизонтом пространство может быть наполнено смыслами и значениями, может быть структурировано, целостно, приручено, символически осмыслено. Это осмысление вырастает из непосредственного ощущения и прошлого опыта, из сочетания коллективных и индивидуальных представлений.

Переживаемое пространство воплощает определенные этические и эстетические идеалы, передавая им видимую, осязаемую предметность. Оно закрепляет в культуре присущие данному обществу схемы деятельности и человеческих отношений. Через переживаемое пространство формируется система символических практик, наполняющих смыслом повседневное существование.

Переживаемое пространство обладает механизмом наложения на реальное пространство, в результате чего последнее становится структурированным и маркированным. А реальные объекты наполняются ценностью и эмоциональными переживаниями, удваивая свою презентацию, как в реальном, так и в переживаемом пространстве.

По своей природе переживаемое пространство достаточно разнообразно. Оно может быть коллективным и индивидуальным (личностным). Индивидуальное переживаемое пространство строится на тех же представлениях, символах и ценностях, что и коллективное, но в большей степени отражает экзистенциальное состояние человека. Оно может быть универсальным, отражающим наиболее общие представления и смыслы, и специфическим, ориентированным на этнические или даже узко-групповые представления. Кроме того, переживаемое пространство может быть устойчивым, когда его элементы и характеристики долгое время существуют в социокультурной картине мира, или случайно-событийным, сложившимся под влиянием недавних, как правило, идеологических, установок.

Переживаемое пространство имеет чрезвычайно широкий спектр репрезентаций. Начиная от мифологических и религиозных представлений, отраженных в народных преданиях, сказках, песнях до репрезентаций в искусстве, архитектуре, литературе, виртуальной реальности или повседневности. И чем шире спектр этих репрезентаций, тем полноправнее и осмысленное становится человеческое существование, преодолевается отчужденность человека от культурной и природной среды. Смыслы, порождаемые переживаемым пространством, позволяют человеку укорениться в бытии, привязаться к своей земле, своей территории, своей эпохе.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что сложившаяся в последнее время в науке тенденция на анализ знаково-символических значений пространственных характеристик, спровоцировали нас на выделение из концепта культурного ландшафта специфического феномена переживаемого пространства. Выявление этого феномена, по нашему мнению, подчеркивает сложность и значимость процессов символического освоения пространства, позволяет выявить различные формы этого освоения. Переживаемое пространство – это феномен, при помощи которого культура идентифицирует себя в процессе активного освоения окружающего мира. В дальнейшем, представляется возможным, исследуя феномен переживаемого пространства, выделить и рассмотреть механизм образной интериоризации, превращающей реальные пространственные объекты в образы и значения культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Веденин, Ю. А. Культурный ландшафт как объект наследия / Ю. А. Веденин. – М.: Институт Наследия: СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с.
2. Естрина, О. В. Культурный ландшафт как фактор бытности социокультурного пространства региона / О. В. Естрина // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 7 (167) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 21). – С. 9–12.
3. Естрина, О. В. Природно-экологическое поле как основание формирования социокультурного пространства региона / О. В. Естрина, О. И. Ситникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 6 (12), Ч. 2 – Тамбов: Грамота. – 2012. – С. 78–81.
4. Иконников, А. В. Искусство, среда, время. Эстетическая организация городской среды / А. В. Иконников. – М.: Советский художник, 1985. – 364 с.
5. Никитина, А. В. Культурный ландшафт как опыт переживания пространства / А. В. Никитина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, № 6 (12), Ч. 2 – Тамбов: Грамота. – 2011. – С. 144–146.
6. Ситникова, О. И. Роль религиозного фактора в организации социокультурного пространства Нижне-Волжского региона (на основе анализа истории кочевников средневековья) / О. И. Ситникова // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 24 (151) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 19). – С. 18–20.

УДК 101.1:215
ББК 87:86

В. Л. Гуренко

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Волгоградский государственный университет

E-mail: vladek1905@rambler.ru

В статье актуализируется проблема при понятийном исследовании современной религиозной философии. Выдвигаются подходы к определению понятия "религиозная философия" и стратегические основания для начального исследования феномена. Применяется метод сравнительного и понятийного анализа при сравнении понятий "философия религии" и "религиозная философия".

Ключевые слова: религиозная философия, философия религии, теология, «план имманенции», «концептуальный персонаж».

V. L. Gurenko

THE APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF MODERN RELIGIOUS PHILOSOPHY

Volgograd State University

The article updates the conceptual problem with the study of contemporary religious philosophy. The approaches to the definition of "religious philosophy" and the strategic reasons for the initial study of the phenomenon are put forward. The method of comparative and conceptual analysis when comparing the concepts of "philosophy of religion" and "religious philosophy" is applied.

Keywords: religious philosophy, philosophy of religion, theology, the "plan of immanence", "conceptual character".

На сегодняшний день религиозно-философские исследования становятся как никогда актуальными. Это связано не только с напряженными внешнеполитическими обстоятельствами между Западноевропейскими странами и странами Ближнего Востока, но и с психологическими и традиционными аспектами, которые оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности, как индивидуума, так и целых сообществ. В начале XX века к аналогичному суждению пришел немецкий социолог Макс Вебер, который в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» доказывал тезис, что капитализм, как идеология является результатом секуляризации кальвинистской религиозной философии. Но исследователь, который эксплицирует специфику религиозных установок (или религиозных пресуппозиций) автора только из текстов, сам зачастую сталкивается с исследовательской проблемой. В чем суть этой проблемы? Это – проблема понимания исследователем, целью которого является понятийно зафиксировать объект исследования, того, что считается уже общим и известным. Это понятийное затруднение выражается в определении такого понятия как «религиозная философия». Почему это является проблемой? Во-первых, потому что на сегодняшний день не сформировано устойчивой демаркации между понятиями «философская теология» и «религиозная философия», не говоря о том, что различные русские религиозные философы, как например, Владимир Соловьев, а также различные исследователи религиозной философии не видели различия между религиозной философией и философией религии.

Во-вторых, помимо трудности того или иного адекватного определения или анализа этих феноменов, возникает проблема грамматического отношения этих конструкций. К примеру, при анализе таких конструкций, как «философия религии» или «религиозная философия» у исследователя возникает проблема в установлении придаточных свойств каждой из них. Что это значит? Это значит, что возникает проблема в выявлении родительного или именительного падежа, поскольку при различном использовании того или иного падежа будет меняться смысл конструкции. В одном случае «философия», как основополагающее в именительном падеже (Кто? Что?) к «религии», в другом случае в родительном падеже «философия» (Кого? Чего?) будет придаточным по отношению к «религии». При выявлении и разграничении этих придаточных свойств возможно будет адекватно эксплицировать такие концепты, как «философия-о-религии», «философия-в-религии» и др. Так, известная французская исследовательница религии М. Симон в своем произведении «Философия религии в работе Шлейермахера», написанной в 1974 году, различала «философию религии» от «религиозной философии», использовав конструкцию philosophie de religion (философия религии) и philosophie religiuse (религиозная философия).

И, наконец, в-третьих, сложность возникает при установлении рамок понимания и корреляции слов «современная» и «религиозная». Так, например, в учебном издании по религиозной философии к религиозной философии относят как оккультную и теософскую литературу, так и авторские религиозно-философские взгляды тех или иных философов, которые могут не расцениваться научным академическим сообществом в качестве религиозной философии. Таким образом, с одной стороны, конфликт интерпретаций понятия «религиозная философия» не дает однозначного определения этого феномена, но с другой стороны побуждает исследователя самому найти подходы и методы решения этой понятийной задачи, что, впоследствии будет являться научной новизной. Таким образом, исследовательской новизной настоящей работы будет установление новых дискурсивных связей между понятиями «современная» и «религиозная» философия, а также выявление дополнительных интерпретаций этих понятий.

Как известно, существуют, как минимум, две оптики рассмотрения понятия «религиозная философия», как например, теистическая и мистическая. Особенностью теистической оптики является, во-первых, то, что она предполагает рассмотрение понятий «религиозное» или «религиозность» в рамках закрытой системы. Во-вторых, теистическая оптика по умолчанию соотносит понятие «религиозная» с иудео-христианской традицией, которая послужит основанием появления, в режиме религии откровения, так называемых авраамических религий. Таким образом, в рамках теистической оптики буддизм не является религией, поскольку он отрицает идею личного Богатворца, и идею ex nihilo, т.е. творения мира из ничего. В христианском понимании под религиозным понимается идея Августина о Граде Божьем, вечно противостоящим Граду Земному. Религиозный человек инспирирован (воодушевлен) христианской интенцией. Человек, живущий в Граде Небесном, главной опорой своего бытия ставит жизнь согласно Священному Писанию. «Религиозное» -- это особый духовный режим отношений между Богом и человеком, в отличие от Града Земного, где происходит смешение и обезличивание контактируемых. Такому смешению, Августин дает концепт «Вавилон». «Вавилоном» Августин называет множественные философские споры. Отсюда видно, что Августин негативно относится к различным античным философским метафизическим дискуссиям, которые не позволяют сознанию структурировать и систематизировать философское знание по тем или иным вопросам. Августин тем самым отвергает идеальный философский плюрализм мнений, отдавая предпочтение философам, которые, порой не рефлексивно, научали благочестию и нравственности, как например Сократ и Платон. Августин пишет: «Все, что некоторые философы среди лжи, которую они высказывали, могли усмотреть истинного и в чем старались убеждать путем трудных рассуждений, как, например, что настоящий мир сотворен Богом и управляемся Его промыслом, равно о честности добродетелей, о любви к отечеству,...» и далее «все это в этом граде было заповедано народу пророческими, т.е. божественными, хотя и через людей, устами, а не втолковано путем словопрений...»[1]. Таким образом, идею вхождения философии в религиозную христианскую систему можно описать через метафору потока, направление которому задает русло. Иными словами, религия подчиняет себе философское учение. Однако исследования весьма противоречивой и неоднородной истории развития религиозной философии, амбивалентно приводили к выводу, что именно философия подчиняет себе религию. В результате этого сложного взаимодействия и конструируется такой феномен, как религиозная философия.

В отличие от теистической, мистическая оптика намного шире. Такой оптики придерживался ряд русских религиозных философов, например, Н. А. Бердяев, который под религиозностью понимал всякую метафизику, т.е. особую интенцию субъекта, целью которого является выйти за пределы чувственного мира и соприкоснуться с миром сверхчувственным.

Таким образом, можно выделить операциональное определение религиозной философии. Религиозная философия – это продукт философской рефлексии, который всегда соотносится с той или иной религиозной традицией. В отличие от философии религии, которая базируется не на религиозных, а на сугубо философских построениях. Теоретической базой для религиозной философии является теология, где с помощью философских идей, концептов и категорий осуществляются анализ, экспликация, герменевтика и апологетика различных религиозных доктрина и постулатов. Как правило, почти в каждой религиозной системе существует своя религиозно-философская традиция. Так, например, в исламском мире популярны религиозно-философские идеи М. Икбала, в буддистской – идеи Д. Икэды и т.д.

На сегодняшний день существуют различные точки зрения, которые ставят под сомнения наличие религиозной философии как таковой. Порой возникает вопрос: «Правомерно ли вообще в данном случае использовать термин «философия»?» Проблема определения выражается, как правило, в конфликте различных рецепций на этот счет, т.е. в данном случае проявляется эпистемологическая проблема. Одна идея исходит из картезианской установки, что философия, как чисто рациональное мышление, не может быть подконтрольна той или иной отрасли знания, поскольку в таком случае, например, трудно отличить философию от науки. Иными словами подразумевается, что такой феномен, как религиозная философия является неким симулякром, не имеющим оригинала. Что на это можно возразить? Во-первых, можно дать эпистемологический аргумент. Исследуя способы философствования в истории философии, можно сделать вывод, что границы философствования всегда были условны. И при рассмотрении и соотнесении различных эпистем и пресуппозиций между собой, окажется, то что, было актуальным и истинным в одной эпистеме, в другой будет ложным. Так, например, тезис, что философия исходит только из чисто рациональных установок, будет считаться условным в различных сенсуалистских, экзистенциалистских или иррационалистических методах философствования. Необходимо также отметить, что религиозной традиции, в частности христианской, не чужда рационализация. Так, выдающейся историк русской религиозной философии В.В. Зеньковский в своем труде «История русской философии» пишет: «Философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях рационализации» [2]. Проблема заключается в том, что в эпоху модерна отличительным свойством философствования являлось наличие систематичности и гносеологии, т.е. теории познания. Но о каком познании идет речь? Имеется в виду познание реальности (realite), обусловленной классической эпистемой Нового времени, для которой характерно дейстическое представление о Боге. Специфика познания в религиозной философии обусловлена религиозной структурой, которая, оперируя философскими категориями и идеями, систематизирует этапы и особенности познания самой религиозной реальности или Трансцендентального Абсолюта как такового.

Если философия согласно Жилю Делезу и Фелексу Гваттари, это конструирование или творчество концептов, где концепт понимается как событие, то это определение отнюдь не дезавуирует феномен религиозной философии. Так, в христианской философской традиции известны такие выработанные и устоявшиеся концепты, как «грех», «чудо», «вера», «разум», «душа», «закон» и др. Попытки создания концептов на основе Западной религиозной философской традиции вытекали в рамках спора об Универсалиях между, реалистами (Гильом из Шампо, Фома Аквинский), номиналистами (Росцелин, Оккам) и концептуалистами (Абелляр). На Западе в неотомизме в книге «Религия и культура» Ж. Маритен вводит концепт «Христианский мир» и «цивилизация». В русской религиозной философской мысли Владимир Соловьев, о. Сергий Булгаков, о. Павел Флоренский вводят и конструируют такие концепты, как «побуждающее начало», «Великий синтез», «всесоединство» «София», «человек», «Бог», «Истина», «Свет» и др. Многие концепты конструировались и дорабатывались в таком синкретическом религиозно-философском учении, как софиология.

Каким же образом следует задать рамку при изучении текстов религиозной философии, как объекта исследования? Одним из возможных путей будет являться выбор либо религиозно-философской традиции, либо выбор авторитетного мнения экспертов относительно данного вопроса. Таким образом, это может быть теистическая религиозно-философская традиция, в которую будут входить, например, христианская теология или же ряд текстов русских религиозных философов. Выбор позиции исследователя ограничит его положение, как исследователя. Иными словами, сам исследователь задает себе вопрос: «Где я нахожусь?». Выбор этот является весьма важным, поскольку он определяет специфику, цели и задачи исследования, так, например, исследователь может находиться в модусе религиозного философа или же модусе философа религии.

Другой путь излагается в книге Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?». В книге излагается такой начальный режим философствования как «план имманенции» и выбор «концептуального персонажа». Как пишут авторы: «План имманенции – это не мыслимый или потенциально мыслимый концепт, но образ мысли, тот образ, посредством которого она сама себе представляет, что значит мыслить, обращаться с мыслью, ориентироваться в мысли»[3]. Таким образом, если имманентность предполагает логическое следование или продолжение мысли, то «план имманенции» позволяет остановить логическое следование и перенастроить оптику философа-исследователя, тем самым дав себе возможность сконструировать новые идеи и концепты. Подоб-

ное конструирование создает роль, в которую погружается философ. Так появляется «концептуальный персонаж», в рамках которого происходит философское исследование. При этом важно отметить, что зачастую этот «концептуальный персонаж» может трансформироваться. Эта трансформация видна при изучении истории философии, где, для того чтобы передать эволюцию взглядов того или иного философа, используются такие понятия, как «ранний» и «поздний». Например, в истории философии принято различать ранний (до критический) и поздний (критический) периоды творчества И. Канта.

Важно понять, что религиозная философия является, прежде всего, философией, несмотря на различные метафоричные интерпретации самой философии и философа как такового. Как, например у М. Мамардашвили философ – это «Фома неверующий» или у Николая Кузанского «простец/идиот». Религиозная философия остается философией, если философия рассматривается как просто сумма общих теоретических знаний или система отрефлексированных идей, как процесс самой рефлексии. В религиозной философии религиозная структура является фреймом (рамкой) для философской рефлексии. Для религиозного философа религиозная структура есть «опора» или «трамплин», на которую опирается (или от которого) отталкивается философ, также как любой другой философ отталкивается от той или иной философской традиции. Как писал о. Сергий Булгаков: «Границы разуму указываются не внешним авторитетом, но его собственным самосознанием, постигающим свою природу. Поэтому-то философия не исходит из догматов веры, но приходит к ним как подразумеваемым и необходимым основам философствования» [4]. Философия может быть таковой, если философия рассматривается в качестве метода постижения истины, где одна культура или традиция заимствует различные методы у другой. Заимствуя эти методы, одна традиция приобретает тем самым совершенно иной статус и новые свойства.

Как таковая религиозная философия представляет собой систему различных школ и направлений. Религиозная философия занимается онтологическими, гносеологическими, антропологическими, экзистенциальными и социальными проблемами. Необходимо отметить, что религиозная философия, в отличие от теологии, нередко обладает критическим и авторским индивидуализмом, что порой приводит к расхождению учения религиозного философа с официальной религиозной доктриной. К примеру, в истории русской религиозной философии под влиянием учения о Софии, религиозный философ о. Сергий Булгаков провозглашает Софию, как четвертую ипостась Бога, тем самым вызвав сильную настороженность со стороны Русской Православной Церкви. Так, религиозная философия, идентифицируя порой свое отличие от официальной конфессиональной идеологии с одной стороны, и от философии с другой, становится автономным феноменом.

Что же детерминирует появление философии в религиозной модели? Как правило, это появление связано с «вызовом времени», когда под напором иных философских или научных концепций, которые так или иначе затрагивают сферу религии, религиозная философия выступает в качестве ответной реакции на эти концепции. С другой стороны, в пространстве самой религиозной системы, ввиду появления онтологических и антропологических вопросов, возникает философия, как дополняющий конструкт в русле той или иной религиозной традиции. В системе этих взаимоотношений формируется религиозная философия с ее основоположниками. В христианской культуре выделяют несколько направлений религиозной философии. На Западе, в римско-католической и протестантской традиции выделяют: 1) Августинизм с его видными представителями, такими как Абелляр, Ансельм Кентерберийский, Бонавентура, Уильям Оккам и др. 2) Томизм (Франсиско де Витория, Франсиско Суарес). 3) Отдельно выделяют русскую религиозную философию в лице В. Соловьева, о. Павла Флоренского, С. Булгакова и др.

Известны такие представители французской школы как Ж. Маритен, Э. Жильсон, М. де Вульф; немецкой – М. Грабман, К. Беймкер, Д. Бергер, а также итальянской и бельгийской школ. Вслед за неотомизмом новое веяние получает неоавгустинизм, протестантская неоортодоксия, диалектическая теология (К. Барт, Э. Бруннер), религиозный экзистенциализм (П. Тиллих, М. Бубер, Г. Марсель), религиозная антропология (Г. Плеснер, А. Гелен), креационизм. Также отдельным крылом выделяют представителей русской современной религиозной философии школы персонализма (Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов).

Что такое современная религиозная философия? Необходимо учесть, что современная религиозная философия – это исторически и научно устоявшееся словосочетание, которое используется в религиозных и философских исследованиях. Что значит современная религиозная философия?

Под современной религиозной философией принято понимать религиозную философскую мысль второй половины XX столетия, как на Востоке, так и на Западе. Так, к примеру, в 1967 г. в энциклопедии «О прогрессе народов» в качестве регулятивного идеала была продекларирована идея интегрального гуманизма французского неотомиста Ж. Мартена. Во-первых, под «современной» идеей понимается не только «актуальная», т.е. взгляды которой являются или были востребованы в ХХ веке различными институтами, но и на сегодняшний день являются основополагающими в той или иной религиозной доктрине. Во-вторых, под «современной» в данной работе будет пониматься «обновленная» религиозная философия. Это означает, что те базовые взгляды и направления различных религиозно-философских школ были переосмыслены и трансформированы в ХХ столетии. Эта обновленческая тенденция видна *par excellence* в Западных религиозно-философских направлениях через приставку «neo» или «new». Например, томизм трансформировался в неотомизм, августинизм в неоавгустинизм. Также в ХХ веке появляется тенденция «Новой реформации», о которой писал философ Альфред Уайтхед. В протестантской теологии появляется направление «неоортодоксии». В русской религиозной философии деятельность В. В. Соловьева, о. Павла Флоренского, митр. Сергия Булгакова и др., получила название «религиозно-философского ренессанса», что также указывает на возрождение и преобразование религиозной философии в России. В-третьих, современная религиозная философия ХХ века – это такая философия, которая под влиянием философских исследований ХХ столетия, начинает создавать такие новые направления как «теология процесса», «теология надежды», «теология смерти Бога», «религиозный экзистенциализм», «диалектическая теология», «религиозный персонализм», «креационизм» и др. Особенностью религиозной философии ХХ века является рассмотрение различных религиозно-философских проблем через призму антропологии. В этом заключается специфический антропологический поворот современной религиозной философии.

Необходимо рассмотреть такое понятие, которое встречается в современной философско-религиозной литературе, как «философская теология». В чем отличие между философской теологией и религиозной философией? На сегодняшний день существуют различные научные традиции; одни не видят принципиальных отличий между двумя этими понятиями, другие же различают. Под философской теологией, как правило, подразумевают «религиозную метафизику», «христианскую философию» и «религиозную философию». Для одной традиции более предпочтительным понятием является философская теология, поскольку она в отличие от религиозной философии более конкретна. С другой стороны, понятие «философская теология» является частичным, поскольку за пределами теистической системы теологии быть не может, в отличие от религиозной философии, которая имеет и внеконфессиональный модус. Как отмечает специалист в области философии религии член РАН Шохин В. К., «трудно сопоставить оппозицию понятиям «философская теология» и «теология», поскольку любая теология уже включает элементы философского дискурса»[5]. Исходя из этого, понятие философская теология для данного исследования считается не совсем удачным, поскольку оно отображает лишь часть религиозно-философской системы.

В заключение можно отметить следующие выводы, а именно то, что религиозная философия является сложным и изменчивым направлением философской системы, а также то, что предварительное и ознакомительное изучение объекта исследования создает новые проблемы понимания. Эти обстоятельства лишний раз указывают на важность и актуальность исследования, поскольку даже неправильная постановка самого вопроса может привести не только к смене стратегической гипотезы, но и к изменению предмета исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блаж. Августин. Творения в 4-х томах Т. 3. О Граде Божием / Августин Блаж. Спб. Алетейя, 1998. – 594 с.
2. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский – М.: Академический Проект, Раритет, 2011. – 880 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия / Ж. Делез, Ф. Гваттари / пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина – М.: Академический Проект, 2009. – 261 с.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков – М.: Республика, 1994. – 197 с.
5. Шохин В. К. Философия религии: Альманах 2008-2009 / Отв. ред. В. К. Шохин / Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с.

УДК 323.1
ББК 66.5

E. A. Кленина¹, А. Е Песков²

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В ОПРЕДЕЛЕНИИ
СУБЪЕКТА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

¹**Волгоградский государственный технический университет**

²**Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет**

E-mail: ¹klenina.el@yandex.ru, ²peskov.arck@yandex.ru

В статье исследуется проблема плюрализма в определении субъекта общественного мнения. Рассмотрены основные методологические подходы к изучению данного феномена. Показано, что данный вопрос является неоднозначным вследствие различных исходных методологических позиций и общетеоретических принципов, основанных на рассмотрении субъекта общественного мнения через призму трех основных подходов: индивид – социальная группа – общество.

Ключевые слова: общественное мнение, субъект общественного мнения, методологический плюрализм, методологические подходы, критерии определения субъекта общественного мнения.

E. A. Klenina¹, A. E. Peskov²

**METHODOLOGICAL PLURALISM IN THE DETERMINATION
SUBJECT OF PUBLIC OPINION**

¹**Volgograd State Technical University**

²**Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering**

The article examines the problem of pluralism in the definition of the subject of public opinion. The basic methodological approaches to the study of this phenomenon. It is shown that this issue is ambiguous due to the different starting positions and methodological general theoretical principles based on the consideration of the subject of public opinion through the prism of the three main approaches: the individual – social group – a society.

Keywords: public opinion, the subject of public opinion, methodological pluralism, methodological approaches, the criteria for determining the subject of public opinion.

Выявление смысловых характеристик такого многомерного и полисемантичного понятия как общественное мнение не представляется возможным без исследования его носителей – субъектов общественного мнения. Рассмотрение научных подходов по данному вопросу позволит, на наш взгляд, получить наиболее полное представление о субъекте общественного мнения.

Говоря о субъекте общественного мнения, мы, прежде всего, ставим вопрос о том, кто может обладать таким статусом, чтобы высказываться от имени общества? Можно ли в качестве субъекта общественного мнения рассматривать индивида, социальные группы и слои или это право принадлежит общественности в целом?

Анализируя научные концепции по данному вопросу, мы пришли к заключению, что различные варианты толкования субъекта общественного мнения можно свести к трем основным подходам: 1) индивиды выступают носителями общественного мнения (В. Н. Горелова, Ф. Т. Михайлов, Я. В. Любивый); 2) только общество в целом может быть выразителем общественного мнения (А. К. Уледов); 3) субъектом общественного мнения могут быть социальные группы или классы (Б. А. Грушин, Р. А. Сафаров, В. К. Падерин) [4].

Представители первого подхода утверждают, что есть определенная категория граждан (руководители государства, видные политические деятели и депутаты, известные люди страны), которые благодаря своим заслугам и статусу имеют право говорить от имени общества и, таким образом, представлять свое мнение как мнение общественное.

Однако возникает вопрос: может ли частное мнение, даже если речь идет о самых авторитетных гражданах страны, выступать как мнение общественное?

Авторитетные граждане, позиционирующие свое мнение как общественное, нередко являются выразителями мнения только одной социальной группы или общности, которое может практически не совпадать и значительно отличаться от мнения другого общественного сектора. Нередко,

даже высказывая позицию своей социальной группы, общественный лидер выражает, в первую очередь, свое индивидуальное мнение, которое может совпадать с мнением группы, но может и отличаться от него.

Заметим, что лидеры, претендующие говорить от имени определенной социальной группы и выражающие ее интересы, бывают, как показывает практика, субъективны и пристрастны. Поэтому необходимо иметь в виду, что частные мнения и оценки несут в себе определенную долю релятивности и, в связи с этим, ставить знак равенства между мнением лидера и общественным мнением в целом нельзя [1, с. 167-168].

Второй подход в определении субъекта общественного мнения базируется на утверждении, что только общество в целом является носителем общественного мнения, поскольку «количественная и качественная характеристики общественного мнения получают свое полное выражение в единодушных суждениях всех социальных групп и классов» [6, с. 50].

Однако стоит заметить, что в современном политизированном и постоянно трансформирующемся мире практически любая социальная система полиструктурна и имеет многоуровневое строение. Приоритеты и социальные установки различных общественных групп настолько дифференцированы, что детерминируют плюралистичность общественного мнения. И этот факт практически нивелирует возможность существования единого общественного мнения. В связи с этим, констатация монистичности общественного мнения является неактуальной и нуждается, на наш взгляд, в новом обосновании.

Третий подход базируется на основном тезисе, признающем в качестве субъекта общественного мнения структурные элементы общества – социальные слои и группы. Представителями данного подхода являются известные отечественные исследователи – Б. А. Грушин [1], В. К. Падерин [3], Р. А. Сафаров [5]. Сафаров Р. А., например, отмечает, что общественное мнение – это оценочное отношение социальных групп и слоев к вопросам, которые представляют для них интерес [5, с. 33].

Традиция признания статуса субъекта общественного мнения за массовыми общностями была свойственна и представителям социально-психологической школы в исследовании феномена общественного мнения (Л. Н. Войтоловский, Г. Тард, Г. Лебон). Но в рамках данной традиции массовое (общественное) сознание теряет право быть самостоятельным, поскольку нивелируется коллективной психологией [2, с. 59].

Третий подход актуализирует, на наш взгляд, вопрос: какие социальные группы и слои могут выступать как субъекты общественного мнения? И, отвечая на поставленный вопрос, можно говорить о ряде критериев, которые применимы к такого рода общественным группам. Это, во-первых, количественный критерий и, во-вторых, доминирующие установки и интересы общественных групп.

Исходя из количественного критерия, общественное мнение признается или за «большинством», или за «меньшинством». Но как быть, если мнения разбиваются на множество мелких групп, из которых ни одна не может претендовать на относительное большинство? В связи с этим остается только констатировать, что общественного мнения в таких случаях просто не существует, а вместо него имеется множество групповых мнений, из которых ни одно не является общественным [1, с. 194-195].

Второй критерий – приоритетные установки и интересы – позволяет выяснить следующий вопрос: статусом субъекта общественного мнения наделяются только прогрессивные социальные группы и слои или этот статус признается за всеми элементами общества?

Отвечая на поставленный вопрос, согласимся с мнением авторитетного исследователя в области изучения общественного мнения Б. А. Грушиной, который считает, что если оппозиционно-настроенные социальные группы не имеют права (или теряют право) называться общественностью и представлять общественное мнение, то тогда тезис о плюрализме общественного мнения оказывается практически аннигилирован [1, с. 162]. Поэтому, выделенные критерии, на наш взгляд, являются недостаточно обоснованными и объективными в определении субъекта общественного мнения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что сам вопрос о субъекте общественного мнения является неоднозначным, так как, во-первых, существуют различные подходы к его определению,

а, во-вторых, современные условия глобализации и социальной трансформации диктуют необходимость в разработке новых взглядов в изучении проблемы субъекта общественного мнения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грушин, Б. А. Мнение о мире и мир мнений: Проблемы методологии общественного мнения / Б. А. Грушин. – М.: Политиздат, 1967. – 261 с.
2. Общественное мнение и политика: научная монография / Е. Ю. Леонтьева, А. Н. Леонтьев, А. Е. Песков, Е. А. Кленина. – Волгоград: ВолгГАСУ, 2011. – 175 с.
3. Падерин, В. Г. Общественное мнение в развитом социалистическом обществе. Сущность и закономерности формирования / В. Г. Падерин. – Казань: Издательство КГУ, 1980. – 128 с.
4. Песков, А. Е., Кленина, Е. А. Определение субъекта и объекта общественного мнения в российской научной традиции: основные подходы / А. Е. Песков, Е. А. Кленина // Вестник АГТУ. – 2015. - №1 (59). – С. 78-84.
5. Сафаров, Р. А. Общественное мнение в системе советской демократии / Р. А. Сафаров. – М.: Знание. – 1982. – 64 с.
6. Уледов, А. К. Общественное мнение как предмет социологического исследования / А. К. Уледов // Вопросы философии. – 1959. – № 3. – С. 45-56.

УДК 316.334.56
БЕК 60.546.21

B. A. Парамонова¹, Н. В. Дулина²

СТАТУС ГОРОДА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

¹*Волгоградский государственный университет*

²*Волгоградский государственный технический университет*

E-mail: ¹vparamonova@rambler.ru, ²dulina@vstu.ru

Статья посвящена анализу приоритетных критериев при определении статуса поселения. Показано значение правового критерия при определении статуса населенного пункта. Представлены существующие различия законодательных актов различных субъектов Российской Федерации. Выявлена потребность в унификации критериев при предоставлении поселению статуса города.

Ключевые слова: урбанизация; статус города; правовой критерий; формальные критерии; оценочные критерии.

V. A. Paramonova¹, N. V. Dulina²

CITY STATUS: THEORETICAL AND APPLIED VALUE

¹*Volgograd State University*

²*Volgograd State Technical University*

The article is devoted to analysis of the priority criteria in determining the status of settlements. Displays the value of the legal test in determining the status of the locality. Differences are presented various legislative acts of constituent entities of the Russian Federation. Identified the need to unify criteria in granting settlement town status.

Keywords: urbanization; city status; legal criterion; formal criteria; evaluation criteria.

Одним из удивительнейших рукотворных порождений человеческой цивилизации является город. Город предстал перед своим создателем во всем многообразии форм: от «простейших» городов-государств древнего мира до сложно организованных современных мегаполисов. С большой долей вероятности можно предположить, что город не остановится в своем развитии и породит еще множество модификаций: от города-на-земле до города-в-космосе, города-под-землей и города-под-водой.

Несмотря на все многообразие, город (каким бы он не был маленьким) достаточно сложно спутать с поселением сельской местности (насколько бы населенный пункт не был большим), а уж тем более с охотничьей заимкой, стоянкой кочевников или иным временным пристанищем человека. Эту особенность вычленения города из массы различных человеческих поселений, Г. В. Горнова объясняет тем, что город предстает перед внутренним взором человека «как вполне понятный целостный образ» [3, с. 21], который привычен, знаком, а значит и понятен. Это, впрочем, не удивительно, ведь по прогнозам ООН [27, с. 1] к 2030 г. проживать в городах будет уже до 61 % населения земли. И поэтому неслучайно город остается объектом исследовательского интереса, в том числе и нашего (см., напр. [7, 9, 10, 20], и др.).

Научный мир выработал различные трактовки понятия «город»: это и «крупный населенный пункт; административный, торговый, промышленный и культурный центр» [17, с. 121]; это и нечто олицетворяющее собой современность [18, с. 42]; это и населенный пункт, которому правительство дало городское управление [4, с. 380]; это и «место, где спешат» [6]. Приведенный перечень определений города можно продолжать и продолжать. Следовательно, вопрос: «что такое город?» можно, с полной уверенностью, отнести к разряду «вечных». Пожалуй, своеобразным ком-

ментарием-объяснением сложности ответа на этот простой вопрос, является следующее замечание В. А. Успенского, который справедливо заметил, что «Мы хорошо знаем, что это такое, до тех пор, пока нас об этом не спросят» [Цит. по: 13, с. 5]. Данное высказывание вполне обоснованно можно отнести и к понятию «город», ведь ни у кого не возникает сложность с точностью определить: этот населенный пункт является городом или нет; при этом до сих пор не выработано некой унифицированной трактовки понятия «город», которую можно было бы применять при определении городов разных эпох и континентов. И как следствие, понятие «город» насыщается разным содержанием в зависимости от исследовательских подходов и выбранных критериев [26, с. 38–39].

В попытках научного осмыслиения города были предложены различные критерии, позволяющие «вычленять» город из других типов населенных пунктов: [19, с. 33–36; 22, с. 7–44; 24; 25, с. 74–75]. Среди этих критериев такие, как минимальная численность населения; тип застройки; образ жизни; виды деятельности; функции, которые выполняет населенный пункт; время (социальное и физическое) и пр. Отдельные критерии, например, наличие оборонительных сооружений (крепостной стены) вокруг поселения, могут быть использованы только при определении городов древнего и средневекового мира, да и то не всегда. Так, средневековые правители монгольской империи не допускали наличия оборонительных сооружений в городах, находящихся под их прямым управлением [8, с. 97]. «Открытость» городов средневековых больших и сильных государств было обусловлено рядом факторов: [8, с. 97]. Во-первых, сильное государство могло обеспечить безопасность своих поселений от внешнего врага; во-вторых, отсутствие крепких городских стен не способствовало усилению центростремительных сил; в-третьих, отсутствие фортификационных укреплений населенных пунктов позволяло власть предержащих подавлять любые народные восстания. Благодаря развитию новых видов вооружения городские (крепостные) стены перестают выполнять свою функцию, что и определило отказ от подобных фортификационных укреплений. И в результате критерий «наличие фортификационных сооружений» перестал быть значимым при определении городов Нового и Новейшего времени.

На современном этапе, как отмечает В. Вагин [2], для решения насущных административно-управленческих задач потребовалось определить критерий или совокупность критериев, позволяющих выделять город из иных населенных пунктов. В качестве базового критерия было предложено использовать такой количественный критерий как «минимальная численность населения». ООН [см.: 1, с. 418] рекомендует считать городом поселение, в котором насчитывается не менее 20 тысяч человек. При этом исследователи подчеркивают, что хотя за основу и взят критерий «людности» (минимальное количество проживающих в городе), однако, «минимум» определяется каждой страной самостоятельно: [2] так, в Перу и Уганде город «начинается» со 100 человек; в Дании – с 200 человек; во Франции населенный пункт имеет статус города, если в нем проживает не менее 2 тыс. чел.; в Японии в городе должно проживать не менее 30 тыс. чел. Казалось бы, что данный количественный критерий должен позволять безошибочно выделять город из всего ряда населенных пунктов. Однако количество проживающих в поселении, зачастую не позволяет с точностью определить наличие или отсутствие у поселения городского статуса.

Так, в дореволюционной России по переписи 1897 года (см. :[12, с. 530–533]) в таких городах как Юрьевец (Костромская губерния), Юрьев-Польский (Владimirская губерния) проживало около 5 тысяч тыс. чел. (4778 и 5637 соответственно). И в это же время в ряде сел и посадов количество населения было значительно выше: например, в с. Зуеве и Павловском посаде (Московская губерния) насчитывалось около 10 тыс. чел. (9908 и 9991, соответственно), а в селах Богородском и Павлово (Нижегородская губерния) на тот момент насчитывалось более 12 тыс. чел. (12342 и 12431, соответственно). Следовательно, критерий «минимальная численность населения» далеко не всегда позволяет безошибочно определить статус населенного пункта.

В связи с тем, что показатель «людности» не позволяет с точностью вычленить город из многообразной «линейки» населенных пунктов, то для определения города чаще всего используется совокупность нескольких критериев: [2; 5] «основной» (например, минимальная численность населения) и разнообразные «сопутствующие» критерии. Так, например, во Франции, немаловажным фактором при наделении поселения статусом города является расстояние между домами, которое не должно превышать 200 метров; для Перу сопутствующим критерием является компактность проживания; для Уганды – поселение должно быть центром торговли и т. п. [5]. Достаточно часто сопутствующим фактором является такой критерий как «сфера занятости населения»: [5]

в Израиле поселение получит статус города, если в аграрном секторе экономики будут заняты не более 1/3 его жителей; в России эта цифра значительно больше – 85 % от всех проживающих в населенном пункте. Однако далеко не всегда сопутствующий фактор, например, «сфера занятости проживающих в поселении» позволяет также безошибочно определять наличие или отсутствие у населенного пункта статус города. Данные, приводимые В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» [12, с. 447], показывают насколько следует осторожно использовать критерий «занятости». Так, в 1890 г. «местечко» Орехово-Зуево, по количеству занятых в промышленном производстве, уступает пальму первенства лишь столичным городам (Москве и Санкт-Петербургу), которые «концентрируют тысяч по 70 фабрично-заводских рабочих» [12, с. 446–447], опережая по этому показателю такие крупные города как: Рига (16 тыс. чел.), Иваново-Вознесенск (15 тыс. чел.), Богословск (10 тыс. чел.), Одесса (8,6 тыс. чел.), Киев (6 тыс. чел.), Ростов-на-Дону (5,7 тыс. чел.). И, несмотря на то, что в «местечке» Орехово-Зуево число рабочих в 1890 г. насчитывало 26,8 тыс. чел., оно официально относилось к категории: «фабричные села». Следовательно, место в иерархической градации населенных пунктов определяется, подчас, не столько количеством проживающих и экономико-хозяйственное приложение сил, сколько «росчерком пера» власть предержащих. И как справедливо отмечает Л. И. Рейнер [22, с. 9] далеко не всегда исследователи акцентируют внимание на таком критерии как «правовой статус» населенного пункта, хотя наблюдается определенная положительная тенденция в учете правового критерия [см.: 1; 25].

Именно фактор «предоставление поселению статуса города» является тем мостиком между средневековым европейским городом, спрятавшимся за хорошо укрепленными стенами, и современным городом, полностью открытым для мира. Как отмечают В. А. Бабюх и Ж. Е. Кайсарова [1, с. 418] в средневековом мире городской статус населенный пункт получал либо из рук монарха, либо выкупался жителями, опять же «с высочайшего волеизъявления». Так, в 1189 г. «Гамбург был основан по «милости» графа Адольфа» [Цит. по: 1, с. 418]; в России города «ставились / рубились» также по воле власти придержащих, о чем и повествуют летописи: «И рече Володимеръ: «Се не добро, еже малъ город около Киева. И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви. И по Суле, и по Стугнѣ» [21, с. 83]; «Въ лето 6499. Володимеръ заложи градъ Белгород» [21, с. 83]; «Сятополкъ же повеле рубити городъ на Вытчене холму. И свое имя нарекъ Сятополчъ городъ» [21, с. 149]. Однако западноевропейские населенные пункты, получая городской статус, обретали и ряд привилегий, что приводило, в конечном итоге к формированию независимой системы городского самоуправления, закрепленной в Магдебургском праве [см.: 23]. Как справедливо отметил М. Я. Сюзюмов, «Юридический статус города не обязательно подразумевал некоторые права самоуправления...» [26, с. 40], оставаясь полностью под властью государя.

Следовательно, достаточно надежный способ определение статуса населенного пункта – использовать правовой критерий. Причем данный критерий позволяет безошибочно определять статусную позицию в иерархической системе населенных пунктов любой страны, любого исторического периода времени.

На современном этапе статус населенного пункта, в большинстве своем, закрепляется на законодательном уровне, хотя, как отмечают В. А. Бабюх и Ж. Е. Кайсарова [1, с. 418], в ряде стран городской статус имеет историческое или статистическое происхождение. В России, как и в большинстве стран мира, статус поселения закрепляется законодательно. Правовой статус населенного пункта, по крайней мере, в России, формируется на основании одного или нескольких критериев. При этом Е. В. Соловьев отмечает, что хотя при «даровании» населенному пункту статуса города отдельные субъекты РФ и придерживаются критерия «занятость населения» не в аграрном секторе экономики, однако, имеют широкие возможности заниматься «изобретением «своих собственных принципов и правил»» [25, с. 76]. Так, например, в Республике Алтай [11] в 2008 г. на законодательном уровне принято выделять следующие типы поселений: город с населением не менее 20 тыс. чел.; поселки городского типа, с населением не менее 3 тыс. чел. и курортные поселки, в которых должно проживать не менее 1 тыс. чел. и населенные пункты сельской местности; в Республике Башкортостан [15] в законе закреплены следующие типы населенных пунктов: города республиканского значения с населением не менее 20 тыс. чел., города районного значения в которых должно проживать более 10 тыс. чел., рабочие поселки с населением не менее 3 тыс. чел. и сельские поселения с присущими им характеристиками; законодательная система Республики Татарстан [14] определила следующую систему населенных пунктов: города республикан-

ского значения с населением не менее 50 тыс. чел.; города районного значения, в которых должно насчитываться не менее 12 тыс. чел.; поселки городского типа с населением не менее 5 тыс. чел. и далее следуют населенные пункты сельской местности. В законодательной системе Татарстана отмечаются «сопутствующие» критерии: тип застройки, наличие/отсутствие коммунальной системы водоснабжения, занятость населения в промышленном/аграрном секторах экономики. Данные примеры свидетельствуют, что даже в рамках одной государственной системы не существует четко выработанных позиций при определении статуса населенного пункта, да и сопутствующие критерии также определяются регионами самостоятельно.

Даже поверхностный анализ законодательных актов субъектов РФ позволяет выявить специфику каждого из регионов: например, в связи с малонаселенностью Республики Алтай (по переписи 2010 г. всего 206,1 тыс. чел.) выделяется лишь 1 город, без указания его статуса – республиканского или районного значения; в то же время, более населенные республики Татарстана и Башкортостана (3 млн. 783 тыс. и 4 млн. 72 тыс. чел. соответственно) в своем «реестре» уже отмечают существующую «градацию» поселений: от городов республиканского значения до различных типов поселений сельской местности. При этом вышеуказанные регионы, используя количественный критерий «людности», самостоятельно определяют минимальное количество жителей для городов республиканского и районного значения. Так, в Республике Башкортостан: в городе республиканского значения должно проживать не менее 20 тыс. чел., а в районном – не менее 10 тыс. чел.; в Татарстане: 50 тыс. жителей – это минимум для города республиканского значения, а с 12 тыс. чел. «начинается» город районного значения. В законодательных актах различных субъектов РФ, при наделении поселений тем или иным статусом, учитывается присущая им специфика. Однако отсутствие унифицировано признанной системы «градации» населенных пунктов вызывает на практике ряд проблем, на которые обратил внимание Е. В. Соловьев: [25, с. 77] во-первых, одновременно используются формальные (минимальная численность населения, вид занятости и пр.) и оценочные критерии («"важное значение" населенного пункта, перспективы его развития» [25, с. 77]). Если с формальными критериями все более ясно, то относительно оценочных критериев возникают вопросы: кто и по каким критериям будет определять «важность/неважность» населенного пункта? кем и на каких основаниях подобные критерии были приняты? Во-вторых, возникают сложности с определением истинных масштабов урбанизации в России из-за: использования различного набора критериев; отсутствия четко прописанных позиций оценочных критериев; самостоятельном определении «минимальной численности проживающих в населенном пункте», что, в конечном итоге затрудняет проведением государственной политики развития городов. В-третьих, возможность по собственному «усмотрению» региональных властей задействовать, прописанные в законодательных системах, механизмы образования и преобразования статуса населенного пункта, исходя, подчас, сиюминутных запросов местных элит. Так, например, границы г. Волгограда, за последние несколько лет существенным образом изменились в сторону увеличения, поглотив прилегающие к городской черте населенные пункты сельской местности [16]. В результате город поддерживает статус города-миллионника, при этом проблемы развития инфраструктуры новых территорий продолжают оставаться приоритетными.

Таким образом, анализ различных критериев, при обретении населенных пунктом городского статуса, свидетельствует о том, что именно наличие правового статуса позволяет исследователю безошибочно идентифицировать поселение с городом. Однако, административно-территориальное законодательство, по крайней мере, в Российской Федерации, требует скрупулезного анализа, что позволит выработать формальные критерии позволяющие наделять населенные пункты определенным «статусом» и определить реальный уровень урбанизации в России, а значит и вырабатывать политику развития страны в целом, ее отдельных регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабюх, В. А., Кайсарова, Ж. Е. Понятие «город» и типологизация городов: проблемы соотношения при определении даты возникновения городских поселений / В. А. Бабюх, Ж. Е. Кайсарова // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 20. – С. 417–422.
2. Вагин, В. Социология города / В. Вагин – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/01.php – 10 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
3. Горнова, Г. В. Понятие «город» в аспекте философии культуры / Г. В. Горнова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 21–24

4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.Даль – М.: Русский язык, 2000. – Т 1: А–З. – 872 с..
5. Дегтярев, К. Что такое город / К. Дегтярев // Сайт Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» – Режим доступа: <http://old.rgo.ru/2011/03/chto-takoe-gorod/> – 9 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
6. Дубин, Б. Институт литературы и фигуры писательского авторитета: классик – звезда – модный автор – культовая фигура / Б. Дубин // Иностранный литература. – 2007. – № 5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2007/5/kl9.html>. – 5 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
7. Дулина, Н. В. Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования / Н. А. Дулина. – Волгоград, Волгоградское научное издательство, 2006. – 387 с..
8. Дулина, Н. В., Наумов, И. Н., Парамонова, В. А. Истоки зарождения городской культуры Нижнего Поволжья как предпосылка современного социокультурного развития региона / Н. В. Дулина, И. Н. Наумов, В. А. Парамонова // British Journal of Science, Education and Culture. – London: London University Press. – 2014. – Vol. II. – № 1 (5). – P. 94–106.
9. Дулина Н. В., Парамонова В. А. Возможности интеграции в жизненное пространство города социально незащищенных групп населения / Н. В. Дулина, В. А. Парамонова // Материалы XVII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 20–21 марта 2014 г. / редакционная коллегия: Грунт Е. В., Кораблева Г. Б., Комлева Н. А., Меренков А. В., Рыбцова Л. Л., Старшинова А. В. – Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 2014. – С. 613–622.
10. Дулина Н. В., Парамонова В. А. Пространство проблем современного города / Н. В. Дулина, В. А. Парамонова // Муниципальная власть в современном мире: поиск ответов на вызовы времени. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации, 10-летию Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», 20-летию Научно-исследовательского центра проблем управления и государственной службы Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. В 2 тт. – Уфа, 2013. – Т. 1. – С. 179–186.
11. Закон об административно-территориальном устройстве Республики Алтай № 10.11.2008 N 101-РЗ от 22 октября 2008 года // СЕМЕРКА: Российский Правовой Портал. – Режим доступа: <http://7law.info/altaï/act7k/v682.htm> – 9 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
12. Ленин, В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В. И. Ульянов (Ленин); Отв. за выпуск В. В. Голоднов. – М.: Политиздат, 1986. – 610 с..
13. Науменко, В. Е., Султанов, Р. С. «Исторический город»: к определению понятия / В. Е. Науменко, Р. С. Султанов // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 38. – С. 5–7.
14. Об административно-территориальном устройстве Республики Татарстан (с изменениями на: 02.07.2015) // Электронный фонд Правовой нормативно-технической документации – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/917019464>. – 10 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
15. Об административно-территориальном устройстве Республики Башкортостан (с изменениями на: 01.06.2015) // Электронный фонд Правовой нормативно-технической документации – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/935107276>. – 10 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
16. Об утверждении концепции социально-экономического развития территорий поселков, присоединенных к Волгограду. Постановление от 11 ноября 2014 года № 1454 – Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/62601346/72732161/>. – 11 ноября 2015. – Заглавие с экрана
17. Ожегов, С. И.Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с..
18. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс: Сборник / Пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 269 с..
19. Парамонова, В. А. Город и деревня: критерии отличия / В. А. Парамонова // Известия ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2010. – № 9. – С. 33–36 .
20. Парамонова В. А., Дулина Н. В. Основные проблемы и факторы формирования бренда города в России / В. А. Парамонова, Н. В. Дулина // Современный город: социальность, культура, жизнь людей. Материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета 14–15 апреля 2014 г.: доклады / редкол.: Л. А. Закс и др. В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. – Т. 1. – С. 361–365.
21. Повесть временных лет / Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Претц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 405 с..
22. Рейнер, Л. И. Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада // Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен / Под ред. Е. Г. Журавской, С. А. Панарира. – М.: Наука, 1990. – С. 7–44.
23. Рогачевский, А. Л. Суд небесный и суд земной: памятники магдебургского городского права XIV–XVI вв. и правовые взгляды немецких горожан // Средние века: сборник. Вып. 57 / отв. ред. А. А. Сванидзе. – М.: Наука, 1994. – С. 75–93. – Режим доступа: <http://www.srednieveka.ru/journal/cat/280>. – 5 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
24. Ромашко, С. Монумент – сувенир – улица: временная ось мегаполиса / С. Ромашко // Логос. – 2002. – № 3–4 – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/rom.html>. – 9 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
25. Соловьев, Е. В. Статус города: правовые основания присвоения / Е. В. Соловьев // Марийский юридический вестник. – 2014. – № 11. – С. 74–79.
26. Сюзюмов, М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // Византийский временник. Т. XVII. / отв. ред. Е. А. Косминский. – М.: АН СССР, 1960. – С. 38–70. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/20772/1/suzumov-1967.pdf>. – 10 ноября 2015. – Заглавие с экрана.
27. World Urbanization Prospects: The 2003 Revision / United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division – New York: United Nations, 2004. – 185 p. – Режим доступа: <http://www.un.org/esa/population/publications/wup2003/2003WUPHighlights.pdf>. – 5 ноября 2015. – Заглавие с экрана.

УДК 364.122
ББК 60.52

A. С. Мельников, Е. В. Мельникова, П. В. Терелянский

ИТ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: mel13deb@gmail.com

В статье рассмотрены вопросы урбанизации и вызовы времени, на которые необходимо дать ответы современной агломерации. Важным фактором развития глобальной агломерации становится использование ИТ во всех сферах жизни. В частности, в статье сделан акцент на вопросы социальной интеграции людей с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: информационные технологии, уровень агломерации, люди с ограниченными возможностями.

A. S. Melnikov, E. V. Melnikova, P. V. Terelyanskiy

IT AS A FACTOR OF IMPROVING OF THE QUALITY OF SOCIAL AGGLOMERATION

Volgograd State Technical University

The article marked the issue of urbanization of the modern world and, consequently, the problem of formation of agglomerations. As an important factor in improving the quality of global agglomeration, discusses the use of IT in the field of social integration of people with disabilities.

Keywords: information technology, the level of agglomeration, disability.

Естественной тенденцией в рамках современной урбанизации является образование агломераций. Рассматривая особенности развития стран, регионов и городов, нельзя не затронуть вопрос исследования уровня и качества агломераций тех или иных объединений, конкретного населения, общности людей. Именно население, в конечном итоге, является ключевым фактором глобальных социальных процессов. Это значит, что нельзя обеспечить устойчивое развитие, повышение качества и конкурентоспособности целого объекта, если его отдельные участники в подавляющем большинстве не будут обладать значительными преимуществами, навыками, возможностями.

В связи с этим особое внимание стоит уделять людям с ограниченными возможностями. Они являются наименее защищенными и в большей степени уязвимыми, но, тем не менее, участвуют в формировании общего уровня агломерации.

Основополагающее значение в разрезе социальной дифференциации занимают подходы П. Бурдье [1], И. Гофмана, благодаря аргументированному обоснованию социокультурных форм социальной мобильности.

Проблемы социального расслоения и рассмотрение статуса инвалидов в обществе раскрыты в работах В. Ильина, В. Радаева, О. Шкарата, М. Баскакова, Э. Наберушкина, Т. Малеева.

Вопросам профессиональной поддержки и профессиональной, социальной реабилитации уделено пристальное внимание в работах Д. Зайцева, С. Степухович, Е. Мавриной, О. Тимуцы, Е. Холостова [2], Н. В. Веденеевой, О. Г. Злобиной, И. А. Дворянчиковой, Е. В. Толкачевой [4].

По данным ВЦИОМ, 87% россиян уверены: инвалиды в нашем обществе сталкиваются с несправедливостью. Но отношение к ним, по мнению опрошенных, в последние годы улучшается [5].

В обществе также отмечается рост понимания необходимости специальных программ по поддержке инвалидов. В 2010 году 90% высказались в их поддержку, несмотря на дороговизну, а в 1991 году необходимость таких мер считали нужными 76%. Одновременно, меньше стало тех, кто не видит необходимости в создании подобных программ (с 10% до 3%) [6].

Нельзя не отметить того, что в последние годы в нашей стране проблемам инвалидов уделяется большое внимание на всех уровнях. Однако, вопросы, рассматриваемые в качестве приоритетных, затрагивают, прежде всего, создание инфраструктуры для лиц с ограниченными возможностями. В соответствии с Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 года, поручениями Президента Российской Федерации от 15.11.2009 г. № Пр-3035 и Правительства Российской Федерации от 18.11.2009 г. № ВП-П13-6734 по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 года разработана Государственная программа «Доступная среда» [7].

Несмотря на предпринимаемые меры, остается нерешенной важнейшая социальная задача – создание равных возможностей для инвалидов во всех сферах жизни общества.

В Российской Федерации в настоящее время насчитывается около 13 млн. инвалидов, что составляет примерно 8,8% населения страны [8]. В государственной программе РФ «Доступная среда» на 2011-2015 годы отмечается, что в 2008 году Российская Федерация подписала Конвенцию о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. Это подтверждает готовность страны к формированию условий, направленных на соблюдение международных стандартов экономических, социальных, юридических и других прав инвалидов.

Работодатели, чаще всего, не рассматривают инвалидов в качестве потенциальных сотрудников своих компаний. Это объясняется низким уровнем компетенций, отсутствием конкурентных преимуществ, а также высоким затратами на обеспечение необходимых условий труда для такого работника. Экономическая эффективность подобных вложений отрицательна.

На сегодняшний день перечень доступных рабочих мест является очень узким. Он практически не учитывает новые возможности, предоставляемые информационным пространством и современным развитием технологий. Необходимо расширить потенциал профессиональной реабилитации, который обеспечит конкурентоспособность инвалидов на рынке труда. Особо следует обратить внимание на самозанятость инвалидов.

Более миллиона российских граждан ежегодно выходят на инвалидность, причем 54% из них – это трудоспособные люди [9]. Занятость инвалидов в России составляет 9,2%, в то же время в Великобритании этот показатель равен 50%, в Италии 55%, в Швеции 60,1%.

Очевидно, что занятость инвалидов в России неоправданно низкая. Это определяет необходимость увеличения степени их профессиональной интеграции. Но это, безусловно, требует акцентирования внимания на процессе переобучения как основы, обеспечивающей конкурентоспособность на современном рынке труда, так как в мировой практике существует тесная взаимосвязь между уровнем образования и степенью участия инвалидов в жизни общества.

Решением обозначенных проблем, в значительной степени, может стать более распространенное использование информационных технологий. Информационные технологии, в рамках этой задачи, могут выступать как конечным продуктом (результат деятельности инвалида), так и средством (телекоммуникационные возможности для обеспечения работы).

Благодаря использованию таких технологий для людей с ограниченными возможностями становятся доступны различные виды деятельности: интернет-трейдинг, дизайн, web-разработка, call-аутсорсинг, художник компьютерной графики, администрирование сетей, верстка и т.д.

Все перечисленные сферы не требуют создания специальных условий, а благодаря телекоммуникационным технологиям, не имеют территориальной привязки. Люди с ограниченными возможностями сами смогут создать себе рабочее место, имея у себя дома компьютер и выход в интернет.

Таким образом, применение ИТ позволит достичь более прогрессивной и эффективной интеграции людей с инвалидностью в активную социальную жизнь. При этом сократятся расходы государства на содержание и обеспечение инвалидов, а созданные рабочие места для людей с ограниченными возможностями дадут не только материальный эффект, но, прежде всего, обеспечат осознание социальной значимости, сопричастности современным трендам и повысят уровень удовлетворенности жизнью для этой категории населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурдье П. Социальное пространство и "генезис классов"// Вопросы социологии. – 1992. – Том 1. – № 1. – с. 17-33.
2. Холостова Е.И. Социальная работа с инвалидами: Учебное пособие / Е. И. Холостова. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательско торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. – 240 с.
3. Дворянчикова, И. А. Семья инвалида в социальной структуре общества: Диссертация кандидата социологических наук: 22.00.04. – Саратов, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: file:///C:/Users/df/Downloads/01002662165.pdf (дата обращения: 05.11.2015).
4. Толкачева Е. В. Процесс производственной адаптации инвалидов (социологический анализ): Автограферат канд. соц.наук / Е.В. Толкачева. – Хабаровск, 2006. – 21 с.
5. ВЦИОМ, Пресс-выпуск № 1640 «Положение инвалидов в России: мониторинг», 2010. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1-11132> (дата обращения: 05.11.2015).
6. ВЦИОМ, Пресс-выпуск №1644 «Программы для инвалидов: принимать или отложить», 2010. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=2-36&uid=111144> (дата обращения: 28.10.2015).

7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 года. URL: <http://президент.рф/transcripts/5979> (дата обращения: 11.11.2015).
8. Глава Минздравсоцразвития Голикова. Интернет новости // Официальный сайт партии «Единая Россия» <http://er.ru/news/2012/2/1/koli-chestvo-invalidov-v-rossii-sostavlyaet-svyshe-13-mln-soobshila-golikova/> (дата обращения: 05.11.2015).
9. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. – 260 с.
10. Василенко И.В., Мельникова Е.В. Массовый частный российский инвестор в социальной структуре фондового рынка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2010. – № 1. – С. 58-63.
11. Матюнина Е.В., Славина С.С., Дубровченко Ю.П. Волгоградская агломерация в контексте социально-экономического развития региона // Современные научноемкие технологии. – 2013. – № 7 (1). – С. 28-29; URL: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=10001040 (дата обращения: 05.11.2015).

УДК 316.3
ББК 60.522.6

N. A. Ovchar

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНА**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: onadine@mail.ru

В статье рассматривается понятие социального самочувствия как показатель трансформации региона. Изучение социальной трансформации возможно только при проведении мониторинга по совокупности индикаторов, позволяющих оценить изменения социального самочувствия, т. е. трансформацию в социальном пространстве Волгограда и Волгоградской области.

Ключевые слова: социальная трансформация, социальное самочувствие, страхи, безопасность, удовлетворенность, стабильность, регион.

N. A. Ovchar

**SOCIAL WELL-BEING IS AS THE INDICATOR OF SOCIAL
AND CULTURAL TRANSFORMATION OF REGION**

Volgograd State Technical University

The article discusses the concept of social well-being as a measure of the transformation of the region. The study of social transformation is possible only if the monitoring of aggregate indicators to assess changes in social well-being as the transformation in the social space of Volgograd and the Volgograd region.

Keywords: social transformation, social well-being, fears, security, satisfaction, stability region.

Трансформация российского общества актуализировала многие социальные процессы, например, социальная мобильность в изменяющихся условиях приобретает особое значение – происходит не только активная миграция населения, но и также резкие скачки и спады в социальной иерархии социальных групп и общностей в пределах границ региона.

Трансформация – изменение совокупности интегральных качеств общества, его переход из одного качественного состояния в другое. Трансформационный процесс сопровождается сменой состояний, каждое из которых представляет собой воплощение реально достигнутых перемен в конкретный период времени.

В таких динамичных условиях представляется важным осмысление феномена социального самочувствия как обобщенной эмоционально-оценочной реакции людей на социальные и культурные изменения среды их жизнедеятельности, позволяющее оценить сдвиги, происходящие в общественном сознании, и культуре общества, выявить зоны социальной напряженности, изучить представления о жизни общества через групповое и индивидуальное восприятие социальных изменений.

Всестороннее изучение социального самочувствия жителей региона позволяет выработать обоснованную систему мер по формированию адекватного восприятия личностных и общественных изменений со стороны населения и стабилизации социального самочувствия жителей.

В настоящее время в науке сложились две традиции исследования социального самочувствия. Первая, нашедшая отражение в философии и истории, определяет социальное самочувствие как состояние физических и душевных сил человека в целом, акцентирует внимание на экзистенциальном и нравственном состоянии (Демокрит, Платон, А. Ф. Лосев, А. Н. Радищев, С. П. Швырев) [14]. Вторая традиция, уходящая корнями в работы российских ученых-естественников начала XX века (В. М. Бехтерев, П. П. Викторов и Л. И. Петражицкий)[7], определяет социальное самочувствие как систему субъективных ощущений, свидетельствующих о той или иной степени физиологической и психологической комфортности.

С позиции социокультурного подхода социальное самочувствие детерминируется ценностно-мотивационным комплексом личности, включающим в себя процессы формирования ценностных ориентаций, норм, правил и мотивов поведения, а также процесс социализации. Так, концепция социологии Э. Дюркгейма, рассматривающая социальную реальность как социальный факт, обращает внимание на то, что индивид при рождении находит готовыми законы и обычаи, религиозные верования, систему ценностей и их приоритеты, функционирующие независимо от него. Общество не может развиваться, если угнетается личность, оказывается давление на формирование ее собственной системы ценностей. Нравственные ценности, нормы морали, духовные факторы способны глубоко воздействовать на индивидуальную сущность личности, расширяя ее социальные устремления, и формировать тот или иной тип социального самочувствия.

П. Сорокин, развивая социокультурную обусловленность поведения человека, выделяет значимость детерминант, которые являются фундаментом всякой культуры и личности, где центральными качествами определяются идеи, ценности, значения, детерминирующие характер и особенности культурной реальности [8].

Культурологическому исследованию особенностей жизнедеятельности личности уделяли внимание Л. Г. Ионин, Л. Коган, В. А. Ядов, и другие[13]. Так, Г. Францев, Н. Чавчавадзе, отмечают, что человек, чтобы чувствовать себя полноправным членом общества, должен оценивать себя, свою деятельность и свое поведение с позиций соответствия требованиям культуры. Это создает ощущение собственной социальной полноценности, которая является условием нормального самочувствия, и, напротив, ощущение несоответствия поведения требованиям общества, погружает человека в состояние дискомфорта, может стать причиной тяжелых переживаний[9]. А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов характеризуют зрелость и социальную полноценность человека через наличие у него устоявшихся ценностных ориентаций[3].

Э. Фромм подчеркивает, что большинство людей, колеблясь между разными системами ценностей, никогда не развиваются полностью в том или ином направлении, испытывая разные ощущения.

В 60-е гг. ХХ века в зарубежных исследованиях социальное самочувствие рассматривается как субъективное благополучие общества и отдельных социальных групп («subject well being»)[2]. В современной отечественной социологии понятие «социальное самочувствие» трактуется широко и многозначно, так, Б. Д. Парыгин, Т. И. Заславская, определяя и развивая методологические основы исследований социального самочувствия, рассматривают его как интегральный показатель общественного настроения, а В. Э. Бойков определяет социальное самочувствие как интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности, определяющую ее самоидентификацию.

В трудах современных исследователей наметились определенные направления в изучении социального самочувствия как специфического социокультурного объекта, которое рассматривается с точки зрения эмоционально-оценочного отношения индивидов к окружающей социальной реальности и своему месту в ней (А. С. Балабанов). Суть понятия сопряжена с эмоциональным состоянием оценочного характера, связанным с субъективным восприятием реальности и себя в ней относительно тех или иных ситуаций, проблем, событий, процессов, где наиболее четко проявляются мотивационно-ценностные факторы поведения и действия. Изучение социального самочувствия предпринимается относительно удовлетворенности различными аспектами жизни (О. Л. Барская)[1]. Изменение состояний социального самочувствия основывается на теории депривации и учитывает свойственную обществу соревновательность (Н. Е. Тихонова) [10]. Социальное самочувствие анализируется с точки зрения актуальной социальной проблематики, которая отражается в социокультурной, социально-экономической, политической, миграционной и других сферах. Выделенные индикаторы позволяют производить «замеры» общественных настроений (Т. Т. Тарасова).

Анализ состояния социального самочувствия в динамичных условиях современной жизни развивает одно из актуальных направлений социологических исследований, связанных с оценками взаимоотношений личности и изменяющегося общества. Социальное самочувствие представляет собой эмоционально-оценочную характеристику социальной группы, которая детерминируется спецификой социокультурной реальности и ценностно-мотивационными особенностями индивидов, имеющих субъективное восприятие реальности относительно тех или иных ситуаций, проблем, событий, происходящих в социокультурной жизни социума. В сущности, социальное самочувствие – индикатор тех реальных процессов, которые происходят в обществе, на что обращают внимание современные социологи.

В зависимости от степени адаптивности социальной группы к социальным изменениям можно сконструировать следующие типы социального самочувствия: позитивный, отражающий устойчивую совокупность ценностных ориентаций и мотивов практической деятельности; пограничный – рассогласованность нравственных приоритетов и мотивов деятельности; негативный тип самочувствия, отражающий кризис ценностных ориентаций, социальных установок, ведущий к социальной апатии.

Зачастую измерение социальных явлений и процессов осуществляется с помощью экономических показателей, таких как: народонаселение, трудовые ресурсы (их распределение и использование), национальное богатство, производство и обращение общественного продукта, рост национального дохода и материального благосостояния страны. Эти показатели характеризуют, в основном, количественную сторону социальных процессов – социальную инфраструктуру, но качественного измерения они не дают. Как отмечалось выше, регион является ориентированным на человека и удовлетворение его потребностей и, следовательно, оценивается человеком через самоидентификацию с данным социокультурным пространством, удовлетворенность своим образом жизни, своим социальным окружением, социальное самочувствие. Социальное значение изменений придает не объем затрат финансовых и материальных ресурсов, а соответствие этих изменений содержанию и характеру динамики потребностей, интересов и ценностных ориентаций различных социальных групп и слоев, определяемое через отношение населения региона к изменениям и региону в целом.

Социальное самочувствие формируется под воздействием различных явлений и процессов и отражает уровень притязаний населения, уровень жизни населения, характеризует активность населения, его умение планировать свою жизнь, ставить цели и достигать их, состояние здоровья и ряд других показателей. Категория социального самочувствия, являясь интегральным показателем, позволяет аккумулировать различные экономические, социальные и культурные аспекты, и будучи изученным в динамике, позволяет отслеживать трансформации материальных и метафизических составляющих культуры, их влияние на локальные территориальные общности, на территорию региона в целом.

Ведь, зачастую, те проблемы, которые кажутся значимыми с точки зрения власть имущих, не представляют особого интереса и не вызывают беспокойства у жителей региона. Иногда людей не волнуют глобальные политические события, а большее беспокойство вызывают насущные семейные проблемы и заботы.

Изучение показателей социального самочувствия наглядно при наличии динамических рядов этих показателей, т. к. это позволяет отслеживать изменения, трансформацию определенной социальной общности, улучшение или ухудшение жизни в регионе, по оценкам населения этого региона, которое больше всех испытывает на себе влияние политики местных властей, результатов их деятельности по благоустройству жизни населения.

Эмпирическое представление темы исследования возможно только через разработку системы показателей – индикаторов социального самочувствия. В силу неоднозначности самого понятия разработка универсального перечня индикаторов является самостоятельной научной задачей. Так, еще в мае 2006 г. студентами ВолгГТУ совместно с Центром социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» было проведено исследование методом телефонного опроса (квотирование производилось по полу, возрасту, уровню образования. N=418, для данного объема выборочной совокупности максимальная статистическая погрешность выборки при доверительном уровне 0,95 равна 3,8%) [6]. В нем авторы выделяли следующие основные индикаторы социального самочувствия, которые позволили оценить масштаб социальных проблем и то, каким образом

эмоционально воспринимается социальная ситуация жителями города. Итак, в качестве основных индикаторов социального самочувствия и оценки социальной стабильности региона, в данном случае, выступали:

- оценки безопасности проживания в регионе,
- страхи, которые испытывает население,
- институты, группы, общности, которые выступают гарантами социальной стабильности для населения,
- восприятие будущих перспектив, оценка возможности изменения социального положения в будущем,
- оценка степени уверенности в своем будущем и будущем своей семьи,
- уровень оптимизма.

Проведение исследований по этой проблематике в Волгограде продолжилось и в дальнейшем, и впоследствии Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» продолжил мониторинг, включая блок вопросов для измерения уровня социального самочувствия жителей города в инициативный проект «Волгоградский Омнибус» [11]. Для измерения социального самочувствия стал применяться вариант индекса РИПН (региональный индекс потребительских настроений, вариант ИПН), разработанный Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» для межрегиональных исследований. Компоненты РИПН рассчитываются на основе результатов обработки ответов респондентов на шесть вопросов интервью, которые предлагаются респондентам в следующих формулировках:

С11. «Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?»

С12. «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи), лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?»

С13. «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

С14. «Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?»

С15. «Как Вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?»

С16. «Если говорить о крупных покупках для дома, – таких как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то, как Вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?»

Мониторинг показателей социального самочувствия в течение длительного времени по вышеописанным индикаторам позволил исследователям зафиксировать весьма невысокий уровень и отсутствие значимой динамики по ним. В нашем понимании, одним из важнейших факторов, обусловливающих формирование позитивного социального самочувствия, характеризующегося стабильно позитивным восприятием действительности, устойчивой совокупностью ценностных ориентаций, чувством общности, удовлетворенностью своим социальным статусом, уровнем дохода и т.п. – это информационная среда. Наличие информации о жизни региона, ее доступность, информированность населения позволяет формировать чувство принадлежности человека к определенному территориальному сообществу, его самоидентификации с регионом. Многочисленные каналы информации способствуют формированию восприятия региона как сплоченной (с помощью каналов) социальной общности. Установление каналов обратной связи с властью, а также институтов прямой демократии обеспечивает возможность реализации функций целеполагания и жизнеобеспечения через социальные ресурсы общества, возможность «подстраивания» общества под интересы, цели, потребности конкретного человека.

Позитивное социальное самочувствие в период социальной трансформации можно обеспечить, во-первых, за счет установления систем обратной связи между населением и властью. Обращение к мнению горожан об их социальном самочувствии, которое рассматривается нами как комплексный показатель, включающий значительный перечень индикаторов, необходимо осуществлять с помощью социального мониторинга, т. е. регулярно, что позволит оперативно вносить необходимые корректизы. Во-вторых, наряду с этими элементами информационного пространства, социальное самочувствие определяется с помощью средств массовой информации, которые влияют на

социальные чувства идентичности, обеспечивают приобщение к определенной системе символических значений, ценностей, к соответствующему способу видения общества и положения человека в нем.

Итак, обозначив некоторые ключевые моменты, характеризующие социальное самочувствие населения региона, конкретизируем те аспекты, которые необходимо учитывать органам государственной власти для ее обеспечения:

- системный подход к поддержанию социальной стабильности и безопасности, предполагающий учет всех элементов системы, их взаимосвязь и взаимовлияние;
- поддержка проектов, направленных на социальную защищенность населения, как одной из ключевых подсистем, влияющих на формирование позитивного социального самочувствия, создание моделей социально значимых проектов;
- обеспечение позитивного настроя общественного самосознания за счет установления систем обратной связи между населением и властью для недопущения угроз социальной безопасности и преодоления тех угроз, которые уже наличествуют;
- обращение к мнению горожан об их социальном самочувствии, угрозах, которые они ощущают, с помощью социального мониторинга (социологическое исследование, при котором сбор социальной информации осуществляется систематически с использованием сходной методики, выборки и инструментария исследования [15]), что позволит фиксировать те проблемные, болевые точки, которые в данный момент являются определяющими факторами для социальной безопасности жителей региона, прогнозировать факторы угроз социальной стабильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барская, О. Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования. Автореф. дис.канд. философ. наук / О. Л. Барская. – М., 1989. – С. 16-28.
2. Добрынина Е. У реформы есть дети и пасынки // Российская газета. – 2006. – 24 апр.
3. Жизнь культуры: Курс лекций / В.И. Маркелов / Под. ред. В.И. Маркелова. – Кемерово, 1999. – С. 11-19.
4. Крупец, Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я. Н. Крупец // Социс. – 2004. – №3. – С. 5-10.
5. Овчар Н.А. Мониторинг социального самочувствия населения как инструмент прогнозирования угроз социальной стабильности региона // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, приоритетных национальных проектов и программ, ч.2. Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. Редкол.: Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. – М., 2009. – С. 131-141.
6. Овчар, Н. А. Проблема безопасности в оценках жителей Волгограда / Н. А. Овчар // Российские регионы в условиях трансформации современного общества: материалы Всерос.науч.конф., г. Волгоград, 14-15 сент. 2006 г. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 294 .
7. Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. – М., 1990. – С. 34-49
8. Социология культуры: Учебное пособие / В.Г. Волков / Под. ред. Волкова В.Г. – М., 2000. – С.58-67.
9. Социология личности: Учебное пособие / А.И. Артемьев / Под. ред. А.И. Артемьева. – Алматы, 2001. – С.12-22.
10. Тихонова Н.Е. Особенности дифференциации и самооценки статуса в полярных слоях населения // Социс. - 2006. – №4. – С. 22-27.
11. Токарев В. В., Дулина Н. В. Опыт социального мониторинга в городе// Известия Волгоградского государственного технического университета. – Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» Выпуск 8. - 2010. - №9(69). – С. 78-86.
12. Тощенко Ж.Т., Харченко С. Концепция социального настроения. – М., 1996. – С.97-123.
13. Человек в мире культуры: Учебное пособие / В.А. Фортунатова / Под. ред. В.А. Фортунатовой. – Н. Новгород, 1998. – С. 12-19.
14. Швырев С. Теория изящных искусств // Десан. - 2000. - №4. – С.4 – 8.
15. Шмельков А.В. Мониторинг социально-экономического развития территории [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.socio-esearch.ru/cnt/publications/fldrSciencePublications/cntSAV_Monitoring

УДК 316.472.4
ББК 60.54

E. G. Efimov

**СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ОБРАЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
(КОНТЕНТ-АНАЛИЗ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ ТРК «ВЕСТИ» 2011–2014 ГГ.)**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ez07@mail.ru

В статье рассматривается динамика влияния социальных групп на телевизионный образ социальных сетей. Анализ новостных сообщений в 2014г. показывает эпизодическое внимание государства к проблемам социальных сетей, большую роль пользователей и незначительное внимание к проблеме аддикции.

Ключевые слова: социальные сети, общественное мнение, телевидение, бюрократия, аддикция, ВКонтакте.

E. G. Efimov

**SOCIAL GROUPS AS THE FACTOR OF FORMATION OF AN IMAGE
OF SOCIAL NETWORKS (THE CONTENT-ANALYSIS OF NEWS
MESSAGES OF BROADCASTING COMPANY "VESTI" « 2011-2014)**

Volgograd State Technical University

In article dynamics of influence of social groups for a television image of social networks is considered. The analysis of news messages in 2014г. Shows incidental attention of the state to problems of social networks, the big role of users and insignificant attention to a problem addiction.

Keywords: social networks, public opinion, television, bureaucracy, addiction, VKontakte.

Среди различных новых форм коммуникации, которые появились в интернете, сегодня на первый план выходят социальные сети. И в нашей стране и в мире в целом, данный вид коммуникации приводит к трансформации многих аспектов повседневной жизни миллионов людей. По данному опроса «Левада-центра» (N=1600) 19-22.06.2015 г. 55% опрошенных имеют аккаунты в социальных сетях [6]. Согласно опросу ВЦИОМ (март-июнь 2015г.) 60% пользователей интернета положительно оценивают влияние социальных сетей на свою жизнь [5].

Являясь частью общества, социальные интернет-сети как социально технический объект не только формируют социальное пространство вокруг себя, но и сами становятся объектом влияния многих факторов. Социальные группы выступают в качестве одного из таких факторов, создавая и формируя технический и социальный облик социальных сетей. Согласно методологии подхода «социальному конструированию технологии» и особенностям российской культуры можно выделяются четыре главные группы. Это бюрократия, представляющая государство как социальный институт, пользователи, противники развития технологии и сами производители [1, с. 42-54]. Отражением их взаимодействия выступает общественное мнение, индикатором формирования которого является телевидение. В России по прежнему телевидение остается главным источником информации, пользующимся наибольшим доверием. Среди различных видов каналов, жители нашей страны отдают предпочтение федеральным, которым склонны доверять больше всего [4].

В наших предыдущих исследованиях мы уже касались данной темы и пришли к некоторым выводам. Во-первых, бюрократия как социальная группа, представляющая государство, показывает наличие эпизодического интереса к социальным сетям и освещение рисков, связанных с их использованием, связано с их ролью в политических событиях. Во-вторых, внедрение социальных сетей в повседневные практики достигло такого уровня, что аддикция уже не рассматривается как проблема и противники распространения сетей не оказывают практически никакого влияния на формирование их образа на телевидении. За 2011-2013 гг. был замечен рост сообщений о рисках, связанных с деятельностью самих представителей социальных сетей, что также связано с ростом их влияния. Большинство случаев освещения рисков связано с деятельностью самих пользователей, конфликты между которыми часто освещаются на телевидении.

С целью дальнейшего изучения роли различных социальных групп в формировании образа социальных сетей на телевидении нами был проведен контент-анализ новостных сообщений ТРК

«Вести», которые транслируются на каналах «Россия-1», «Россия-2», «Россия-24». Поиск осуществлялся за период 2014 г. по ключевому словосочетанию «социальные сети». Единицей анализа выступало сообщение, посвященное социальным сетям (табл. 1).

Таблица 1
Социальные сети в освещении информационного канала «Вести» в 2014 г.

	2011	2012	2013	2014	Всего
Всего сообщений	1282	1220	1075	1570	5147
Проанализированно	1105	1131	995	1451	4682
Негативные	275	359	418	136	1186
%	24,9	31,7	42,0	9,2	25,3

Первичный анализ показывает уменьшение количества негативных новостей как применительно к общему количеству за предыдущие годы так и их доли в отношении контента 2014 г. На втором этапе мы перешли к качественной оценке негативных новостных сообщений, реакция на которые является движущей силой процессов трансформации данного социально-технического феномена. Согласно методологии исследования техники в рамках направления «социального конструирования технологии» (SCOT) и с учетом культурных особенностей нашей страны, можно выделить четыре основные группы: бюрократию, представляющую государство как социальный институт, пользователей сетей, противников развития технологии и самих производителей. Соотношение доли новостных сообщений, связанных с данными группами приводится в табл. 2.

Таблица 2
Социальные группы как фактор формирования образа социальных сетей

	Риски	Всего	2011	2012	2013	2014
1	Правовые риски (бюрократия)	505	180	146	113	66
1.1.	В том числе акции протеста	186	92	57	27	10
1.2.	В том числе безопасность детей	63	12	20	22	9
1.3.	В том числе нарушение авторских прав	46	23	14	5	4
2	Социальная сеть (производители)	112	21	31	46	14
3	Социальные нормы (пользователи)	504	64	159	236	45
3.1.	В том числе распространение видеоматериалов о насилии над личностью и животными	29	1	12	14	2
3.2.	В том числе в контексте эпизодов самоубийства	22	0	14	8	0
3.3.	В том числе в контексте проведения ЕГЭ	66	29	11	25	1
4	Аддикция (противники сетей)	70	10	23	23	14

Как мы можем увидеть, снижение общего числа негативных сообщений сказалось, хотя и не значительно, на их структуре. Большинство сообщений было связано с использованием социальных сетей в ходе противоправных действий. Большой интерес для телевидения продолжают представлять конфликты между пользователями, а также продолжает привлекать интерес проблема аддикции. Для понимания связи между динамикой формирования образа сетей и выявления ее факторов, мы провели дополнительный анализ ежемесячной структуры новостных сообщений.

Данный анализ позволяет нам увидеть, что в 2014г. наибольший интерес к социальным сетям был в начале года. Январь ознаменовался техническими проблемами сети «ВКонтакте» и многочисленными упоминаниями об использовании сетей в различных странах для организации акций протеста. Надо отметить, что эти темы не являлись ярко выраженными. В целом в зимние месяцы освещались самые разнообразные и не связанные друг с другом темы, от пропаганды школьницей в сетях нетрадиционных сексуальных отношений (6.02.2014) и до разработки антитеррористиче-

ского законодательства депутатами государственной думы (15.01.2014). В марте и апреле новостные сюжеты были связаны с блокировкой турецким правительством аккаунтов сетей Facebook, Twitter и Youtube. Однако в целом, в 2014 г. отсутствуют ярко выраженные блоки тем, которые затрагивали тему социальных сетей, в отличие от предыдущих лет. В целом контент негативной новостной информации в этом году составляли не связанные между собой сюжеты, от скандала с распространением брянской школьницей информации о нетрадиционных сексуальных отношениях до рассмотрения закона об экстремизме Государственной думой.

Таблица 3

Ежемесячная структура негативных новостных сообщений о социальных сетях

		2011	2012	2013	2014
1	Январь	24	23	38	33
2	февраль	16	37	25	20
3	Март	13	28	19	19
4	Апрель	17	31	40	15
5	Май	19	35	42	6
6	Июнь	52	25	55	6
7	Июль	27	23	40	4
8	Август	26	42	21	6
9	сентябрь	16	26	23	3
10	Октябрь	26	26	45	6
11	Ноябрь	11	29	39	9
12	декабрь	28	34	31	9
	Всего	275	359	418	136

В итоге анализ формирования образа социальных сетей в общественном мнении позволил нам прийти к некоторым выводам. Государственная политика в отношении сетей отражается в новостях, где делается акцент на противоправных действиях и использования социальных сетей в них. Между тем, информационный блок в данном случае включает не только оценку правовых актов, но и в целом отражения мнения бюрократии как социальной группы (экспертные оценки, предварительные оценки и рекомендации чиновников и т.д.). Мы выделили три темы, которые являются центральными в отражении СМИ позиций данной группы. Наиболее статистически выраженной темой является использование сетей в акциях протеста. Именно поэтому отсутствие ярких протестных движений в 2014 г. привело к снижению общего количества негативных новостных сообщений о социальных сетях. Две другие темы (детская безопасность и защита авторских прав) рассматриваются нами, как пример культурных отличий государственной политики в России и на Западе. Правовой нигилизм, характерный для нашей культуры, является причиной отсутствия значительного внимания к проблеме авторского права. Вопрос о рисках социальных сетей для детей в правовом контексте стал регулярно освещаться на телевидении после 2012 г., в связи с принятием ФЗ от 28 июля 2012 г. N 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». После этого на телеканале стали активно подаваться материалы об аресте педофилов, действовавших в интернете или через социальные сети. Группа противников развития технологий [2, с. 26-28] проявляет себя через наличие сюжетов, связанных с проблемой аддикции. Несмотря на их наличие, в целом этот вопрос освещается незначительно, что является подтверждением высокого уровня интеграции сетей в общественную жизнь [3, с. 29-30]. Группа производителей сетей присутствует на ТРК «Вести» в двух тематических блоках: освещение технических проблем социальных сетей и скандальные поступки основателя и директора сети «ВКонтакте» П.Дурова. В 2014 г. данные тренды были в моде, благодаря вирусу, распространявшемуся через Facebook и скандала с отставкой П.Дурова. Самой значительной группой, представ-

ленной на телевидении, продолжают оставаться пользователи сети. Неоднозначность оценок действиям, совершающимся в сетях, обсуждение этических и правовых аспектов действий пользователей, скандалы и сенсации – все это служит главным материалом для новостных сообщений. Отметим, что данный факт объясняется, в том числе, и слабостью правовой регламентации работы сетей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ефимов Е.Г. Социальные Интернет-сети (методология и практика исследования) : монография / Е.Г. Ефимов; ВолгГТУ. - Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2015. - 168 с.
2. Интернет и дети: социальное поведение молодых россиян в интернете. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2013. -140 с.
3. Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека / В.А.Плешаков. – М.: МПГУ; «Homo cyberus», 2011. – 400с.
4. СМИ в России : потребление и доверие. Пресс-выпуск № 2829. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=125> (Дата обращения 29.06.2015)
5. Соцсети – окно в мир или виртуальная ловушка? Пресс-выпуск №2860. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115294>. (дата обращения 29.09.2015)
6. «Убрать из друзей»: пресс-выпуск от 29.06.2015. URL: <http://www.levada.ru/29-06-2015/ubrat-iz-druzei>. (дата обращения 29.09.2015)

УДК 316. 7
ББК С 5

H. B. Дулина¹, E. V. Ануфриева²

ДОМАШНИЙ ТРУД В СИСТЕМЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ (по итогам прикладного социологического исследования)

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ¹dulina@vstu.ru, ²ev_anufrieva@mail.ru

В статье анализируются результаты опроса жителей Волгограда по вопросам отношения к домашнему труду и гендерному распределению ролей в повседневных бытовых практиках.

Ключевые слова: гендер, мужчина, женщина, домашний труд.

N. V. Dulina, E. V. Anufrieva

HOUSE WORK IN SYSTEM OF DISTRIBUTION OF GENDER ROLES (based on the applied sociological research)

Volgograd State Technical University

In article results of poll of residents of Volgograd concerning the relation to house work and gender distribution of roles in daily household practitioners are analyzed.

Keywords: gender, man, woman, house work.

Домашний труд выступает в качестве одной из важнейших сторон жизни человека и дополняет общественное производство предметов потребления и услуг, необходимых населению. Сам термин «домашний труд» не имеет однозначного толкования, что, в общем-то, и понятно. Обычно под домашним трудом понимают совокупность всех хозяйственных функций, которые выполняют члены семьи. Даже на первый взгляд становится понятно, что такое определение имеет ряд серьезных недостатков. Так, например, крайнюю неясность терминологии домашней работы или домашнего труда, отмечает О. Ткач, обращая внимание на то, что «... повседневный рутинный домашний труд – нестандартизированная сфера человеческой деятельности, которой достаточно сложно дать исчерпывающее определение. <...> В современных социальных исследованиях домашний труд понимается гораздо шире, чем сумма взаимосвязанных технических операций» [7, с. 137]. Однако мы не ставим своей задачей в рамках данной статьи уточнять введенное понятие, мы его принимаем как данность, только обратим внимание на то, что не только с точки зрения обывателя, но юридически домашняя работа не является сферой оплачиваемого труда и профессий, поскольку не предполагает получения денежного вознаграждения за ее выполнение. И как нам представляется, именно это и является камнем преткновения при распределении гендерных ролей

при ведении домашнего хозяйства. С одной стороны, домашний труд признается как необходимый и не относят его к разряду легких. Ведь не случайно в народе говорят, что «домашество водить, не стряхня рукава ходить». Но, с другой стороны, если труд не оплачивается, значит, он никому не нужен, это труд так, между делом, в удовольствие. И действительно, в отдельных случаях линия, разделяющая домашний труд и досуг, может быть очень тонкой, условной. Куда, например, отнести такие виды деятельности внутри семьи как игры с детьми, выгул домашних животных, приготовление пищи. Для кого-то – это обуз, непомерный труд, а для кого-то – получение удовольствия. Иными словами, разграничить работу, которая делается по причине необходимости, и деятельность, которой занимаются ради получения удовольствия, довольно сложно. Единого шаблона в данном случае быть не может, так как, в конечном счете, все зависит от наклонностей и предпочтений каждого конкретного человека. Но в рамках наших рассуждений важно признать, что такие виды деятельности внутри каждой семьи (домохозяйства) существуют, и их необходимо выполнять, чтобы поддерживать нормальный быт. Нас интересует вопрос отношения к таким видам деятельности со стороны мужчин, женщин и общества в целом. Вопрос, как нам представляется весьма актуальный, поскольку в нашей стране насчитывается 52,7 тыс. домохозяйств, из них 39,2 тыс. – в городских поселениях [6], т. е. существует огромное количество семей, где эти вопросы встают ежедневно. А как они решаются?

Исследователи отмечают, что инерционность гендерного разделения труда в домашней сфере в большей степени характерна для России, чем для западных стран [1, с. 132–155]. По их мнению, процессы социально-экономического реформирования 1990-х годов оказали достаточно противоречивое воздействие на эту сферу. «С одной стороны, в 90-е годы необходимость материального выживания семьи нередко заставляла всех ее членов включаться в такие совместные виды деятельности, как личное подсобное хозяйство, домашние заготовки, бытовой ремонт. С другой – домашние обязанности в реальности часто оказывались прерогативой тех членов семьи, которые не могли по разным причинам найти достойного места на рынке труда и внести существенный вклад в домашний бюджет» [1, с. 132].

Останавливаясь на характеристике теоретических подходов изучения гендерного разделения труда в домашнем хозяйстве, как правило, называют «новую экономику домохозяйства» Г. Беккера, концепцию временных ограничений и концепцию соотношения ресурсов. Не рассматривая эти концепции подробно, отметим, что в каждой говорится о соотношении и отношении к домашнему труду, его значимости и ценности в зависимости от уровня образования членов семьи, их уровня дохода, получаемого во вне дома, уровня занятости мужчин и женщин на рынке труда и многих других экономических, социальных, психологических и культурных факторов. Мы, в своей работе, опираемся на гендерный подход, который «делает основной акцент на то, что проблема разделения домашнего труда должна быть вписана в более широкий контекст социального конструирования гендеря («doing gender»). В этом случае в центр поставлена категория гендеря, а поведенческие проявления «маскулинности» и «феминности» рутинизируются в рамках института брака, который создает особое социальное пространство для реализации статусных притязаний, особенно относящихся к гендерной идентичности» [8, с. 315].

Выполненные ранее исследования по выявлению уровня сегрегации в сфере домашнего труда [1, с. 142] зафиксировали явные гендерные различия в видах домашней работы, и обозначили те виды деятельности, в отношении которых мужчины и женщины демонстрируют наибольшие различия по масштабам своего участия. Например, мытье посуды, приготовление еды, уборка квартиры, покупка продуктов, стирка и глажение одежды, это те виды домашней работы, по которым доля женщин в 2–3 раза выше, чем аналогичная доля среди мужчин [1, с. 142].

Исследователи отмечают, что есть виды домашнего труда, в которых преобладает мужское участие. Например, мелкий ремонт по дому, даче, ремонт автомобиля, ремонтно-строительные работы по дому, даче, поездки на автомобиле с «семейными» целями (магазин, дача). Подробнее с результатами данного исследования можно ознакомиться в работе [1].

Один из выводов, к которому пришли авторы в ходе своих размышлений, имеет важное значение и для нашего исследования, а именно: для всех видов деятельности в домашнем хозяйстве характерна важная особенность: здесь труд выражен в форме личной услуги, это виды деятельности, «обычно относимые к категории «невидимого» обслуживающего труда, играют наиболее важную символическую роль в утверждении гендерной идентичности в сфере домашней занятости» [1, с. 151].

Разделение функций при выполнении домашнего труда выступает в качестве наиболее простого показателя разграничения гендерных ролей в приватной (как правило, скрытой от глаз внешнего наблюдателя) сфере. Не претендую на оригинальность, все-таки заметим, что домашний труд, который является одним из самых малоэффективных в плане производства, однообразных и утомляющих, с древних времен считался уделом женщины. В то время, когда вооруженный копьем или луком и стрелами мужчина охотился на диких зверей, женщина следила (поддерживала) за огнем в очаге («сохраняла очаг»), готовила пищу, кормила детей, выхаживала больных. Подобное разграничение функций было вполне естественным и воспринималось как справедливое. Долгое время мужчина нес ответственность за выполнение тяжелых сельских или производственных работ. Ему приходилось по 10–12 часов стоять у станка, а женщина, по-прежнему, «присматривала» за домом. С тех пор произошло много изменений. В современном и понятном нам виде домашний труд появился в результате завершения процесса отделения рабочего места от жилища, которое стало местом не производства, а потребления товаров, что предопределило разделение работы на «настоящую», подразумевающую вознаграждение за труд, и «невидимую», воспринимаемую как само собой разумеющееся [2, с. 234].

Современная культура, включающая элементы патриархальной культуры, делит всю человеческую деятельность на две составляющие: приватную и публичную. Разделение ответственности в каждой из этих сфер осуществляется по гендерному признаку. Стереотипным является вариант, когда мужчины берут на себя ответственность за вторую (публичную) сферу жизни домохозяйства, а женщины, в свою очередь, – за первую (приватную).

Вряд ли надо особо доказывать, что в современном обществе роли женщины и мужчины заметно изменились. Но как при этом меняются обязанности по дому мужчин и женщин? Обоснованы ли разговоры о несправедливом характере разграничений обязанностей по половому признаку? Почему даже в ситуации двух работающих супругов выполнение домашних забот возложено, прежде всего, на женщину? Вопросов на самом деле много. Частично ответы на эти и другие вопросы, касающиеся гендерного разделения домашнего труда, можно получить, если обратиться к результатам прикладного социологического исследования, выполненного на кафедре истории, культуры и социологии Волгоградского государственного технического университета весной 2015 года. Технические параметры выполненного исследования следующие.

Всего в ходе исследования было опрошено 300 респондентов (жители г. Волгограда), половину из них составили женщины, половину – мужчины. По возрасту распределение выглядит следующим образом: от 15 до 20 лет – 19.7 %, от 21 года до 30 лет – 20.3 %, от 31 года до 45 лет – 20.0 %, от 46 до 57 лет – 20.0 %, от 58 лет и старше – 19.7 %, один респондент (0.3 %) не указал свой пол. От общего числа опрошенных 57.3 % состоят в браке, 35.0 % – не состоят в браке, остальные в своих анкетах указали «другое», имея в виду гражданский брак, вдовство. Стаж супружеской жизни до 5 лет имеют только 17.0 % от общего числа опрошенных, остальные 6 лет и более. Но почти пятая часть респондентов (19.7 %) имеет стаж супружеской жизни 31 год и более. Более половины от общего числа опрошенных (57.0 %, а от числа состоящих в браке – 84.7 %) находятся в первом браке, во втором – 9.3 %. О наличии детей в семье 63.3 % респондентов на вопрос: «Есть ли у Вас дети?» дали положительный ответ, 28.3 % – отрицательный, остальные уклонились от ответа. По уровню образования респонденты в выборке представлены следующим образом: начальное – 3.0 %, общее среднее – 15.0 %, среднее специальное – 38.3 %, высшее – 42.0 %, остальные указали, что у них «другое» образование, не представленное в перечне возможных альтернатив.

Исследование носило зондажный характер, задача презентации выборки не ставилась. Однако, как нам представляется, представленные выше технические характеристики выполненного исследования, позволяют представить вполне адекватную картину на основе полученных эмпирических данных. Отвечая на вопросы анкеты, респонденты делились собственным опытом, навыками, знаниями и т. д. в домашнем труде и отношением к нему.

Если изначально предполагалось, как мы уже упоминали выше, что ответственность за благосостояние семьи должен нести мужчина, а женщина только «домашествует», то к настоящему времени, начиная с конца XIX – начала XX вв. [3, 4], ситуация заметно изменилась (см. табл. 1).

Таблица 1

Мнение респондентов о том, кто должен нести ответственность за благосостояние семьи, %%

Формулировка вопроса: Как Вы считаете, кто должен нести ответственность за благосостояние семьи?	Пол	
	Мужской	Женский
Ответственность несет мужчина (муж, отец и т. п.)	44,4	40,1
Ответственность несет женщина (жена, мать и т. п.)	2,1	1,4
Ответственны в равной степени и мужчина, и женщина	53,5	58,5
Итого:	100,0	100,0

Доминирующая позиция – это согласие с тем, что и мужчина, и женщина в равной степени ответственны за благосостояние семьи, причем в большей степени, чем мужчины, готовы принять эту позицию. Кроме того, общественное мнение готово признать, что ничего предосудительного в том, что женщина зарабатывает больше чем мужчина, нет (см. табл. 2). Причем такая поддержка находит больше понимания со стороны женщин (или это уже просто констатация факта с их стороны?). Только треть мужчин (30,6 %) пытаются сохранить и отстоять право основного «кормильца семьи», остальные готовы разделить это право с женщиной.

Как распределены домашние обязанности в семье? Данные, представленные в табл. 3, не оставляют сомнений, что большая часть домашних обязанностей возложена на женские плечи, и это при том, что занятость женщин на производстве неуклонно растет. Так, например, в общей численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве, в 1979 г. было занято 57,7 млн. женщин по сравнению с 2,8 млн. в 1928 г., в 1980 г. женщины составляли 51 % всех занятых по сравнению с 24 % в 1928 г. [5, с. 269]. Полагаем, что количество женщин, занятых «зарабатыванием денег» в настоящее время увеличилось.

Таблица 2

Мнение респондентов о признании ситуации, что жена зарабатывает намного больше мужа, %%

Формулировка вопроса: Что бы Вы сказали в такой ситуации – жена зарабатывает намного больше мужа?	Пол	
	Мужской	Женский
Не вижу ничего предосудительного	43,5	55,4
Мне это не очень нравится, но я могу смириться	24,5	24,3
Отношусь к этому отрицательно. Именно мужчина должен	30,6	17,6
Другое	1,4	2,7
Итого:	100,0	100,0

Вполне ожидаемым был результат оценки домашних дел «сообща» (см. табл. 3).

Таблица 3

Мнение респондентов о том, как распределены домашние обязанности в их семье, %%

Формулировка вопроса: Как распределены в Вашей семье домашние обязанности?	Пол	
	Мужской	Женский
В основном все приходится делать самому	4,2	21,4
Члены семьи помогают, но все же, у меня обязанностей больше	6,7	29,0
Большую часть дел выполняют члены моей семьи	27,2	9,0
Делаем все сообща или по очереди	61,5	40,7

Понимание того, как домашние дела должны делаться «сообща», или разница между должным (желаемым, декларируемым) и реальным, хорошо иллюстрируется ответами на другой вопрос анкеты, а именно: «Как, по Вашему мнению, должны распределяться обязанности по дому?» (см. табл. 4). Мужчины демонстрируют готовность помочь по дому, оставляя основную нагрузку по делам домашним за женщиной.

Таблица 4

Мнение респондентов о том, как должны распределяться обязанности по дому, %%

Формулировка вопроса: Как, по Вашему мнению, должны распределяться обязанности по дому?	Пол	
	Мужской	Женский
Домашнюю работу должна выполнять женщина, а мужчина – обязанности по содержанию семьи	25,9	8,8
Обязанности должны делиться примерно поровну	19,0	34,7
Обязанности должны выполняться в зависимости от нагрузки, состояния здоровья, склонностей, умений	12,2	21,8
Домашней работой в основном должна заниматься женщина, но мужчина должен ей во всем помогать	42,9	33,3
Другое	-	1,4
Итого:	100,0	100,0

Мужчины готовы делегировать женщине право принимать участие в обеспечении благосостояния семьи. Готовы ли они в таком случае разделить с женщиной домашние хлопоты? Данные, иллюстрирующие позицию мужчин и женщин в данном вопросе, представлены в табл. 5. Большинство от числа опрошенных мужчин (до трех четвертей!) готовы принять на себя такие обязанности по дому как сходить в магазин за покупками (78,4 %) и вынести мусор (75,0 %). Только менее половины мужчин могут помыть посуду (43,2 %), еще треть – приготовить пищу (35,1 %) или сделать дома уборку (29,1 %). Но то, что для мужчины, с точки зрения выполнения домашних дел, исключение, для женщины – норма. Женщины лишь чуть меньше, чем мужчины, ходят в магазин за покупками (65,5 %) и мусор выносят реже (43,9 %). «Равноправие» наблюдается только при выгуле домашних животных – каждый пятый респондент, как среди мужчин, так и среди женщин выполняет такую домашнюю повинность (или получает удовольствие от прогулки с домашним любимцем).

Таблица 5

Выполнение мужчинами и женщинами домашних дел, %%

Формулировка вопроса: Какие домашние дела Вы выполняете?	Пол	
	Мужской	Женский
Стирка	8,1	73,0
Приготовление пиши	35,1	77,7
Уборка дома	29,1	81,1
Мытье посуды	43,2	76,4
Уход за детьми	14,2	46,6
Вынос мусора	75,0	43,9
Выгул домашних животных	20,3	19,6
Гладка белья	8,8	64,2
Поход в магазин	78,4	65,5
Другое	6,1	10,1

Важным показателем участия в делах домашних является время, затрачиваемое человеком на выполнение тех или иных домашних дел. Для каждого из нас важно, сколько свободного времени остается на восстановление, на досуг. Результаты, полученные в ходе исследования, свидетельствуют, что мужчины и женщины тратят разное количество времени на домашние хлопоты (см. табл. 6). Если основной диапазон затрат времени на домашние дела для мужчин составляет до одного часа, то для женщин – более двух часов. Разница, прямо скажем, заметная, когда после возвращения с работы, надо еще потратить время на домашние дела. Более того, в свободное время мужчины предпочитают в большинстве своем смотреть телевизор (57,7 %) и просто отдыхать,

ничего не делая (49,7 %). Основные приоритеты женщин в свободно время – это смотреть телевизор (44,6 %) и обустраивать квартиру, наводить домашний уют (41,2 %).

Таблица 6

Самооценка респондентами времени, затрачиваемого на выполнение домашних дел, %%

Формулировка вопроса: Сколько времени Вы обычно тратите на работу по дому в будний день?	Пол	
	Мужской	Женский
Не более 30 минут	24,1	8,2
От 30 минут до одного часа	29,7	18,5
От 1 до 2 часов	21,4	19,9
От 2 до 3 часов	17,2	23,3
Более трех часов	7,6	30,1

Но при этом, женщины вдвое чаще, чем мужчины, переживают, если из-за загруженности что-то не успели сделать по дому: 26,0 % и 10,3 % сказали, что они испытывают чувство вины перед домашними, если из-за загруженности что-то не успели сделать по дому. Сказать, что мужчины больше занимаются с детьми, чем женщины, тоже не представляется возможным (см. табл. 7).

Таблица 7

Самооценка респондентами занятий с детьми, %%

Пол	Формулировка вопроса: Часто ли Вы занимаетесь с детьми?			
	Регулярно	По мере возможности	Редко	Не занимаюсь с детьми
Мужской	31,6	44,9	8,2	15,3
Женский	59,2	29,1	4,9	6,8

Ситуацию, которая в настоящее время складывается в семьях с точки зрения распределения (закрепления) гендерных ролей в домашнем труде, можно еще долго продолжать. К сожалению, в рамках отдельной статьи невозможно представить все данные, полученные в ходе социологического исследования. Но основная тенденция, как нам представляется, прослеживается довольно ясно. В качестве вывода можно сформулировать следующее. Наше исследование лишний раз подтвердило тот факт, что наш город, как и страна в целом, не является исключением в мировом сообществе, где также существует гендерное неравенство в сфере домашнего труда. Более того анализ данных, полученных в ходе нашего исследования, и результатов исследований, выполненных другими отечественными авторами, за разные временные периоды не позволяет определить ярко выраженную тенденцию по изменению ситуации, скорее, присутствует декларация необходимости изменить что-то в этой сфере. Домашняя нагрузка (при все увеличивающейся внешней, публичной) женщин превышает мужскую, особенно это характерно для решения самых трудоемких задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / ред.-сост.: Н. М. Римашевская (науч. ред.), Л. Г. Лунякова; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; Науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. – М.: Наука, 2009. – 273 с.
2. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
3. Дулина, Н. В., Ануфриева, Е. В. «Заменим!»: женская история Первой мировой войны (на примере г. Царицына-Сталинграда-Волгограда) / Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева // Десятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2015 года. / Отв. редактор: Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. – С. 1659–1661.
4. Дулина, Н. В., Ануфриева, Е. В. Неизвестная история всемирно известного города. Первая мировая война в пространстве Царицына-Сталинграда-Волгограда / Н. В. Дулина, Е. В. Ануфриева // Война и историческая память: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции «Война и историческая память», приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, Россия, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, 31 октября 2014 года. – СПб: СПбГУКиТ; Издательство «Фора-принт», 2014. – С. 45–46.

5. Мищенко, Т. А. Динамика социальных ролей трудящейся женщины в СССР как фактор трансформации семейного лидерства (1960-е – начало 1980-х гг.) / Т. А. Мищенко // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 85. – № 6 (2). – С. 269–278.
6. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Демоскоп Weekly. – № 491–492, 19–31 декабря 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/regrep01.php>.
7. Ткач, О. Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта / О. Ткач // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. Труды факультета политических наук и социологии. Вып 17. / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 137–188.
8. Goffman, E. The Arrangement between the Sexes / E. Goffman // Theory and Society. – 1977. – V. 4. – № 3. – P. 301–331. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.csun.edu/~snk1966/Goffman%20The%20Arrangement%20between%20the%20sexes.pdf>.

УДК 338.48:504

ББК У433.5

И. Н. Наумов¹, Д. Ю. Шарапов²

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

¹Волгоградский государственный технический университет

²Волгоградский государственный аграрный университет

E-mail: Naumov1510@yandex.ru

В статье поднимаются проблемы развития этнокультурного туризма на территории Волгоградской области. Авторы акцентируют внимание на возможностях использования и перспективах создания туристической инфраструктуры на памятниках историко-культурного и природно-ландшафтного наследия для развития регионального этнокультурного познавательного туризма.

Ключевые слова: этнокультурный туризм, региональная инфраструктура, памятники историко-культурного и природно-ландшафтного наследия.

I. N. Naumov¹, D. Yu. Sharapov²

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF ETHNOCULTURAL TOURISM IN THE VOLGOGRAD REGION

¹Volgograd State Technical University

²Volgograd State Agrarian University

In the article the problems of development of ethno-cultural tourism on the territory of the Volgograd region. The authors focus on the use and prospects of creation of tourism infrastructure at the monuments of historical-cultural and natural landscape heritage for the development of ethno-cultural regional tourism.

Keywords: regional ethno-cultural tourism, regional infrastructure, historical-cultural and natural landscape heritage.

В последние годы туристическая отрасль России переживает сложные и противоречивые времена. Падение курса рубля относительно мировых валют, экономический кризис, санкции и т. д. заставляют туроператоров кардинально пересмотреть основные направления своей работы. И здесь на первое место в развитии турииндустрии выходит внутренний туризм.

Каковы же перспективы в развитии внутреннего туризма, какие основные его направления нужно развивать? Думается, что наряду с военно-патриотическим туризмом, обусловленным военными событиями XX века на Волгоградской земле, это, прежде всего, деревенский и этнографический туризм. Поэтому сохранение, прежде всего памятников, сел и малых городов (Пловдивская хартия) [1], а также развитие сети и этнографических музеев, таких как Музей народной архитектуры и быта донских казаков или музей Казачьей истории в пос. Чернышковский, так и принципиально новых музеино-развлекательных и образовательных комплексов, являются необходимым условием активизации регионального туризма. Подобные учреждения культуры помогут привлечь туристов в наш регион, подобно тому, как работает арабская этно-деревня в Дубае (ОАЕ) или этнографический комплекс «Леседи» под Йоханнесбургом (ЮАР).

Одним из классических примеров подобного комплекса является известный тематический парк «Деревня фараонов», находящийся на острове Яакоба в Гизе (Египет). Он состоит из искусственно построенной деревни с улицами, домами, каналами, зданиями, садами и целыми архитектурными сооружениями, воспроизводящими жизнь в Египте в течение разных эпох.

В разных частях парка туристы могут покататься по Нилу, изучить внутреннее убранство зданий, понаблюдать, как древние египтяне занимаются традиционными ремеслами, познакомиться с культурой страны и даже посетить точную копию гробницы Тутанхамона.

Гостей парка сначала везут по протоке на лодке, и около каждого изображения какого-либо египетского бога судно останавливается, и идет рассказ про него (аудиогид). Далее, проплывая вдоль берега, туристы видят на берегу разнообразные "живые картины". Артисты-аниматоры в национальных одеждах показывают, как в древности ловили рыбу, пахали землю на быках, занимались ремеслами и пр. Потом туристы выходят на сам остров, и там вместе с русскоговорящим гидом посещают "дом бедняка" (наблюдая, как он добывает огонь), "дом богача" (смотрят, как его жена примеряет украшения), "Карнакский храм" (крупный макет), "гробницу Тутанхамона" (точная копия), Гиды делают также краткий обзор по достопримечательностям Египта. На острове имеются также сувенирные лавки с богатым выбором товаров. Территория парка занимает 13 га, работает здесь около 500 человек.

Идея создания парка принадлежит Хассану Рагабу, прославившемуся тем, что сумел разгадать секрет древнего способа изготовления папируса, которым сегодня успешно пользуются производители сувениров.

У нас в стране одним из первых этнографическую деревню построил светлейший князь Потемкин для высокопоставленной «туристки» Екатерины Великой, бережно укрыв от ее взора некоторые ограждения тогдашних помещиков. Данный пример может быть полезен и для нас. Тем более что за вход в такой музей и несколько часов «проживания» туристы готовы заплатить сполна. И чем больше этот турпродукт похож на реальность, тем он привлекательнее.

Многие города, в том числе российские, стремятся воссоздать у себя быт и обычай местного населения. Примером может служить открытая летом 2004 г. на севере Москвы, русская этнографическая деревня Бибирево, стилизованная под начало XIX в., или создаваемый сейчас в Подмосковье, грандиозный парк «Этномир». Он располагается близ деревни Петрово Боровского района Калужской области у границы с Московской областью. В парке представлены овеществленные культуры народов мира. Он создан бизнесменом Русланом Байрамовым в рамках благотворительного фонда «Диалог культур – единый мир», и осуществляется под эгидой ЮНЕСКО.

«Этномир» расположен на территории площадью 140 га [4] и по состоянию на сентябрь 2014 г. включает в себя выставочный комплекс «Улица мира» – 43 национальных павильона, оформленных в стиле разных стран мира, где ежедневно проходят десятки мастер-классов, экскурсий и школьных образовательных программ; 6 этно-дворов, являющихся на практике крупными музеиними комплексами. Здесь же размещены 10 этно-отелей с общим номерным фондом на 900 чел.; комплекс ресторанов и кафе; магазины этно-сувениров и экологически чистых продуктов. Работают разнообразные музеи: СССР, кочевых народов, Украины, Беларуси, кукол народов мира, самоваров, утюгов, живой природы, пчеловодства, фотоаппаратов, карт. Есть экспозиции «Великие учителя человечества» и «Мировые архитектурные шедевры».

В «Этномире» проводится более 50 экскурсий и тематических мастер-классов, для школьников и студентов открыто 30 образовательных программ, в том числе «Мир славян», «Ремесла народов мира», «Традиции и быт кочевников», «Сибирь далекая и близкая», «Свадебные традиции народов мира», «Семейный лад», «История книги». По выходным на его территории действует планетарий. В перспективе здесь планируется оборудовать 52 этно-двора, представляющих собой 266 сооружений общей площадью 250 тыс. м².

Подобные, но гораздо меньшие по размаху этнические комплексы созданы и в других регионах страны и в ближнем Зарубежье. Так, с укладом русских и казахов можно ознакомиться и в этно-деревне местного парка культуры и отдыха в Усть-Каменогорске, а также в других городах. Безусловно, подобные проекты требуют серьезных инвестиций. Самые большие проблемы, пожалуй, встают при реставрации исторических мест. Например, тема реконструкции Лефортовского парка Москвы как исторического и природного памятника федерального значения неоднократно рассматривалась районными и окружными властями, но пока безуспешно.

Успешным примером может служить этнографическая нанайская деревня «Вэлком» (Хабаровский край), построенная на берегу Амура, недалеко от уникальных петроглифов Сикачи-Алян. Здесь на базальтовых валунах нанесены «птице-животные» и «маски – личины». Несомненно, потрогать эти неказистые камни, рисунки на которых сделаны рукой древнего художника около 14 столетий назад, интересно. Но плыть только за этим в пустынную даль на теплоходе для туристов скучновато и дорого. Местная турфирма создала рядом с археологическим комплексом этно-деревню, разработав интереснейший турмаршрут. Теперь оба объекта включены в программу многодневных круизов по Амуру. «Вэлком» – не простая стилизация. Это филиал Хабаровского краеведческого музея.

Основа местной экспозиции – археологическая коллекция местных находок из Сикачи-Аляна. Здесь же можно узнать о бытовых традициях нанайцев. Рядом под кронами деревьев разместился и музей жилищ: землянки каменного и железного веков, нанайская усадьба – фанза китайского образца и амбар для хранения сущеной рыбы. Неподалеку, в дубовой роще стоят деревянные идолы, возле которых «шаманы» совершают ритуальные танцы, прося у духов благополучия. Кстати, «шаманы» – артисты фольклорного ансамбля, выступающие перед зрителями, исполняют обряды кормления огня, очищения от злых духов, а также национальные танцы и песни.

Для прогулок по Амуру местные мастера изготовили лодку с традиционным носовым украшением в виде птицы. Можно пройти и по экологической тропе, ознакомиться с редкими представителями флоры и фауны Дальнего Востока и эндемиками. В здешних окрестностях проявляется свыше 1500 видов растений! Обед из национальных блюд – неизменная часть программы. Это, великолепно приготовленные, осетр, ауха, максун, красноперка, сазан. Тарелка наваристой ухи и амурская рыба, запеченная в шарабане до румяной корочки, достойно дополняют программу пребывания туристов. Необходимо отметить, что именно деятельность турфирмы позволила кардинальным образом решить проблему сохранения и исследования археологических памятников [2].

Волгоградская область не имеет подобных этнографических комплексов. Однако в регионе существуют интересные этнографические музеи, которые могли бы послужить основой создания подобных музеино-развлекательных и образовательных комплексов. Наиболее подходящими для создания будущих областных этноцентров (посвященных как истории и культуре казачества, так и другим коренным этносам нашего края), по мнению авторов, являются:

1. Музей народной архитектуры и быта донских казаков в Иловлинском районе. Его открыли 28 мая 1982 г. Представляет собой усадьбу казака-середняка, состоящую из нескольких сооружений. Главная функция музея – показ образцов материальной культуры казачества конца XIX – начала XX вв. Музей – это «живая усадьба» с подлинными строениями и предметами быта, в которой нашли отражение главные элементы традиционной культуры донского казачества: курень, летняя кухня, гончарная мастерская, хозяйственные постройки, прекрасно вписавшиеся в ландшафт местности. Подлинные экспонаты, собранные в экспозиции, воссоздают быт казачества дореволюционного времени. К горнице – главной комнате куреня – примыкает кладовая с двумя традиционными сундуками в ней: походным войсковым и кованым для домашней одежды. Во дворе усадьбы – хозяйственные постройки, в том числе амбар для хранения зерна, базы для скота, курник, лабаз, конюшня. Гостями музея в разные годы были: А. Райкин, поэт Р. Гамзатов, ансамбль «Русская песня» Н. Бабкиной, летчики-космонавты Г. Титов, Г. Береговой, Ю. Малышев, артисты С. Светличная, Е. Матвеев, Л. Федосеева-Шукшина и многие другие известные люди [3, с. 84].

2. Музей истории Усть-Медведицкого казачества. Он расположен по адресу: Волгоградская область, г. Серафимович, ул. Серафимовича, 1. У музея имеется земельный участок, на котором располагается и музей истории Усть-Медведицкого казачества и дом-музей писателя А. С. Серафимовича. На территории, огороженной забором, находится также летняя концертная площадка, носящая название Зеленый театр «Надежда», на 150 посадочных мест. На усадьбе разбит фруктовый сад, устроены плиточные дорожки между зданиями, по всему периметру двора установлено 16 светильников, что дает возможность проведения различных мероприятий в вечернее время. Электрическое освещение имеется и на летней сценической площадке.

Музей имеет летний сборно-разборный павильон, типа летнего кафе, который устанавливается в сквере музея во время проведения различных больших мероприятий или выносится на городскую площадь в праздники для организации интерьерных и других выставок. Музей также имеет набор раскладной мебели (столики и лавки), которые в любой момент можно использовать в своих спец. программах приема VIP гостей.

При музее много лет работает народный театр казачьей песни «Донцы», который участвует в традиционных передвижных выставках и образовательных программах музея. Ежегодно музейный комплекс посещают до 4000 человек, с учетом посетителей передвижных выставок. Здесь также работает «сувенирная лавка», где гости могут приобрести книги местных авторов, значки с казачьей символикой, картины кисти местных художников и поделки-сувениры, изготовленных мастерами прикладного искусства г. Серафимовича и района (подковы, фигурки из глины, вязаные салфетки и т. д.). Музейный комплекс идеально подходит для развертывания на его территории анимационных и образовательных программ, особенно в летнее, каникулярное, время, когда музей посещает наибольшее количество гостей.

Вниманию гостей города и туристических групп МУК «Музей истории Усть-Медведицкого казачества» представляет также 4 выставки по темам:

– «Усть-медведицкие казаки в конце XIX и начале XX века». Выставке отведено 2 зала, где размещены уникальные экспонаты, относящиеся к указанному периоду в истории казачества: предметы быта, мебель, одежда казака и казачки, фотографии, церковная утварь и т. д.

– «Зал Воинской Славы» – в нем размещена выставка «Отсюда начиналась Победа» – Серафимовичский плацдарм: август 1942 – февраль 1943 гг. Вниманию гостей в этом зале представлены материалы, связанные с историей Великой Отечественной войны в казачьем крае: документы, оружие, фотографии, карты, одежда, награды. Перечисленные экспонаты свидетельствуют о героическом прошлом Усть-Медведицких казаков, отстаивавших свою землю, согласно кодексу казачьей чести;

– «Природа родного края» – еще одна выставка, связанная с историей края. На стационарной выставке представлены работы таксодермистов (чучела птиц и животных, обитающих в районе), археологические находки (золотоордынские монеты, черепки керамики времен Золотой Орды, найденные археологами на раскопках средневековых поселений), окаменевшие отпечатки древних рыб на песчанике.

Посетителям и гостям музея истории Усть-Медведицкого казачества предоставляется несколько программ встречи гостей с участием народного театра казачьей песни «Донцы»:

- «Поклон от Тихого Дона» (без дегустации казачьей кухни);
- «На Дону гостям мы рады» (с дегустацией блюд традиционной казачьей кухни);
- «Слава Богу, что мы казаки» (с проведением обряда приобщения к казачьим традициям).

Сотрудники музея совместно с участниками народного театра «Донцы» проводят в музее часть традиционного казачьего свадебного обряда «Казачьему роду нет переводу», используя этот вид работы с целью пропаганды и сохранения старых обрядов на Дону.

Гостям города и туристическим группам также могут быть представлены несколько экскурсионных маршрутов по городу Серафимович:

– «Исторические места ст. Усть-Медведицкой». В ходе экскурсии гости знакомятся с историей казачьей станицы, осматривают ее достопримечательности, знакомятся с памятниками архитектуры, осматривают Задонье с высокого правого берега;

– «Дон православный» – маршрут предусматривает посещение церквей ст. Усть-Медведицкой (г. Серафимович), памятных мест, связанных с православием, посещение могилы провидицы Матушки Раисы на городском кладбище, куда совершается паломничество за чудом исцеления. В маршрут входит доставка туристов до стен Спасо-Преображенского женского монастыря с подробным рассказом о его истории. В стенах монастыря экскурсии проводят только послушницы и монахини;

– «Казачий край и Гражданская война» предусматривает обязательное посещение горы Пирамиды и Креста Примирения на ее вершине. Маршрут предполагает и обязательное посещение памятника красногвардейцам, порубленными белоказаками. В маршрут входит показ объектов, связанных с историей Гражданской войны в самом городе. (Тюремный замок, майдан, дом командарма II Конной Армии Ф. К. Миронова и др. объекты);

– «Отсюда начиналась Победа» – маршрут включает показ всех объектов, связанных с Великой Отечественной войной в крае и особенно посещение высоты 220, т. е. Чепелева Кургана, находящегося в окрестностях ст. Усть-Хоперской. В маршрут включен рассказ о Долине Смерти (между х. Затонский и х. Б.-Поповский), о подвиге казака Аверьянова, повторившего в х. Хованском подвиг А. Матросова и посещение братской могилы погибших солдат в боях за г. Серафимович в августе 1942 г.

3. Казачий музей Чернышковского муниципального района. Он открыл свои двери для посетителей 25 июня 1993 г. Известность о нем давно шагнула за пределы района, и с момента открытия его посетило более 100 тысяч чернышковцев, жителей соседних районов, а также ближнего и дальнего зарубежья. Посетителей привлекает возможность прикосновения к богатейшей истории казаков бывшего Второго Донского округа Области Войска Донского, к казачьим реликвиям, воинским и обрядовым традициям. Экспозиция включает в себя археологическую коллекцию, документы, собрание графики, живописи, скульптуры, палеонтологические, этнографические и нумизматические материалы (монеты, награды, нагрудные знаки), редкие книги и т. д.

Наибольшей популярностью у посетителей – взрослых и детей, пользуется коллекция холодного и огнестрельного оружия, униформы и снаряжения. Часто мероприятия проходят на музейном «стрельбище», где реконструкторы-аниматоры показывают приемы обращения со стариным фитильным мушкетом (или ручницей): заряжение, запал фитиля и производство выстрела; стрельбы из рекурсивного русского конного лука; фланкировке казачьей шашкой и рубку лозы; метания казачьего дротика. Наибольшей популярностью у посетителей пользуется стрельба из лука. Директор музея М. Н. Луночкин встречает гостей в казачьем костюме XVII в. и знакомит посетителей с уникальными экспонатами своего собрания.

Еще один интересный этнографический музей существует в пос. Эльтон Палласовского района. Это центр национальных культур «Алтын-Нур» (в переводе с казахского – «Золотой верблюд»). Ядром центра стали две казахские юрты и русская изба, расположенные на территории дворового участка местного учителя Смагула Мунтаева. Одна из юрт – музей казахской культуры. Он познакомит Вас с культурой казахского народа, с его жизнью и обычаями, расскажет об истории и известных людях поселка.

Помимо увлекательной экскурсии, основатель музея С. Мунтаев, пригласит гостей примерить национальные казахские и русские костюмы, покажет их на двух очаровательных верблюдах Эльтоне и Эльтончике, а еще угостит национальными казахскими блюдами.

Подобными историко-этнографическими комплексами в ближайших регионах юга России являются, например, «Раздорский этнографический музей заповедник» казачьей культуры и этноархеологический комплекс «Затерянный мир» на Дону в окрестностях х. Пухляковского и ст. Раздорской в Ростовской области, декорации, реконструирующие части столицы «Золотой Орды» г. Сарай-Бату в Харабалинском районе Астраханской области [5, с. 90].

Возможно воспроизведение русского поселка из землянок рядом с территорией Водянского городища в Дубовском районе Волгоградской области, возникшего здесь в начале XIV в. как поселок русских пленников, бывшего, очевидно, первым русским поселением в Нижнем Поволжье. Первым опытом подобных реконструкций может считаться знаменитый Аркаим в Челябинской области, где воспроизведен так называемый «длинный дом» – коллективное жилище бронзового века. В настоящее время существуют (и уже частично реализуются) планы строительства «Нью-Аркаима» – точной модели древнего протогорода в натуральную величину.

На Царевском городище в Волгоградском Заволжье, известном как Сарай-Берке, для начала целесообразно строительство «юртового» города, а в перспективе и реконструкция фрагментов городских усадеб и интерьеров.

Конечно, все это потребует создания соответствующей инфраструктуры. Это, во-первых, возведение гостиничного комплекса (летом возможно размещение в тех же юртах); во-вторых, организация «ордынского» питания с соответствующим меню; в-третьих, это создание соответствующего блока аттракций, включающего, например, скачки, мероприятия образовательно-развлекательного характера («Прием у Великого хана») и т. п. При этом создателям подобной инфраструктуры есть на что опереться, т. к. история Золотой Орды почти полностью этнографична – в музеях имеются реконструкции одежды, предметов вооружения и т. д. Кроме того, ряд учреждений культуры, к примеру, Энгельсский районный музей в Саратовской области уже имеет опыт проведения подобных мероприятий.

Анализ и изучение подобного опыта других регионов, как в нашей стране, так и за рубежом, воплощение подобных проектов позволили бы не только привлечь большое количество туристов в регион, но и положительно решить проблему исследования и сохранения его культурного наследия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международная Хартия по народной архитектуре (Пловдивская Хартия) 1989 г. // Международно-правовые документы по вопросам культуры. СПб.: СПбГУП, 1996. – С. 251–254.
2. Богданова, С. В. Туризм с национальным лицом / С. В. Богданова // Турист. № 9, 2004. – С. 17.
3. Волгоградская область – 2001: научно-популярный альбом. Кн. 2. – Волгоград: ООО «Изд-во Волгоград», 2001. – 278 с.
4. Этномир. Букл. – М., 2013.
5. Наумов, И. Н. Об использовании краеведческих материалов Нижне-волжского края в преподавании истории / И. Н. Наумов // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 2 (129) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарные знания»; вып. 15). – С. 91–95.

УДК 316. 7

ББК С 5

*B. G. Бобровников¹, N. V. Дулина², Ю. Е. Игнатова³***БЕСПРИЗОРНИКИ СТАЛИНГРАДА: ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****Волгоградский государственный технический университет**E-mail: ¹bvladimirss@mail.ru, ²dulina@vstu.ru, ³julyije@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы социальной защиты беспризорников, детей-сирот, оставшихся без попечительства, в годы Великой Отечественной войны в г. Сталинграде и Сталинградской области, а также формы и методы преодоления детской преступности.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, дети-сироты, детские дома, социальная защита, Великая Отечественная война, Сталинградская область.

*V. G. Bobrovnikov, N. V. Dulina, U. E. Ignatova***HOMELESS CHILDREN OF STALINGRAD: QUESTIONS OF SOCIAL
PROTECTION OF CHILDREN IN YEARS TO THE GREAT PATRIOTIC WAR****Volgograd State Technical University**

In article analyzes the questions of social protection of homeless children, the orphan children who remained without guardianship in days of Great Patriotic war in Stalingrad and Stalingrad area, and also a form and methods of overcoming of children's crime are considered.

Keywords: homelessness, neglect, orphan children, orphanages, social protection, Great Patriotic War, Stalingrad region.

Изменение системы социальной защиты детей в современной России началось в 1991 году, а именно на начальном этапе переходного периода, последовавшего за советским периодом истории страны. Одной из основных характеристик периода «перестройки» стало обострение проблемы беспризорничества детей. Но по прежнему, спустя четверть века, научные публикации и их авторы констатируют, что проблематика беспризорничества и безнадзорничества остается актуальной и сегодня (см., напр., [8, 14, 18] и др.). История свидетельствует, что дети становятся «заложниками» социальной системы в периоды масштабных социально-политических кризисов, одним из которых и обозначен переход страны от одной социально-экономической системы к другой, и в постсоветский период в стране вновь актуальной стала проблема внедрения специализированной системы по оказанию социальной помощи наиболее незащищенным категориям населения, прежде всего, детям-сиротам (более подробно, см.: [7]).

Поиски решения любой проблемы (не только детей), с которой сталкивается социум, требуют обращения к собственному прошлому опыту, поскольку именно он уже подтвердил возможность сохранить целостность всей социальной системы. Полагая, что период Великой Отечественной войны (ВОВ), а также послевоенные годы, когда детская беспризорность и безнадзорность приобрела массовый и неконтролируемый характер, могут подсказать пути решения данной проблемы, мы решили обратиться к опыту тех лет в жизни нашего региона. Не только мы, но и другие авторы научных публикаций и докторских работ обращают внимание на то, что изучение опыта

преодоления проблем детской беспризорности и безнадзорности во время ВОВ актуально и для решения проблем современного общества (см., напр., [3, 5, 12, 13] и др.).

Не подлежит сомнению, что государственная политика в отношении детей существовала в истории России практически всегда, поскольку именно с детьми и подростками связывается будущее страны. Направления этой работы менялись в зависимости от роли государства, социально-политической ситуации в стране, степени вовлеченности общественности в разработку механизмов социальной защиты и поддержки детей, по разным причинам, оставшихся без родителей [2].

Первые исследования, посвященные изучению работы по организации социальной защиты детей в военный период (1941–1945 гг.), в отечественной науке появились уже во время ВОВ [11, с. 89]. Однако масштаб бедствия был настолько велик, что, как правило, исследователи обращались к региональному опыту реализации государственной политики в отношении беспризорников и безнадзорников, детей-сирот в военные годы, воспоминаниям самих участников событий (см., напр., [4, 6, 15, 19, 20] и др.). Справедливости ради заметим, что вопросы социальной политики и социальной защиты детства в годы войны не покидали поля зрения исследователей и в последующие годы, усиливаясь в связи с какими-либо явлениями и событиями в жизни страны, обостряющими данную проблематику.

Исследование вопросов социальной защиты беспризорников требует уточнения основных понятий. Так, например, сравнение понятий детской беспризорности и детской безнадзорности, представленных в научной литературе и словарных статьях, позволяет заметить, что в их содержании присутствует ряд общих признаков (см., напр., [10]). Как правило, беспризорность понимается как особое социальное положение несовершеннолетнего, характеризующееся:

- а) отсутствием постоянного места жительства, жилья для проживания (бездомностью);
- б) разрывом отношений с родителями (лицами, их заменяющими), родственниками, педагогами, воспитателями и другими лицами;
- в) отчуждением от всех институтов социализации личности детей и подростков (семьи, учебно-воспитательных, досуговых, медицинских и других учреждений), что влечет отсутствие семейного и государственного попечения, систематического воспитательного воздействия в результате утраты родителей, ухода из семьи, бегства из воспитательных учреждений и по другим причинам;
- г) незанятостью общественно полезным трудом (учбой, работой).

Кроме перечисленных выше, можно выделить и ряд дополнительных признаков беспризорности, к которым обычно относят отсутствие у детей и подростков определенных занятий, проживание в местах, не предназначенных для жилья, приобретение необходимых для жизни средств способами, нарушающими правовые либо другие социальные нормы [16, с. 58].

Безнадзорными принято определять тех детей и подростков, контроль за поведением которых отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц. Без сомнения, беспризорность и безнадзорность – это два сообщающихся сосуда в жизни общества, масштаб которых обычно возрастает, как мы уже упоминали выше, под воздействием природных (неурожай, стихийные бедствия) и социальных (революции, войны) потрясений. При этом беспризорность и безнадзорность могут быть как сопутствующими явлениями, так и самостоятельными. Однако «лагерь» беспризорников в большей степени пополняет свои ряды за счет безнадзорников, чем наоборот. А вот беспризорность, как свидетельствует практика, является существенным криминогенным фактором, а потому уже вызывает серьезную обеспокоенность общества.

Как мы уже упоминали выше, Великая Отечественная война, а также вытекающие из условий военного времени особенности политического, социально-экономического развития страны привели к обострению проблемы беспризорности и безнадзорности. С первых же дней войны власть вынуждена была проводить активные мероприятия, направленные на помочь детям, оставшимся без родителей [9, с. 56]. Принятые меры в целом решили проблему детской беспризорности за счет кратного увеличения количества детских домов и школ-интернатов, которых, как отмечает А. Н. Варехина, «до начала Великой Отечественной войны ... в РСФСР насчитывалось 1347, а контингент составлял 155 751 детей. В результате 250 %-ного роста к 1 января 1943 г. только в системе Наркомпроса РСФСР насчитывалось 3000 детских домов с контингентом порядка 500 тыс. детей. Всего к 1943 г. в СССР функционировало 4370 детских домов, в которых находилось 688 750

воспитанников. В январе 1945 г. детских домов общего типа было 3124, в освобожденных районах появилось 129 специальных детдомов. Не остались без внимания и дети с ограниченными возможностями: для умственно отсталых детей было организовано 52 специальных учреждения, для незрячих и глухонемых детей – 193 учреждения. Детские дома принадлежали различным ведомствам – Народному комиссариату просвещения, Народному комиссариату внутренних дел, Народному комиссариату социального обеспечения и Наркомздраву РСФСР [3, с. 32–33]. От себя заметим, что большая часть воспитанников находилась в детских домах, подведомственных Наркомпросу РСФСР. И далее А. Н. Варехина пишет: «В 1941 г. с захваченных врагом территорий было эвакуировано в тыл страны более 800 детских учреждений с 90 тыс. воспитанниками» [3, с. 33].

Значительная часть детских учреждений в условиях военного времени эвакуировалась на Урал. Прибывали «детские эшелоны» и в Сталинградскую область, поскольку город был отнесен к первой группе населенных пунктов по приему эвакуированных и раненых. Так, например, если до 1 октября 1941 г. в Сталинградской области находилось 27 детских домов, то в справке «О состоянии детских домов для эвакуированных детей» от 13 октября 1941 г. говорится о прибытии еще 59 детских домов, в которых находилось 8821 тысяч детей. Всего в детских домах пребывало 11178 человек [25]. Прибывающих детей надо было одеть, обуть, накормить, решить вопросы их трудоустройства, обучения профессии, ремеслу. В 16 детских домах, как отмечалось в справке, имелось 36 различных мастерских, а с августа 1941 г. трудоустроено было 654 воспитанника. В ремесленные училища направлены 363 человека, ФЗО – 16, на другие предприятия 275 подростков [27].

Вполне ожидаемо, что во время ВОВ вся работа по руководству процессом социальной защиты детей принадлежала в первую очередь партийным и советским организациям, что позволяет на основе анализа сохранившихся документов восстановить отдельные страницы истории этого периода. Так, например, анализ протоколов заседаний бюро Сталинградского обкома ВКП(б) с 1941 по 1945 гг. показывает, что вопросы усиления внимания и заботы о детях обсуждались на них регулярно. В ходе обсуждений выделялись различные проблемы, намечались пути устранения недостатков, промахов, разгильдяйства, и даже ходатайств перед прокуратурой о возбуждении уголовных дел.

Уже 29 августа 1941 г. на очередном заседании выступил А. С. Чуянов (на тот период – Первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП (б)) с докладом «О состоянии вновь организованных детских домов для эвакуированных» [21]. Спустя всего четыре месяца, 20 декабря 1941 г., слушался доклад М. А. Водолагина (на тот период – секретарь Сталинградского обкома ВКП (б) по пропаганде и агитации) «О состоянии работы школ и о мерах по ликвидации детской безнадзорности и беспризорности» [24]. 16 марта 1942 г. был заслушан отчет Н. С. Агринского (на тот период – заведующий ОблОНО г. Сталинграда) «О выполнении постановления бюро Обкома ВКП (б) и исполнкома Облсовета от 10.11.1941 г. «Об усилении внимания к детям» [28].

Большое количество эвакуированных детских учреждений негативно сказалось (а в силу масштабов и не могло не сказаться!) на всех сферах жизни детских домов региона, на материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении прибывших детей, их обучении и воспитании. Как следствие – появление отдельного распоряжения СНК СССР от 23.01.1942 г. № 1092-РС о привлечении к ответственности виновных в бездушном отношении к детям в Оранжерейском, Икрянском и других районах Сталинградской области. 30 января 1942 г. по этому постановлению было проведено заседание Сталинградского бюро обкома ВКП(б), где констатировалось, что наблюдались заболевания детей на почве недоедания в Оранжерейском и Камышинском детских домах; факты обморожения детей в Володарском и Камызянском районах из-за отсутствия топлива; в Кагановичском детском доме нет помещения, топлива, бани. Сняты с работы и отданы под суд председатели райисполкомов и района [22].

Столь строгие меры в условиях военного времени лишний раз убеждают в том, что большинство детских домов, мягко говоря, испытывали серьезные трудности. Одну из важнейших причин этого обозначает А. Н. Варехина: «Не способствовал улучшению материально-бытового положения детей и тот факт, что согласно постановлению СНК СССР обувь и одежду воспитанникам должны были выделять исполкомы СНК из местных фондов. На местах финансовых средств в большинстве случаев просто не хватало, поэтому на протяжении всего военного времени детские дома испытывали острый дефицит в промышленных товарах. Серьезные проблемы возникли у эвакуированных детских домов и их воспитанников зимой 1941–1942 гг.» [3, с. 35]. Такая ситуация объясняется достаточно легко. К долгой, затяжной войне никто не был готов, эвакуация проходила

спешно, началась теплой осенью, основная масса детей уехала в легкой летне-осенней одежде, даже не взяв с собой теплую одежду. Состояние эвакуированных детских учреждений существенно осложнялось нехваткой элементарных бытовых предметов: кухонной посуды, столов, стульев, кроватей. В наиболее тяжелых случаях детские дома не имели даже предметов повседневного обихода, испытывали острую нужду в постельных принадлежностях, белье, обуви. Не случайно в справке по Сталинградской области «О состоянии детских домов для эвакуированных детей» от 13 октября 1941 г. записано, что партийным руководством области были намечены меры по снабжению детей обмундированием, питанием и санитарно-гигиеническими мероприятиями. На два миллиона рублей было закуплено 6500 шт. пальто, костюмов – 4500, обуви – 7000, валенок – 2000, а также учебная литература на украинском, испанском и русских языках, продукты питания [26].

Почему закупалась литература на испанском языке? Потому что в Сталинградской области находились детские дома, которые принимали детей из Испании. Эти дома были в городах: Дубовке, Ленинске, Серафимовиче, Рудне. Так, в г. Ленинске детский дом содержал на государственном обеспечении в 1942 г. 136 детей. Вопрос об улучшении положения испанских детей выносился отдельно на заседании бюро ВКПб 14 мая 1942 г. Его было решено перевезти в Арчединскую станицу и создать там подсобное хозяйство, чтобы «полностью обеспечить овощами и молочными продуктами» [29].

В условиях жесткого дефицита промышленных товаров и продовольствия одним из способов преодоления сложной ситуации стала помочь детским домам со стороны местных жителей, которые и сами находились в тяжелейших условиях [17]. Кроме того, были намечены меры: усиление мероприятий по сбору вещей для эвакуированных детей, открытие в каждом районном центре специальных детских столовых, а комсомольским организациям взять шефство над ними; обеспечить детские дома из «столовых фондовых продуктов питания»; отсеивать случайно попавших людей в детские учреждения. Намечалось в течение февраля 1942 г. обеспечить шефством колхозов, предприятий и учреждений над детскими домами и детскими учреждениями; расширить сеть молочных кухонь для питания детей раннего возраста; привлекать к «строгой государственной ответственности виновных» [23]. На заседании Сталинградского бюро обкома ВКП(б) (30.01.1942 г.) была поставлена важнейшая задача военного времени «обеспечение детей, особенно из эвакуированных, всем необходимым с тем, чтобы дети как можно легче переносили трудности войны» [23].

А трудности были, и не только у детей, и не только у эвакуированных, но и у всего города. «Уже с января 1942 г. усиливается авиационная разведка противника. В эти дни был сбит первый самолет, который был выставлен для обозрения жителям на площади Павших борцов. В ночь на 23 апреля немецкая авиация проводит первый налет на окраины Сталинграда. С этого времени сирены воздушной тревоги постоянно слышны над городом» [1, с. 2]. Что было потом, зафиксировали не только исторические документы и обвинение, предъявленное Нюрнбергскому трибуналу в 1945 году, но и вошло во все учебники по истории.

За январь 1943 г. патронировано, усыновлено и трудоустроено 238 детей и подростков. С 1 января по 15 апреля 1943 г. в детские дома было направлено 2000 детей. Недостатками этого периода являлись: недостаточное трудовое воспитание из-за отсутствия производственных мастерских; военно-физическая подготовка, т. к. не было инвентаря и оборудования; недостаточное питание детей в г. Сталинграде. Поэтому, заседание бюро Сталинградского обкома ВКП (б) постановило выделить из 25 000 пайков, выделенных постановлением ГКО от 4 апреля 1943 г. по усилению питания детей, 3000 пайков для детских домов [30].

«О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в освободившихся районах» – под таким заголовком 21 августа выходит постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, по которому в области должно быть организовано 10 специальных детских домов на 1500 человек и 7 специальных детских приемников-распределителей на 440 человек [31]. Поэтому 1943 год стал годом формирования специальных детских приемников-распределителей в Сталинградской области, которые находились в ведомстве УНКВД. С 8.04. по 20.12.1943 г. через эти распределители поступило 2009 детей и выбыло в детские дома и другие учреждения 1925 человек. Приемники распределители функционировали в г. Сталинграде на 100 чел., в Камышине, Нижнем Чире, Михайловке и Юрьевинске на 50 человек [33, 36]. 27 августа 1943 г. постановлением Исполкома Областного Совета организуется в г. Калаче Дом ребенка [34].

1943 год – это начало создания специализированных детских домов, в которые принимаются исключительно дети фронтовиков, расстрелянных и убитых родителей. Так, в областном Арчединском детском доме находились дети «героических защитников Сталинграда, как погибших в боях, так и находящихся на фронтах Отечественной войны», – запишет в отчете инструктор отдела школ и вузов обкома ВКП(б) Семенова. Инструктор фиксирует, что этот детский дом был сформирован в январе 1943 г. Дети были собраны из блиндажей и землянок Сталинграда, которые прибыли 16 марта 1943 г. Дети были чрезвычайно истощены, завшивлены, многие из них имели серьезные ранения от осколков снарядов и бомб, болели цингой, а 16 человек болели свиным тифом. Двенадцатилетняя Лена Тер ослепла от воздушной волны, глухонемой Витя восьми лет не знает ни имени, ни фамилии, ни места нахождения родителей. Десятилетняя Груня имеет дефекты в умственном развитии, четырехлетняя Галя совершенно не ходит из-за английской болезни.

Всего из Сталинграда, – продолжает Семенова, – поступило свыше 200 детей. У 147 из них родители погибли в период обороны города, в том числе у 77 детей матери убиты и расстреляны немцами. У 46 детей отцы сражаются на фронте, у остальных детей родители пропали без вести [35].

Удивительно не то, что все эти дети были истощены, завшивлены и т. д. Чудом можно считать то, что эти дети вообще были. Ведь, согласно данным переписи 1939 года, в Сталинграде проживало 490 тыс. человек. К лету сорок второго к ним добавились не менее 440 тыс. эвакуированных. До трагических событий августа город сумели покинуть около 100 тыс. человек. Оставшиеся люди были фактически заперты в городе. Спасали заблаговременно архивы, наиболее ценное оборудование заводов, вывозили десятки тысяч вагонов хлеба и весь лом цветных металлов. Переправы с 27 июля использовались «только для переправы скота». В зону уличных боев в оккупацию попала значительная часть сталинградцев [1, с. 4].

Далее М. А. Амелина пишет: «Смертность сталинградцев, находившихся в «котле» вместе с агонизировавшей 6-й немецкой армией, в условиях сильных морозов лишенных убежищ, продуктов питания и теплой одежды, была почти в два раза выше, чем в блокадном Ленинграде. В феврале 1943 года, сразу же после окончания битвы, был проведен учет населения Сталинграда. В Ермановском районе было зарегистрировано лишь 32 жителя: 20 взрослых и 12 детей. В северной части города, объединяющей Тракторозаводский и Краснооктябрьский районы – 200 жителей. Таким образом, в шести районах города осталось 10181 человек» [1, с. 7].

По Нижне-Чирскому специализированному детскому дому, образованному в сентябре 1943 г соотношение принятых детей следующее: на 10.12.1943 в нем находилось 96 детей. Из них, дети фронтовиков – 72 чел.; расстрелянных и убитых – 8; у 5 чел. умерли родители; у 9 чел. – родители потеряны; у двоих детей родители арестованы. По национальности: русских – 88 чел., украинцев – 3, евреев – 2, калмыков – 3 [37]. И рядом другие страшные цифры: во время оккупации станицы Нижнечирской фашисты расстреляли 47 воспитанников детского дома в возрасте от 2 до 12 лет [1, с. 6].

На фоне всех этих цифр, приведенных выше, уже становится не понятно, как относиться к распоряжению СНК СССР за № 7950-Р (12 апреля 1944 г.) о расширении сети специализированных детских домов. Понятно, что это вынужденная мера и необходимость со стороны власти, но что в большей степени – обуза для населения или забота? В Сталинградской области увеличивается их количество, куда планировалось принять еще 1100 детей. Открываются специализированные детские дома в Новоаннинском, Березовском, Руднянском районах, в станице Филоновской и г. Сталинграде. Отбор детей в специализированные детские дома должен производиться областной Комиссией под председательством секретаря обкома тов. Бабкина.

Из отчета зав. отделом школ и вузов Сталинградского обкома ВКП (б) А. Алексеенко следует, что в феврале 1944 г. направлено в детские дома 244 человека, в трудколонии – 3 чел., в ремесленные училища – 15 чел., ФЗО – 12 чел. В детских приемниках–распределителях находятся 176 детей, которые поступили из Сталинградской, Ростовской, Ленинградской, Одесской, Днепропетровской, Ворошиловоградской, Молотовской и других областей [33].

Из справки, направленной в Совнарком на имя В. М. Молотова от председателя Облисполкома М. Зименкова и Секретаря обкома ВКП(б) А. Чуянова значится, что «на 31 марта 1944 г. в Сталинградской области находятся уже 8 специализированных детских домов с 1150 человек детей. Приток заявлений из районов области об устройстве детей воинов Красной Армии продолжается» [32].

Что важно, на наш взгляд. Несмотря на весь ужас войны, огромные людские потери (в том числе и мирного населения) в ходе Сталинградской битвы, забота о детях, и формальная, и нефор-

мальная, была повсеместной и повседневной. Можно констатировать, что за период войны на территории Сталинградской области был накопленный опыт по созданию и организации учреждений по социализации детей, попавших в очень трудную жизненную ситуацию. Пожелавшие от времени страницы документов убеждают, что была проведена трудовая подготовка детей, организовано трудоустройство воспитанников в промышленности и сельском хозяйстве. Социум принял оставшихся без родителей детей: активно проводилась кампания по усыновлению детей, переводу их на патронат, и т. д. Недостатки были, и очень серьезные, о чем также свидетельствуют документы. Но, как нам представляется, это был опыт успешного взаимодействия власти и общества в решении широкого спектра вопросов, касающихся преодоления последствий войны и поддержки детей, потерявших родителей. Без сомнения, сегодня в стране действуют другие причины, обостряющие проблемы социального сиротства, но основные направления работы по их преодолению прежние. Среди этих направлений деятельности мы бы в первую очередь обратили внимание на необходимость профилактика сиротства. Только через взаимодействие власти и общества может привести к успеху в деле социальной защиты детей, к тому, что в обществе не останется «ничейных» детей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амелина, М. А. «Неоцененная трагедия». Гражданское население в Сталинградской битве / М. А. Амелина. – Волгоград: ВМУК «Централизованная система городских библиотек», Библиотека-филиал № 4 им. Ю. В. Бондарева, Информационный центр «Патриот Отечества». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volglib.ru/files/Tragedia.pdf>.
2. Бобровников, В. Г., Дулина, Н. В., Игнатова, Ю. Е. Практика решения проблем беспризорности и безнадзорности детей в истории России / В. Г. Бобровников, Н. В. Дулина, Ю. Е. Игнатова // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В. А. Мансуров отв. редактор, Губанова Е. А., Ермолаева Ю. В. Иванова Е. Ю., Колосова Е. А., Майорова-Щеглова С. Н., Павлов П. Ю., Стрельцова И. А.– Москва: РОС, 2014 г. – С. 75–84.
3. Варехина, А. Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Варехина // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4. – С. 32–39.
4. Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы / авт.-сост. Ю. В. Кулешова. – Волгоград: Издатель, 2008. – 152 с.
5. Гусак В. А. Милиция в системе органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В. А. Гусак // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 9. – С. 81–86.
6. Дети Сталинграда: Воспоминания. – Волгоград: Комитет по печати и информации, 1998. – 152 с.
7. Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Сиротинка, поди на чужбинку... (или об отношении населения к беспризорности и безнадзорности детей и подростков в России) / Н. В. Дулина, Ю. Е. Игнатова // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации» / Ред. коллегия: В. А. Мансуров отв. редактор, Губанова Е. А., Ермолаева Ю. В. Иванова Е. Ю., Колосова Е. А., Майорова-Щеглова С. Н., Павлов П. Ю., Стрельцова И. А.– Москва: РОС, 2014 г. – С. 643–652.
8. Дулина, Н. В., Игнатова, Ю. Е. «Социальное дно» мира детства в современном российском обществе / Н. В. Дулина, Ю. Е. Игнатова // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 5 (132) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – С. 47–51.
9. Ибрагимов, Е. В. Роль детских домов в решении проблемы детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на материалах Среднего Поволжья) / Е. В. Ибрагимов // Исторические, философские, олицетворенные и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2011. – № 3. Ч. 3. – С. 56–59.
10. Игнатова, Ю. Е., Дулина, Н. В. Беспрizорники большого города, какого роду-племени будете? / Ю. Е. Игнатова, Н. В. Дулина // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2014. – № 16 (143). Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». – С. 68–72.
11. Красноженова, Е. Е. Борьба с детской беспризорностью в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны / Е. Е. Красноженова // Вестник Удмуртского университета. – 2013. – № 1. – С. 89–93.
12. Лукьяненко, Н. Н. Проблема детской безнадзорности / Н. Н. Лукьяненко // Вестник инновационного евразийского университета. – 2014. – № 1. – С. 78–82.
13. Меркульева, В. С. Реализация государственной политики в отношении детей-сирот в Сталинградской области в 1943 – начале 1950-х гг. / В. С. Меркульева / Автореф. дисс... канд. истор. наук. – Волгоград. – 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/realizatsiya-gosudarstvennoi-politiki-v-otnoshenii-detei-sirot-v-stalingradskoi-oblasti-v-19>.
14. Муртазина, Г. Р. Беспризорность и детская преступность – наши беды / Г. Р. Муртазина // Проблемы защиты прав несовершеннолетних и профилактики правонарушений в молодежной среде. В 2 ч. Ч. 2: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Шадринск: ШГПИ, 2010. – С. 85–88.
15. Мы родом из войны: Дети военного Сталинграда вспоминают. – Волгоград: Издатель, 2004. – 144 с.
16. Нечаева, А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление / А. М. Нечаева // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 57–65.
17. Павлова, Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Т. А. Павлова. – Волгоград: Перемена, 2005. – 594 с.

18. Петрунина, Е.В. Детская беспризорность – социальная болезнь XXI века / Е. В. Петрунина// Актуальные проблемы правовой науки. Межвузовский сборник научных трудов. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2003. – Вып. 3. – С. 369–379.
19. Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодействий немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Сталинградской области: Документы / Под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград: Панорама, 2008. – 1360 с.
20. Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... / сост. Г. В. Егорова, Е. А. Соколова. – Волгоград: Издатель, 2012. – 136 с.

ИСТОЧНИКИ

21. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 7. Л. 610–611.
22. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 8. Л. 40–40 об.
23. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 8 л. 41.
24. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 8 л. 425–428.
25. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 13. Л. 28.
26. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 13. Л. 29.
27. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 13 л. 31.
28. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 60. Л. 207–208.
29. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 61. Л. 186.
30. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 5. Л. 75–76.
31. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 19. Л. 26.
32. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 19. Л. 130.
33. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 29. Л. 2.
34. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 248. Л. 1.
35. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 248. Л. 43.
36. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 248. Л. 78.
37. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 248. Л. 82 об.

УДК 008
ББК 71.084.5

И. Г. Селезнева, А. С. Сухова

РОЛЬ МИФОВ В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАЦИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ*

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: irinaselezneva@bk.ru

В данной работе была проанализирована концепция коммуникативной стратегии студенческой молодежи в контексте различных мифологизмов. Исследован мотивационный комплекс, структура и формы коммуникативной стратегии. В рамках данной статьи нами была проанализирована природа современных коммуникативных механизмов в студенческой среде. На материалах авторского исследования показана динамика различных мифов, их внутренняя структура и специфика в выборе коммуникационных механизмов, исследованы особенности стратегий поведения студенческой молодежи с учетом влияния различных факторов на внешние коммуникации, изучена видовая структура современных мифологизмов, степень их распространенности.

Ключевые слова: миф, легитимность, политическая власть, молодежная политика.

I. G. Selezneva, A. S. Suhova

THE ROLE OF MYTHS IN CONTEXT OF COMMUNICATIONS OF STUDENT'S YOUTH

Volgograd State Technical University

In this paper, there was analyzed the concept of the communicative strategy of student youth in the context of different mythologism. There were investigated the motivational complex, structure and shape of communication strategy. In this article we analyzed the nature of modern communication mechanisms among students. On materials of the author's research there was shown the dynamics of various myths, their internal structure and specificity in the choice of communication mechanisms; there were investigated peculiarities of behavior strategies of students with accounting of influence of various factors on external communications, there was studied the species structure of modern mythologism, the degree of their prevalence.

Keywords: myth, legitimacy, political power, youth policy.

© Селезнева И. Г., Сухова А. С., 2015

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ « Социально-политическая активность студенческой молодежи как основа гражданского общества» проект №14-13-34001а(р). Данная работа опирается на эмпирические данные – результаты стандартизованного интервью (N=642, выборка случайная многоступенчатая стратифицированная). Апрель 2015. В опросе участвовали студенты учебных заведений г. Волгограда.

История общества и политическая практика показывают, что миф является важным элементом человеческой и, особенно, политической деятельности. Рассмотрение данной проблематики актуально в связи с существованием вопросов о мофилогизации политической реальности, а также о способах трансформации и перспективах развития легитимации политической власти. В современном мире глобализации и информатизации в политическом пространстве раскрываются коммуникативные технологии взаимодействия власти и общества, в число которых включается миф.

Несмотря на тип и характер государства, политическая власть выступает важнейшим механизмом организации и управления всех сфер жизнедеятельности общества. Одной из главных проблем является самовоспроизведение и самосохранение политической власти. Решение этой проблемы полностью зависит от установленного существующего уровня ее легитимности.

Формой поддержки, оправданием правомерности действий политической власти является ее легитимность, которую не надо отождествлять с законностью. Процесс легитимации политической власти в обществе происходит «и как специфическая технология, которой власть способна конструировать отношения с объектным полем, опираясь, в случае необходимости, на политическое насилие»[13], которое в настоящее время может принимать различные формы.

По мнению П. Бергера и П. Лукмана, процесс легитимации может происходить как на первом уровне институализации, так и на втором. Но если на первом уровне – она необязательна, то на втором происходит объективное осмысление и субъективная значимость действительности [2]. Третий уровень содержит теории в чистом виде, что умаляет их практическое значение. Легитимация достигает относительной самостоятельности, а иногда приводит к формированию новых институциональных процессов, возвышающихся над первоначальными задачами. На четвертом уровне происходит формирование символического универсума, с помощью которого происходит легитимация; «целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума» [2].

Польский политолог Юзеф Гайда создал классификацию механизмов легитимации политической власти, где выделил:

1. Социопсихологические технологии, формирующие у индивида психологическую готовность признать правомочность деятельности институтов власти. Например, власть может внушить людям, что недостатки в ее функционировании объективны и потому следует «понять и простить», взамен обещая в будущем «скорейшего исправления положения».

2. Технологии легитимации, основанные на участии граждан. Предоставляя людям возможность участвовать в выборах, референдумах, создавать политические партии, власть формирует у людей чувство сопричастности в формировании и осуществлении политики.

3. Социотехнические технологии легитимации. С помощью этих механизмов у людей формируется политическое сознание, определенные политические взгляды, которые оправдывают деятельность существующих органов власти.

4. Технократические технологии легитимации, которые обеспечиваются эффективным формированием политической власти.

5. Легитимация посредством силы, когда власть прибегает к таким средствам, как принуждение, устрашение, запугивание и т.п.

6. Формирование легитимации с помощью чувства внешней или внутренней угрозы. Такой механизм легитимации достаточно распространенный. Ссылаясь на действительную или мнимую угрозу, власть объединяет людей вокруг себя, тем самым, упрочивая свое положение, отодвигая на второй план вопрос ее законности [7].

Все выше перечисленные механизмы можно отнести к рациональным, но существуют и иррациональные технологии, к которым можно отнести сакрализацию. По мнению А. А. Вилкова и Т. И. Захаровой сакрализация присуща человеку с рождения и носит биологическую природу. Авторы выделяют следующие элементы сакрализации: событие, обряд, ритуал, культ, миф[5].

Мифы изучались еще с древнего мира. Основателем в исследовании мифа в политической науке можно считать немецкого ученого Э. Кассирера. Он считает, что миф – это массовый психоз, появившийся из-за иррационального человеческого страха перед политическими кризисами, смешной власти, изменением политических ценностей и др. Политическая сила, способная управлять и извлекать выгоду из сложившихся мифов, приводит к господству мифа в политике. «Миф является эпическим элементом примитивной религиозной жизни; обряд есть драматический элемент. Мы должны начать с изучения последнего, чтобы понять первое»[10]. Таким образом, миф становится инструментом легитимации лидеров и средством пропаганды.

Американский психолог М. Эдельман выделяет особенность политических мифов как когнитивных карт, которые являются частью сознания и обеспечивают каждодневное восприятие событий и явлений и преобразования информации [8].

Британский политолог К. Флад делает вывод, что политический миф находится на стыке идеологии и священного мифа, а «мифотворчество происходит на фоне сложных, меняющихся отношений между требованиями к цельности, солидности мифа, его идеологическому наполнению и его восприятию конкретной аудиторией в конкретном историческом контексте»[14].

Таким образом, миф в настоящее время рассматривается не только как культурное явление, но и понимается как политический феномен, тесно связанный с политической идеологией.

Наиболее широкие возможности для анализа мифов, на наш взгляд, представляет социальный конструктивизм, который ориентируется на изучение того, как в разных социальных контекстах мифы конструируются и интерпретируются. Представителями этого направления являются Д. Белл, Л. Томпсон, П. Бергер, М. Елчинова, В. Полосин и др. Конструктивистский подход позволяет выявить эффективность мифов в конкретной политической ситуации, их адаптацию к изменениям, влиянию на стабильность и непрерывность политического процесса. Он акцентирует внимание на роли политических элит и лидеров, предлагающих мифы, которые, в свою очередь, являются инструментами мобилизации для группы и общества. Роль конкретных мифов меняется с изменением структуры отношений и коммуникации, результатом которых являются революции.

Л. Мутовкин выделяет девять основных видов политического мифа: мифы о заговоре, мифы о золотом веке, мифы о спасителе, мифы о единстве, мифы об индивидуализме и личном выборе, мифы о нейтралитете, мифы о неизменной природе человека, мифы об отсутствии социальных конфликтов, мифы о плюрализме СМИ [12].

Таким образом, миф, являясь технологией легитимации власти, несет в себе множество функций. Он становится инструментом построения гражданской идентичности, средством манипуляции сознанием и конструирует политическую культуру.

Следствием распада СССР и изменений в политической жизни страны произошли перемены в области общественного сознания российского общества, разрушение общественных ценностей, что повлекло за собой формирование и распространение социальных и политических мифов.

Одной из причин мифологизации политической власти в современной России является сложность общественно - политической жизни, разнообразие интересов и противоречий различных политических сил, а также пристрастное, заинтересованное отношение людей к политическим событиям, мешающее им объективно оценивать происходящее. Недостаточность и отсутствие достоверной информации о происходящих политических событиях и социальных процессах, получаемой через средства коммуникации часто не дает правдивой картины политической жизни, ограничивает мнение индивида лишь согласием его с одной из предложенных ему точек зрения. У большинства граждан России отсутствуют профессиональные знания о политической жизни, и нет необходимого политического опыта, что ведет к невозможности всем постоянно заниматься политикой и эффективно контролировать действия властей.

Как показывает социологическое исследование [9], почти 41% опрошенных молодых людей проявляют средний интерес к политике, а более 42% мало ею интересуются. Более того, интерес вызывает больше внутренняя политика государства (41,5%). Но участие в политической жизни выражается только в просмотре новостей и получении информации от знакомых (54,9%), в вступлении в дискуссии с родственниками и друзьями (20,1%). Принимают участие в деятельности общественно-политических организаций всего 1,25 опрошенных. Регулярное участие в выборах принимает всего 23,2% респондентов. 55,5% молодежи вообще не ходят на выборы.

Разрушение рациональных мотивов происходит в кризисных ситуациях для общества, появление новых мифов способствует становлению нового мира. Например, в настоящее время большую роль мифы играют в развитии представлений об образе России. В рамках мифологемы «Запад – Восток» отражаются множество проблем, связанных с историей России, ее современным состоянием, относящихся к конструированию и воздействию на идентичность.

И. М. Богдановская выделяет следующие факторы, обуславливающие появление новых образов и мифов в сознании российского общества: 1) территориальная целостность Российской Федерации и представление ее в качестве империи; 2) отсутствие единого общенационального менталитета из-за «этнического и социокультурного многообразия населения страны; 3) увеличение значения религий и религиозного сознания у жителей РФ; 4) компьютеризация и информатизация всех сфер человеческой деятельности, в том числе, политической [3]. Выделяет автор ряд факторов, характерных лишь

для молодежи: «обострение проблемы «жизненного старта»; угрозу разрыва преемственности поколений; отсутствие политического опыта, фрагментарность политической культуры, слабость институтов политической социализации; противоречивость политических взглядов и ориентации молодых людей; поиски эффективной, научно обоснованной государственной молодежной политики»[3. С.16].

Посягательство на основные политические мифы государства влечет за собой и посягательство на основы легитимности этого государства. Например, появление демократических мифов привело к крушению старых советских мифов, что пошатнуло легитимность государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барт Р. Миф сегодня / Р. Барт. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – С.102.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат о социологии знания / П. Бергер, П. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – С.58.
3. Богдановская И. М. Психологические механизмы трансформации традиционных мифологем в образе России современной молодежи / И. М. Богдановская // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. - №142. – С.15.
4. Вебер М. Политика как призвание или профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Политиздат, 2011. – С.111.
5. Вилков А. А., Захаров Т. И. Сакральные основания власти в политической жизни России. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2010. – С.26.
6. Владимир Путин: доверие, оценки, отношение. Левада-Центр. [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/27-03-2015/vladimir-putin-doverie-otsenki-otnoshenie>.
7. Гайда Ю. Процесс легитимации политической власти / Ю. Гайда // Элементы теории политики. – Ростов: 1991. – С. 403-427.
8. Edelman M. Myths, metaphors and political conformity/ M. Edelman // Psychiatry. – N. Y., 1967. – Vol.30. - №3. – С.217-228.
9. Исследование проводилось в рамках гранта РГНФ « Социально-политическая активность студенческой молодежи как основа гражданского общества» проект №14-13-34001а(р). Данная работа опирается на эмпирические данные – результаты стандартизованного интервью (N=642, выборка случайная многоступенчатая стратифицированная). Апрель 2015. В опросе участвовали студенты учебных заведений г. Волгограда.
10. Кассирер Э. Миф о государстве \ Э. Кассирер. – М.: наука, 2000. – С. 41.
11. Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика / Г. Д. Лассуэлл. – М.: Политиздат. – 2012. – С.57.
12. Мутовкин Л. А. Политически мифы в процессе манипуляции сознанием / Л. А. Мутовкин - [Электронный ресурс] URL: <http://www.promgups.com/blog/wp-content/uploads/2006/12/10.pdf>(дата обращения:11.11.2013).
13. Скиперских А. В. Механизмы легитимации власти на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 \ А. В. Скиперских.[Елецкий государственный университет] – Воронеж: 2007. – С.12.
14. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад. – М.: Прогресс- Традиция, 2004. – С.79.

ББК 86.372 5г(2) 87.815

УДК 76.01.09

E. Ш. Гуляева¹, Р. В. Ященко²

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

¹Волгоградский государственный медицинский университет

²Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ¹morozz2004@inbox.ru, ²roman-x69@mail.ru

Данная статья посвящена истории взаимоотношений российского общества и Православной Церкви в сфере медицины. Были проанализированы вопросы возникновения и развития монастырской медицины. Охарактеризована деятельность современной Православной Церкви и врачей в области медицины и области здравоохранения на примере различных форм активности в сфере благотворительности.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, культурно-исторический выбор, религиозная культура, медицина, благотворительность, монастырская культура, медицинская этика.

E. V. Gulieva¹, R. V. Yashchenko²

THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC MEDICINE

¹Volgograd State Medical University

²Volgograd State Technical University

This article is devoted to the history of relations between Russian society and the Orthodox Church in the field of medicine. Analyzed the issues of the origin and development of monastic medicine. Characterized the activities of the modern Orthodox Church and doctors in the field of medicine and health care on the example of various forms of activity in the field of charity.

Keywords: Russian Orthodox Church, cultural-historical choice, religious culture, medicine, charity, monastic culture, medical ethics.

Сегодня нет никаких сомнений в том, что крещение Руси было событием огромной исторической важности не только в политическом и социальном отношении, но и в культурном. По своей сути это событие представляло собой момент принципиального культурно-исторического выбора, который на столетия предопределил важнейшие черты русской культуры. Религиозная реформа затронула практически все сферы жизни общества, включая и медицину.

Централами новой религиозной культуры выступали монастыри. Из Византии вместе с христианством пришли на Русь и многие взгляды на врачебное дело, в частности, как на предмет ближайшего ведения и попечительства церкви. Из Византии в монастыри попадали многие лечебники и произведения античной медицины, в частности, сочинения древнеримского врача Галена. История сохранила имена подвижников-монахов, которые славились даром исцеления, как, например, Антоний Преподобный (основатель Киево-Печерского монастыря), Дамиан, Агапит Печерский, Пимен Постник и др. В монастыри поступали античные и раннесредневековые медицинские рукописи. На славянский язык их переводили монахи (монахами были летописцы Никон, Нестор и др.). Написанные на пергаменте, эти книги дошли до наших дней [2]. В процессе перевода рукописей с греческого и латыни монахи дополняли их своими знаниями, основанными на опыте русского народного врачевания. Одной из самых популярных книг XI в. был «Изборник Святослава» [5], в котором содержались медико-гигиенические сведения. Изборник Святослава можно право считать энциклопедией Древней Руси [1, с. 164-165].

Монастыри были организатором первых на Руси больниц. Хотя о точной дате открытия монастырских больниц говорить трудно, все же следует считать, что они появились в Древней Руси одновременно, по-видимому, с монастырями. Древнейшая на Руси монастырская больница при Киево-Печерской лавре пользовалась широкой известностью и всенародной славой. Со всей Руси в Киево-Печерскую лавру ходили раненые и больные заразными, нервными, психическими и другими заболеваниями, и многие находили там исцеление.

В «Киево-Печерском патерике» приводятся факты существования в монастыре вполне оформленной амбулаторно-больничной организации, которая восходила еще к временам Феодосия. «Около монастыря Феодосий устроил двор и церковь св. первомученика Стефана. Здесь всегда жило множество нищих, слепых, хромых, прокаженных, которые питались от монастыря, получая десятую часть из всего монастырского имения». Количество обращений больных достигало высоких цифр для того времени. В рассказе об Агипе-враче сказано: «мнози приношау к нему боляща» [4, с. 34].

Киево-Печерский патерик содержит первые конкретные сведения о врачебной этике на Руси в XI-XII вв.: «...лечец должен был быть образцом человеколюбия вплоть до самопожертвования и ради больного выполнять самые черные работы, быть терпимым и сердечным по отношению к нему, делать все, что в его силах для излечения больного и не заботиться о личном обогащении и профессиональном тщеславии» [4, с. 140]. В этот период русской истории лечцы – монахи пользовались большим уважением. Многие из них впоследствии были канонизированы православной церковью.

Древнерусские монастырские больницы были также очагами просвещения: в них обучали медицине, собирали греческие и византийские рукописи. В процессе перевода текстов с греческого и латыни монахи дополняли их своими знаниями, основанными на опыте русского народного врачевания. Н.М. Карамзин отмечает, что «монахи старались узнавать силу целебных трав и часто успехами своими возбуждали зависть в лекарях чужеземных» [3, с. 131].

В последующие эпохи роль Русской Православной Церкви в развитии медицины и социальной защиты населения заключалась в оказании медицинской помощи больным, в сохранении медицинских знаний, широкой просветительской, социальной и благотворительной деятельности монастырей, организации различных учреждений медико-социальной и педагогической направленности, сестричеств и братств милосердия, обществ трезвости.

В XX веке, в связи с изменением всей социальной структуры жизни общества, особенно в политической сфере, традиции монастырской медицины были прерваны. Восстановление их стало возможным лишь после крушения режима. С конца 1980-х гг. в нашей стране началось постепенное возвращение Церкви в сферу благотворительности и медико-социального служения, активизировался процесс сближения интересов Церкви и государства в охране здоровья народа. Основными правовыми документами в этой сфере явились «Основы законодательства об охране здо-

вья граждан в Российской Федерации» (1993) и «Соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения РФ и Русской Православной Церковью» (2003). Реализуются положения социальной концепции РПЦ, принятой Архиерейским собором (2000). Важность церковной миссии в сфере здравоохранения выражалась созданием больничных храмов, церковных больниц, богоаделен. Увеличивается число монастырей, занимающихся социальной деятельностью, организуются сестричества и братства, душепопечительские центры [7].

Во многом возвращение монастырской медицины можно объяснить катастрофическим положением в области здравоохранения. Многие исследователи считают, что система медицинского обслуживания населения (Щепин В.О., 1999, Власов В.В., 2000, Решетников А.В., 2001) была не в состоянии эффективно функционировать в сложившихся условиях.

Сегодня, несмотря на ряд позитивных изменений в системе здравоохранения, особую остроту приобрели нравственные проблемы медицины. В частности это проблема абортов, эвтаназии. Эти проблемы, безусловно, должны рассматриваться и решаться с учетом конфессиональной принадлежности медицинских работников и населения, с учетом мнения ведущих религиозных конфессий по основным проблемам биомедицинской этики. Православная Церковь всегда с большим уважением относилась к профессии врача, так как в ее основе лежат евангельские добродетели: любовь и служение близкому, предотвращение и облегчение человеческих страданий. Эти же принципы лежат в основе фундаментальных принципов медицинской этики. Ретроспективный взгляд на историю медицины подтверждает тесную связь религии, этики и врачевания.

Медико-социальная благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в настоящее время активно развивается. Сотрудничество православных организаций со здравоохранением дает позитивные результаты, в возрождении духовных традиций медицины, осознании взаимозависимости духовного и физического здоровья человека. За счет увеличения дополнительных финансовых, организационных и особенно человеческих ресурсов происходит формирование нравственно обоснованных позиций медицинских работников и населения по основным проблемам медицинской этики (биоэтики) направленного на создание здорового образа жизни населения и борьбу с распространением вредных привычек. Расширение социальной базы здравоохранения создает условия для привлечения широких слоев населения к решению вопросов здоровья и здравоохранения.

Сфера сотрудничества Церкви с населением и государства относится к концепции гражданского общества. Сегодня существует большое количество организаций, реализующих данную концепцию. Наиболее известными из них являются Общество православных врачей Москвы, учрежденное в 1995 году на базе Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова [6]. Основанием для создания общества было стремление врачей более тесно увязать свою повседневную профессиональную деятельность с православным вероучением. Деятельность общества осуществляется в контакте с Отделом по церковной благотворительности и социальному служению и священнослужителями, которые имеют высшее медицинское образование и в прошлом занимались врачебной практикой.

Научно-просветительское Общество православных врачей Санкт-Петербурга им. св. Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского было организовано в феврале 1999 г. по инициативе отдела благотворительности епархии и двух наиболее крупных сестричеств милосердия: Покровского и св. Татианы. Основателем и первым председателем общества стал настоятель больничного прихода св. великомученика и целителя Пантелеимона на ручье, ныне профессор, доктор медицинских наук, практикующий врач высшей категории, протоиерей Сергий Филимонов [6]. Созданию Общества предшествовала скрупулезная подготовка проекта Устава и положений о внутренней деятельности специально созданной рабочей группой. За основу был взят проект устава Московского общества 1998 г., который был переработан и утвержден на общем заседании врачей. Отличительной особенностью работы Общества является его практическая направленность, а именно оказание медицинской и пастирской помощи.

12 октября 2007 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий благословил деятельность Общества православных врачей России, присвоив ему имя святителя Луки, архиепископа Симферопольского, – исповедника и врача. Общество православных врачей России осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об общественных объединениях» [7], иным действующим законодательством Российской Федерации, руководствуясь общепризнанными принципами и нормами международного права

и собственным Уставом при уважении и соблюдении Устава Русской Православной Церкви. Целью Общества православных врачей России является объединение существующих и вновь возникающих региональных обществ православных врачей в единую организацию, главным направлением деятельности которой будет являться привнесение христианских ценностей в российскую медицину и улучшение качества здоровья граждан Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богоявленский, Н. А. Древнерусское врачевание в XI-XII вв. / Н. А. Богоявленский. – М.: Медгиз. 1960. – 323 с.
2. Кузьмин, М. К. История медицины / М. К. Кузьмин. – М.: Медицина, 1978. – 198 с.
3. Карамзин, Н. М. История государства Российского. Книга Первая Т.1 / Н. М. Карамзин. – М.: Книга, 1988. – 155 с.
4. Киево-Печерский патерик, или сказания о житии и подвигах Святых Угодников Киево-Печерской Лавры. – Киев, 1991. – «Лыбидь», 1991. – 255 с.
5. Изборник: Повести Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1986. – 447 с.
6. Общество православных врачей России [Электронный ресурс] – <http://www.opvr.ru/magazine.htm> (дата обращения 23.09.2015).
7. Общество православных врачей Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] – <http://www.opvspb.ru/index.php> (дата обращения 25.09.2015).

УДК 341.46
ББК 67.408

A. N. Леонтьев

ОСУЖДЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В РЕШЕНИЯХ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: leont@vstu.ru

В ходе проведения судебных процессов по окончании Второй мировой войны в Европе была дана правовая оценка и осуждена в приговорах промышленная политика нацистской Германии. Нюрнбергский трибунал и последовавшие за ним судебные процессы признали промышленников соучастниками преступлений гитлеровского политического режима. Владельцы и администраторы крупных промышленных предприятий в большинстве случаев были признаны соучастниками преступлений против человечества и понесли наказание. Так была определена ответственность бизнеса за действия условиях преступного политического режима.

Ключевые слова: промышленная политика, Нюрнбергский трибунал, политический режим, судебный прецедент.

A. N. Leontyev

CONDEMNATION OF INDUSTRIAL POLICY NAZI GERMANY IN THE DECISIONS OF THE NUremberg TRIBUNAL

Volgograd State Technical University

During the trials after the Second World War in Europe was given a legal assessment and condemned to sentences industrial policies of Nazi Germany. The Nuremberg Tribunal and the subsequent trials of industrialists recognized the crimes of Hitler's accomplices in the political regime. The owners and managers of large industrial enterprises, in most cases were found complicit in crimes against humanity and punished. So was determined the responsibility of business in the criminal political regime.

Keywords: industrial policy, the Nuremberg Tribunal, the political regime, the judicial precedent.

Характер и результаты промышленной политики в период нацистского режима в Германии выступили одним из оснований осуждения преступлений фашизма на Нюрнбергском процессе. В основной состав обвиняемых предполагалось ввести одного из крупных промышленников, который олицетворял собой участие германских монополий в гитлеровских планах. Таким человеком представлялся Густав Крупп фон Болен унд Хальбах. Его рассматривали как символ немецких промышленников, без которых Гитлер, возможно, не выполнил бы свою программу вооружения и развязывания мировой войны.

В правовой плоскости был поставлен и решен вопрос о соотношении экономики и политики, а именно являются ли крупные промышленники всего лишь жертвами политического режима или

все же соучастниками преступлений против человечества? Нюрнбергский трибунал и последовавшие за ним судебные процессы признали промышленников соучастниками преступлений гитлеровского режима. Тем самым была осуждена промышленная политика «Третьего рейха» в целом. Многие элементы в специфике функционирования промышленности являлись нарушением принципов гуманности, признанием в качестве высшей ценности человеческой личности и человеческой жизни.

По окончании Нюрнбергского трибунала по инициативе США в отношении промышленников процедура международного военного трибунала была заменена проведением четырех судебных процессов, три из которых полностью и один частично были посвящены рассмотрению обвинений в совершении преступлений, предъявленных сорока двум ведущим представителям германской промышленности и бизнеса. Около половины из числа обвиняемых являлись директорами или чиновниками ИГ Фарбениндустри, восемнадцать – владельцами и управляющими стальной и угольной империй Круппа и Флика и один – ведущим банкиром нацистской Германии.

Подсудимым из сферы промышленности были предъявлены обвинения в насильственной депортации иностранных граждан, использовании принудительного рабского труда военнопленных и узников концентрационных лагерей для работы на предприятиях, а также в захвате собственности и ресурсов на оккупированных Германией территориях. Руководители концерна Круппа и ИГ Фарбениндустри обвинялись также в инициировании, планировании и ведении агрессивной войны и подготовке заговора против мира. Троим подсудимым, сотрудникам концерна Флика, ставилось в вину участие в преследовании лиц еврейской национальности с целью присвоения их промышленной собственности [1, с.28].

По приговорам этих судов, максимальное наказание получил Альфрид Крупп, сын Густава Круппа, – двенадцать лет тюремного заключения. Большинство остальных получили реальные сроки, однако, не превышающие десяти лет. Несмотря на то, что некоторые из подсудимых были оправданы, в целом был сформирован судебный прецедент об ответственности промышленников по преступлениям человеконенавистнического политического режима, признав промышленную политику нацистской Германии преступной.

В 1939 г. Фашистская Германия начала войну, располагая модернизированной производственной системой при значительных запасах стратегического сырья. Реализация второго четырехлетнего плана в 1940 г. была непосредственно сосредоточено на расширении военного производства, чему способствовало значительное увеличение сырьевого потенциала за счет оккупированной территории. Следует уточнить, что «в 1939 г. на производство приходилось 9 %, а в 1940 и 1941 гг. – около 16 % всего промышленного производства». [2, с. 37]

Преступность действий, связанных с промышленным производством в период господства национал-социализма в Германии, были выявлены главными обвинителями государств-победителей во время работы Международного военного трибунала. Трибунал проходил в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. На его судебных заседаниях были рассмотрены обстоятельства преступлений против человечества, воплощенных в конкретных действиях, каждому из которых способствовала проводимая промышленная политика и, в том числе, отношение промышленного руководства к нацистскому политическому режиму.

Обвинения, в обобщенном целом, сводились к следующим пунктам.

Во-первых, произошел «захват власти и подчинение Германии полицайской государственной системе» [3, с. 298], с полным переплетением преступных идей нацистской партии с государственной политикой, во многом направленной на расширение производства вооружений и массовому привлечению к труду населения оккупированных территорий.

Во-вторых, осуществлялась «подготовка и ведение агрессивных войн»[3, с. 300]. Тем самым с момента захвата власти нацисты начали активно восстанавливать вооруженные силы. Разработка и производство вооружений стали основой целой серии необъявленных войн против народов, с которыми Германия имела договоры о ненападении.

В-третьих, ведение «войны вопреки нормам международного права» [3, с. 301], с активным применением произведенной продукции для достижения захватнических целей.

В-четвертых, «порабощение и ограбление населения оккупированных территорий» [3, с. 301], для получения сырья и различных ресурсов для дальнейшего расширения производства.

В частности, происходило насильственное привлечение на работу сотен тысяч людей. Это происходило на оккупированных землях с осуществлением вывоза этих рабочих в Германию, которые происходил без выдачи пищи и элементарных санитарных условий. Из документов Трибунала следует, что из числа вывезенных «около 2 миллионов было непосредственно занято в производстве вооружения и боеприпасов ... Директор паровозостроительного завода Круппа в Эссене жаловался руководству фирмы, что русские, находящиеся у них на принудительной работе, настолько недоедают, что слишком истощены, чтобы справиться со своей работой».[3, с. 302]

В-пятых, происходило «преследование и истребление евреев и христиан» [3, с. 303], что осуществлялось также в рамках насильственного привлечения к тяжелой работе узников концлагерей.

Рассматриваемые преступные деяния были это элементами общего преступного плана гитлеровского режима в виде организации и реализации заговора против международных принципов гуманизма. С получением власти происходит рост производства вооружения. Осуществляется включение промышленников в секретную программу перевооружения.

Начиная с 1942 г. происходит переворот в управлении промышленностью и организации ее деятельности. Это было связано с назначением на пост министра вооружений Альберта Шпеера, который начал сотрудничать в планировании и проведении в жизнь программы принудительной доставки военнопленных и иностранных рабочих для труда на промышленных предприятиях. Многие из рабочих погибли от истощения в процессе тяжелого труда.

Одним из оправданий подсудимых приводился довод о том, что войны не были агрессивными и велись они с целью защиты Германии от «угрозы коммунизма». Но этому противоречат следующие факты: 1) стремительное наращивание германских приготовлений к войне; 2) неоднократные публичные заявления главных нацистов о необходимости ведения войны; 3) проведена целая серия таких войн, когда германские силы первыми наносили удары.

Вопросами проведения перевооружения занимались многие подсудимые, и прежде всего, ключевые фигуры нацистской верхушки Г. Геринг, Я. Шахт, Э. Редер, В. Кейтель и А. Йодль, что проявлялось в регулировании производственными процессами и последующем использовании произведенных вооружений. Помимо этого подсудимый В. Функ, нацистский министр экономики и президент Рейхсбанка, также обеспечивал экономические условия для производства вооружения.

Необходимо указать на то, что за совершение преступлений в сфере реализации нацистской промышленной политики для ведения войны, к ответственности должны были быть привлечены именно конкретные люди, которые приняли непосредственное участие в создании тоталитарного политического режима.

В результате были выдвинуты следующие обвинительные положения: 1) действия подсудимых являются элементами преступного политического плана; 2) координация действий различных учреждений, во главе которых стояли эти люди, предполагает тесное сотрудничество между ними в целях осуществления их преступной политики; 3) подсудимые должны быть осуждены в связи с тем, что они проводили эту преступную политику.

В отношении первого положения руководство промышленностью было признано составной частью в общем курсе политики нацистского государства. По второму положению регулирование производством происходило при согласовании с другими направлениями преступного функционирования гитлеровского аппарата управления. И наконец, главные промышленники должны быть осуждены как участники реализации преступной политики в целом.

Главный обвинитель от СССР Роман Андреевич Руденко дал полную характеристику агрессивного заговора нацистского руководства и существования сложного развитого преступного сообщества. В состав данного сообщества вошли главы производственной системы. В частности, Г. Геринг создал специальный экономический штаб особого назначения «Ольденбург» для выполнения задач в области использования и разграбления советской промышленности и сельского хозяйства на оккупированных территориях в рамках реализации плана «Барбаросса».

В отношении подсудимых на основном процессе Нюрнбергского трибунала приводились факты в отношении расширения промышленного производства с целью реализации идей и политики нацистского режима. Обвинители со стороны союзных держав оценили деятельность Густава Круппа как одно из важнейших военных преступлений, так как он возглавлял одну из крупнейших фирм по выпуску вооружения и являлся членом имперского экономического совета. Он же был

«президентом ассоциации немецких промышленников».[4, с. 40] По причине того, что он уже не мог адекватно воспринимать окружающую действительность, что подтверждено медицинской экспертизой, Г. Крупп не был осужден.

Были признаны виновными по предъявляемым обвинениям и приговорены: «Германа Геринга – к смертной казни через повешение. Вильгельма Кейтеля - смертной казни через повешение. Вальтера Функа – к пожизненному тюремному заключению. Эриха Редера - к пожизненному тюремному заключению. Альфреда Йодля – к смертной казни через повешение. Альберта Шпеера – к тюремному заключению сроком на двадцать лет.»[2, с. 728] Я. Шахт, ушедший в отставку с поста рейхминистра в 1942 году, был признан невиновным. Однако позже, уже немецким судом по денацификации Я. Шахт был приговорен к восьми годам каторжных работ, за сотрудничество с нацистским политическим режимом. Но снова был оправдан и через полтора года освобожден.

Приговоры по итогам Нюрнбергского процесса упомянутым лицам из руководства нацистской государственной системой, в том числе промышленной системой, были вынесены на основании Устава Международного военного трибунала.[5] Устав был разработан специально для Нюрнбергского процесса и стал одним из значительных элементов становления современной системы международного права. В статье 6 Устава определяется, что подлежит уголовному преследованию и попадает под юрисдикцию Международного военного трибунала, в том числе: «порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения ... независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет» [5, 166] И далее в этой же статье: «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана» [5, 167].

Следует отметить, что недостаточно строгие приговоры не соответствовали масштабам уничтожения людей и преступлениям против человечности. они нисколько несопоставимы нанесенному материальному ущербу, который был нанесен оккупированным странам и странам-победителям во Второй мировой войне. Во многом это было вызвано усложнением отношений между СССР с одной стороны, и США, Великобританией и Францией – с другой. Обострение военно-политических противоречий вызвало необходимость сохранение производственной системы Германии для нужд вероятных будущих военных конфликтов между бывшими союзниками, для этого также были необходимы опытные руководители из сферы военного производства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богдашкин А.А. Дискуссия о судебных процессах над промышленниками третьего рейха в публицистике и историографии США второй половины 1945 – 1975 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12 (26). С. 27-35.
2. Звягинцев А.Г. Нюрнбергский процесс. Без грифа «Совершенно секретно». – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 800 с.
3. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8-ми т. Т. 8. – М.: Юрид. лит., 1999. – 792 с.
4. Дэвидсон Ю. Суд над нацистами / Пер. с англ. А. Коноплева, А. Жеребилова. – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.
5. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 165–172.

УДК 303.064
ББК 60.504

A. V. Одинцов

ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ РАЗНОРОДНЫХ БАЗ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ*

Волгоградский филиал РАНХиГС

E-mail: yugrasil@yandex.ru

Появление больших массивов данных, обновляющихся в реальном времени ('Big Data' или 'Huge Data'), стало вызовом для методов, которыми социология пользуется в данный момент. Статья посвящена анализу проблем реляционного объединения разнородных баз данных количественных социологических исследований (массовых опросов), решение которых позволит существенно повысить эвристические возможности социологии общественного мнения.

Ключевые слова: база данных, большие данные, опрос общественного мнения, реляционное объединение.

A. V. Odintsov

PROBLEMS OF DATA INTEGRATION OF HETEROGENEOUS SOCIOLOGICAL RESEARCH

Volgograd Branch of RANEPA

The appearance of large datasets updated in real time ('Big Data' or 'Huge Data') has made challenge for the methods of sociology used at the moment. The paper analyzes the problems of relational jog of disparate database of quantitative sociological studies (mass polls) which will presumably significantly improve the heuristic potential of sociology of public opinion.

Keywords: database, big data, opinion poll, relational data integration.

В настоящий момент науки об обществе сталкиваются со взрывным увеличением объемов данных как о больших социальных группах, так и отдельных людях. Во многом основной прирост происходит за счет регистрации многих социальных процессов, протекающих в информационном обществе. Этому, безусловно, способствует рост онлайн общения (особенно в социальных сетях), увеличение электронной коммерции, предоставление государственных и других услуг в электронной форме, появление онлайн банкинга и тому подобное. Накопление таких данных в большом количестве привело к появлению так называемых «больших данных» ('Big Data' или 'Huge Data'). Если раньше в силу своих объемов они являлись скорее проблемой, так как отнимали значительные серверные мощности, то в данный момент с широким распространением технологий машинного обучения ('Machinelearning') и кластерной (суперкомпьютерной) обработки массивов данных, они стали основой конкурентного преимущества ключевых игроков рынка.

Хотя в данный момент 'Big Data' используются, как правило, лишь для решения узких прикладных задач маркетинговых исследований, они подтвердили свой высокий эвристический потенциал. Именно особые характеристики современных 'Big Data' побудили ряд исследователей к новой классификации научного знания.

Так по отношению к работе с данными Хей Т., Тэнслей С., Толле К. выделяют четыре основные научные парадигмы [4]:

Парадигма	Природа	Форма	Период
Первая	Экспериментальная наука	Эмпиризм, описание естественных (природных) феноменов	Доренессансная
Вторая	Теоретическая наука	Моделирование и обобщение	Докомпьютерная
Третья	«Вычислительная наука»	Симулирование сложных феноменов	До 'Big Data'
Четвертая	«Разведывательная наука»	Статистическая разведка и 'data mining'	В настоящий момент

Первая парадигма была сконцентрирована на регистрации природных феноменов, а именно на том, как должна осуществляться процедура измерения (с помощью каких средств и шкал) и в каком виде должны храниться результаты регистрации. Используя термины элиминативной индукции Ф. Бэкона, можно сказать, что на данном этапе наука стремилась заполнить таблицы присут-

ствия признака. Социология во многом находится все еще на этой стадии, так как, несмотря на достаточный опыт организации научного наблюдения, до сих пор отсутствуют не только конвенциональные шкалы измерения, но даже их общая теория в социологии. Как правило, социолог конструирует шкалу под каждое исследование.

Вторая парадигма, построенная на обобщении данных, стала активно применять математический аппарат, позволявший связать единицы наблюдения в единое целое посредством законов. Эхом данной парадигмы в социологии стало применение статистических методов поиска закономерностей и подтверждения гипотез исследования.

Третья и четвертая парадигмы в полной мере развернулись только в более формализованных социальных науках (прежде, всего экономике). Парадигма, базирующаяся на больших данных, имеет крайне значимое для науки свойство – она все менее нуждается в гипотезах исследования.

Если вторая и третья парадигма строились на формализуемых (математизируемых) предположениях связи наблюдаваемых феноменов, которые могут быть проверены, по крайней мере, с помощью статистических критериев, то «большие данные» в силу объема и всеохватности позволяют находить закономерности с помощью статистических алгоритмов многократным перебором вариантов. Так куратор ежегодной конференции TED и основатель The Sapling Foundation К. Андерсон утверждает «Мы можем анализировать данные без гипотез, о том, что они могут показать. Мы можем поместить данные в самые крупные вычислительные кластеры, которые когда-либо видел мир, и пускай статистические алгоритмы ищут паттерны, которая наука найти не может» [2]. Если отбросить излишний пафос, «большие данные» позволяют существенно снизить вероятность выводов, к которому приходит наука, анализируя получаемые данные.

Сущностные характеристики «больших данных» условно можно разделить на базовые и дополнительные. Под базовыми характеристиками понимают, как правило «три В» ('3V' - volume, velocity and variety):

- «Огромные по объему, состоят из терабайтов и петабайтов данных;
- высокодинамичные, создаются в реальном времени или близком к нему;
- разнообразны в многообразии типов данных, будучи структурированы и неструктурированы по природе, часто связаны с временем и местом» [6, 100].

К дополнительным, но не менее важным характеристикам относят следующие характеристики:

- «исчерпывающие по своему охвату, стремясь захватить целые популяции (народы) или системы ($n=all$), или, по крайней мере, более крупные объем выборок, чем применяемые в традиционных, 'Small Data' исследованиях;
- состоящие из множества точек (fine-grained in resolution), нацеленные на максимальную детализацию, способные к однозначности в определении конкретных случаев;
- реляционные по своей природе, содержащие общие поля, которые позволяют объединять различные наборы данных;
- гибкие, содержащие способность к расширению (легко можно добавлять другие поля) и масштабируемые (быстро могут увеличивать объем)» [6, 101].

На данный момент базы социологических данных это классические 'Small Data' с присущими им характеристиками (ограниченные по объему, оперирующие не популяциями, а выборками; идентификация и реляционность низкие; медленная наполняемость; низкая гибкость и масштабируемость). Однако, они обладают очевидными положительными характеристиками:

- Длительность истории развития и применения в социологии;
- Отработанные методологии и модели анализа;
- Конкретность ответов на научные запросы исследователя;
- Способность концентрироваться на специфических случаях и их нюансах;
- Регистрация неквантифицируемых или сложноквантифицируемых характеристик (например, «толерантность», «склонность к протестному поведению»¹);
- Относительно низкая стоимость сбора, хранения и обработки данных (в сравнении с 'Big Data').

Вполне резонно С. Сойер отмечает, что использование традиционных или больших баз данных в конкретном научном проекте должен зависеть от того, какие критические вопросы поставлены

¹Впрочем, глубокие системы анализа больших данных (например, Big Query от Google) с высокой степенью вероятности могут определить указанные переменные как факторы или латентные переменные. Правда здесь автоматически появляется проблема интерпретации выявленных связей.

перед ним, ведь исследовательских стратегий, по существу, две: пытаться получить ответы на конкретные вопросы, либо пытаться взять случайные данные в надежде на то, что они содержат полезные данные [7].

Кроме того, отдельно стоит отметить положительный момент, связанный с одной слабостью «малых данных» в сопоставлении с «большими» - анонимность регистрации случаев. К неоспоримому плюсу использования социологических ‘Small Data’ для формирования реляционных, более крупных по объему баз является то, что перед ними не стает этической проблемы, связанной со сбором персональных данных, негласным и незамечаемым проникновением в личную жизнь человека. Отдельные исследователи вслед за манифестацией Э. Сноудена о слежке на основании «больших данных» утверждают, что «современное состояние больших данных для научного сообщества это все еще «Дикий Запад». Когда порядок и аналитическая строгость придут к границам новых данных, мы должны гарантировать, что истинная научная цель достигнута одновременно с защитой конфиденциальности» [5].

Оставив проблемы этичности сбора данных, анализ ‘Big Data’ обладает существенно большим эвристическим потенциалом в сравнении с исследованиями, основанными на стандартных для социологии базами данных. Казалось бы, ученые, исследующие общество должны со временем перейти именно к применению ‘Big Data’, но этому препятствуют два соображения. Во-первых, доступом к большим данным, а также к эффективным программным и техническим механизмам их анализа, обладают крупные политические и экономические игроки, но не исследовательские коллективы. Именно этот факт особенно остро ставит проблему цифрового неравенства в исследовательском сообществе. Во-вторых, огромное количество уже собранных и все еще собираемых социологией баз данных просто теряют всякое значение, хотя на их сбор наукой были значительные ресурсы. В рамках реализации гранта № 15-06-02758 коллектив исследователей предлагает попытку дать ответ на вызов социологии со стороны ‘Big Data’.

Нами предлагается создать на основе общей онтологии единую базу данных, объединяющую большое количество отдельных и разнородных баз данных социологических исследований. Это позволит собрать примерно сопоставимый с ‘Big Data’ объем данных на основании реляционного объединения распространенных в социологии ‘Small Data’. При достаточно устойчивых связях между базами данных в рамках единой базы будет возможно существенно повысить исследовательский потенциал каждого отдельного исследования. Предполагается, что при использовании в полученной базе технологий машинного обучения, можно будет получить знание, которое невыводимо из отдельных баз. Все это позволит существенно повысить эвристический и предсказательный потенциал ‘Small Data’, заметно снизив влияние ошибок на социологические исследования.

Социология, при всем многообразии методов, по крайней мере в рамках методологии количественных исследований уже повысить достоверность выводов, решая две группы проблем:

1. В области регистрации случаев наблюдения.
2. В области анализа данных.

Это легко обнаруживается в актуальных на данный момент исследованиях, посвященных повышению частоты сбора данных (CATI и CAPI технологии), а также сбору и обработке «больших данных». Первые нацелены повысить качество регистрации случаев исследования с моци независимой от интервьюера регистрации дополнительных данных, нежели в традиционных PAPI опросах (GPS/ГЛОНАСС-координаты, время и длительность проведения опроса, запись ответов интервьюера на аудио и т.д.). Это существенно затрудняет подтасовку данных со стороны интервьюера, снижает количество ошибок при заполнении открытых вопросов, а также заметно уменьшает ошибки ввода, не говоря о достаточном количестве новых метаданных. Разработкой этих тем в Институте социологии РАН успешно занимается Д.М. Рогозин.

В рамках «Big Data» проблема чистоты измерения решается гораздо более кардинально. Во-первых, большие данные собираются автоматизированным способом и регистрируют не ответы респондентов (как это бывает в опросах общественного мнения), а их поведение, как правило, независимо от воли объекта наблюдения. Это делает регистрацию переменных исследования существенно более «чистой», чем в тех же CATI и CAPI опросах. Во-вторых, за счет гигантского объема выборки регистрируемых случаев даются наиболее достоверные с точки зрения прогностического потенциала выводы. Во многом технологии «Big Data» связаны именно с анализом данных, направленным на поиск наиболее четких закономерностей. Однако в исследованиях общественно-

го мнения они все еще и в перспективе слабо применимы (причин много от разнотечений в методиках исследования общественного мнения, отсутствия единой теории шкал до банальной разницы объема выборки исследования и метода ее формирования).

В разрабатываемом проекте для выявления закономерностей в показателях общественного мнения предлагается воспользоваться реляционными базами данных, что позволит без проведения дополнительных эмпирических исследований получить базу данных по объему большие, чем имеющиеся на данный момент у социологов, изучающих общественное мнение. Такое объединение позволит преодолеть ограниченность баз данных отдельных исследований общественного мнения, открыв возможность сравнения их результатов, позволит исследовать ответы групп респондентов, которые в отдельных исследованиях выглядят как случайные [3] и в целом получить новые, не извлекаемые из отдельных баз данных результаты.

Однако прежде чем очертить круг проблем, связанных с таким объединением, необходимо понять основу преимуществ, которыми обладают «большие данные».

На данный момент в рамках объединения баз данных разнородных социологических исследований существуют две основные проблемы.

Первой является использование выборочного метода и анонимность данных опроса.

Выборочный метод и анонимность автоматически отменяют возможность четкой идентификации каждого регистрируемого в исследовании случая. Именно на возможности однозначной идентификации случая наблюдения строится возможность реляционности ‘Big Data’ и их быстрого расширения за счет новых переменных. В частных случаях массовых опросов таких проблем нет.

Не секрет, что отдельные исследовательские центры, занимающиеся сбором информации длительное время, пользуются базой «профессиональных респондентов», то есть тех, кого прежде успешно опрашивали. Особенно это распространено в практике колл-центров. В таком случае объединение баз данных исследований конкретного исполнителя возможно и по персональному идентификатору респондента (как правило, номеру сотового телефона) в полном соответствии с принципами построения «больших данных», что позволяет установить достаточно прочную связь между данными. Но эта практика изначально ограничена одним источником данных в виде конкретной организации-исполнителя. Кроме того, исследователи вполне могут столкнуться не только с нарушением требования случайности отбора респондентов, но и, в конечном итоге, с явлением близким к «эффекту панели», что существенно искажать получаемые данные.

В случае с полным выполнением требований случайности и анонимности выборки невозможно однозначно идентифицировать респондента (случай наблюдения). Образно говоря, в процессе сбора данных в социологии мы регистрируем не 1000 респондентов с их характеристиками, а 1000 наборов характеристик одной и той же совокупности – выборки. Мы лишены возможности однозначно определить конкретного респондента, но в случае сложных выборок можем корректно идентифицировать исследуемую совокупность. Здесь важным моментом является достижение высокой вероятности вывода о том, что мы действительно исследовали один и тот же объект, либо части одного и того же объекта.

Очевидными общими полями, на которых может быть основано объединение баз данных в количественных исследованиях, изначально могут быть объективные, несомненные характеристики выборочной совокупности – половые, возрастные, пространственные, временные и некоторые отдельные социальные характеристики. Эти характеристики наиболее важны, так как здесь используются шкалы, применяемые на основании консенсуса научного сообщества.

Объединение данных социологических исследований на первоначальном этапе может строится на перевешивании выборок по социально-демографическим характеристикам на основании характеристик генеральной совокупности. В случае уже имеющейся крупной базы социологических реляционно объединенных исследований вполне возможным являются определение новых, специальных шкал, созданных для усиления связей между исследованиями. Например, вполне возможно, что существуют достаточно устойчивые группы респондентов, которые демонстрируют однотипные (или предсказуемые) характеристики и не обнаруживаются при простом анализе ‘Small Data’. Именно их присутствие в выборке может стать еще одним дополнительным общим полем, что усилит взаимосвязь между разнородными базами данных. В перспективе применение данной ме-

тодики позволит стать альтернативой «мелкой зернистости» больших данных. Единицами наблюдения в указанном случае станут не индивиды, а группы респондентов.

Вторая проблема, связанная со спецификой измерения в социологии, это использование различных методов и шкал регистрации данных.

Реляционная база данных предполагает наличие единых полей, которые и являются основанием такого объединения. При этом эти единые поля в большинстве случаев должны представлять результаты измерения по количественным, либо порядковым шкалам. Не вдаваясь в подробности теории социологического измерения, следует отметить, что здесь используется распространенная в социологии классификации шкал С. Стивенса.

Очевидным и наиболее продуктивным возможным решением в этом случае является, конечно, появление единых правил применения шкал в социологических исследованиях. Но в силу плюралистичности социологического инструментария этот вариант является мало реализуемым. И, честно говоря, можно признать правоту Г.Г. Татаровой, которая указывает на то, что проблемы измерения незаслуженно игнорируемыми социологами [1], то есть серьезно этот вопрос даже не рассматривается профессиональным сообществом. Отсутствие перспектив появления конвенциональных правил применения шкал создает потребность в поиске других возможностей.

Прежде чем перейти к их описанию, необходимо сделать важное замечание. Мы исходим из того, что, несмотря на разные методики и методы, которые используют социологи при регистрации социальных феноменов, исследуют они одни и те же социальные объекты. То есть их результаты измерения принципиально сопоставимы.

Первая возможность объединения по общим полям (областям), которые есть в каждой отдельной базе данных - внедрение коэффициентов между используемыми шкалами. В общей базе данных, реляционно объединяющей прочие, конкретная шкала измерения некоего признака будет принята в качестве общего эквивалента. С прочими шкалами измерения аналогичного признака она будет связана определенной коэффициентом связи. В сущности, будет проведена операция аналогичная перевзвешиванию случаев в стандартных операциях SPSS, когда на основании отношения между значениями по одному измеренному признаку пропорционально изменяются значения иных признаков.

Так же, как и в случае с перевзвешиванием, применение этого механизма объединения заметно увеличит погрешность исследования. Кроме того, в полной мере применяться данный метод может быть только в отношении результатов измерения по шкалам высокого порядка (хотя бы ранговых), либо по общепринятым шкалам с наличием объективного эквивалента (например, измерение пола и возраста при наличии данных о структуре выборки и генеральной совокупности).

Основные проблемы объединения по общим полям (областям) возникают с так называемыми «номинальными шкалами». В социологической теории измерений их часто называют шкалами низкого уровня. В номинальной шкале мы имеем не числовое отношение к эталону (в традиционном физическом понимании шкалы), но простое числовое кодирование класса, к которому относится переменная. Здесь мы имеем не числа, а имена. В номинальных шкалах перевзвешивание возможно только в том случае, если есть предустановленное соотношение категорий (например, «сглаживание выборки» по полу, когда соотношение полов рассчитывается по пропорциям генеральной совокупности). В случае со сложными номинальными шкалами, в которых классов много и есть возможность отнесения случая к двум и более классам одного порядка (как бывает в случае множественных вопросов), такое объединение практически нереализуемо.

Второй возможностью является конструирование общих полей на основании использования нейронных сетей. В таком случае реляционная база будет генерировать некое общее поле, исходя из особого правила или группы правил, по аналогии с распознаванием объектов при помощи нейронных сетей. Это тоже самое перевзвешивание, но с более сложным механизмом реализации. Предполагается, что из большого объема данных простым перебором будет найдена устойчивая взаимосвязь нескольких переменных, которая и станет основанием для новой шкалы. У таким образом сконструированной шкалы может и не быть социологического смысла. Ее задача – построить максимально устойчивую взаимосвязь между значениями признака по разным шкалам и, в конечном итоге, базами данных. Здесь результаты измерения любых типов шкал будут соотноситься благодаря «опыту» сети, но также одна из шкал должна быть принята как исходная.

12-13 марта 2015 года на V социологической Грушинской конференции «Большая социология: расширение пространства данных» перед профессиональным сообществом в качестве актуального

был поставлен вопрос о ‘Big Data’. Что может сделать сложившаяся на данный момент социология с вызовом высоких прогностических способностей и доминированием поисковых алгоритмов над конфирмацией гипотез, или он ее вообще не касается? В настоящий момент практика показывает тенденцию к расширению цифрового пространства, в том числе за счет тех данных, которые раньше считались неквантифицируемыми. В этой ситуации более значимым исследовательским потенциалом будет обладать те, кто обладает большими данными, способен их интегрировать и обрабатывать. Социологам брошен вызов, на который они могут дать достойный ответ – интегрировать и без того производимые усилия для достижения большего результата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Татарова Г. Г. Математическая формализация в социологии: причины неуспешности и современные методологические вызовы// Теоретико-методологические проблемы естественнонаучных методов в гуманитарных науках: Материалы международной научно-практической конференции: сб. ст./ Под общ. ред. Р.Т. Насибуллина - Уфа: Издательство АТЕРНА, 2014. С. 17-28.
2. Anderson C (2008) The end of theory: The data deluge makes the scientific method obsolete. *Wired*, 23 June 2008. Available at: http://www.wired.com/science/discoveries/magazine/16-07/pb_theory (Accessed 24 November 2015)
3. Couldry, N. A necessary disenchantment: myth, agency and injustice in a digital world // *The Sociological Review*, 2014. 62 (4). pp. 880-897. DOI: 10.1111/1467-954X.12158
4. Hey T., Tansley S., Tolle K. Jim Grey on eScience: A transformed scientific method. In: Hey T, Tansley S and Tolle K (eds) *The Fourth Paradigm: Data-Intensive Scientific Discovery*. Redmond: Microsoft Research, 2009 pp. xvii–xxxi.
5. Lane J. Protecting Privacy and Confidentiality in an Era of Big Data Access// *Chance*. 2012. 25 (4): 39–41. <http://chance.amstat.org/2012/11/privacy25-4/>
6. Kitchin R. *The Data Revolution Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences*. Sage. 2014, 285 p.
7. Sawyer, S. ‘Data wealth, data poverty, science and cyberinfrastructure’, *Prometheus: Critical Studies in Innovation*, 26(4);, 2008, pp. 357-371

УДК 947 (470.44)

E. P. Воробьев¹, Р. В. Ященко²

ПОДЖОГИ В КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1861–1904 ГГ.

¹Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

²Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ¹vorobьев@bk.ru, ²roman-x69@mail.ru

В статье на основе архивных документов были выявлены причины и динамика поджогов, их исполнители. Проведенный анализ показал негативные аспекты крестьянских выступлений, которые наносили вред экономическому развитию деревни.

Ключевые слова: поджог, крестьянское движение, пореформенный период, революционная пропаганда, помещик.

E. P. Vorob'ev¹, R.V. Yashchenko²

ARSON IN THE PEASANT MOVEMENT OF THE LOWER VOLGA REGION IN 1861-1904

¹Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering

²Volgograd State Technical University

In the article on the basis of archival documents were the causes and dynamics of arson, their main performers. The analysis showed the negative aspects of peasant uprisings, which have harmed the economic development of the village.

Keywords: arson, peasants movement, post-reform period, revolutionary propaganda, landlord.

После отмены крепостного права крестьянское движение продолжало оставаться важным явлением российской действительности. Несмотря на то, что участие в выступлениях принимало меньшинство крестьян, они оказывали влияние на ситуацию в стране и политику правительства. Формы крестьянской борьбы приобретали насилиственный и разрушительный характер, что выражалось в росте числа поджогов.

После реформы 1861 г. меняется отношение к поджогам и возрастает их количество. Составители сборника документов «Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.» учитывали поджоги в хронике отдельно от других выступлений крестьян [15, с. 312–313]. При этом подсчеты производились на основе цифр официальных органов, старающихся зарегистрировать каждый случай. В сборнике указано 164 поджога в Саратовской губернии за 1901–1904 гг., но остается неясным крестьяне скольких селений участвовали в этих действиях.

Часть поджогов не фиксировалась, так как доказать, что возгорание произошло не случайно было сложно из-за нехватки улик. Конфликты в общине, пьянство, ревность также приводили к «зажигательству». О коллективном характере поджогов свидетельствует наличие общего мотива у крестьян определенного селения. Вот почему, нами проведен учет выступлений с использованием поджогов по селениям, к которым принадлежали поджигатели, либо по ближайшему к месту поджога селению, жители которого имели повод для его осуществления. Причем количество случаев возгорания не имеет значения, так как один из них мог нанести ущерб больше, чем десять других. Так, статья вышеупомянутой хроники – 17 мая – 25 октября 1902 г. Саратовская губерния. Поджоги (14 случаев) крестьянами с. Спасское и дер. Бекетовка Петровского у. имения помещика И. С. Ермолова из-за отказа владельца продать им землю [15, с. 275] – содержит не 14 выступлений, а два: крестьян с. Спасское и крестьян д. Бекетовка.

На основе предложенной методики в Саратовской губернии за период 1861–1904 гг. выявлено 110 крестьянских выступлений в форме поджогов [2, с. 242–253]. В конце 1870-х гг. в регионе произошло значительное количество пожаров, но их причины коренились прежде всего в бытовой и нравственной сферах. Начальник Саратовского губернского жандармского управления (ГЖУ) отмечал: «В течении июня, июля, августа и сентября всех пожарных случаев насчитывается более 700 и убытка от них около 2-х миллионов рублей. Из числа этих пожаров в 54-х случаях обнаружен или подозревается поджог из мести, 18-ть пожаров произошли от молнии, 78-мь от неосторожности; причины же остальных хотя следствием еще не раскрыты, но можно и их отнести к неосторожности» [8, л. 47].

Большая часть поджогов – 98 (89%) приходится на начало XX в. Они вызывали тревогу властей и тщательное расследование. По сведениям Министерства юстиции, число поджогов в саратовских имениях за 1902–1903 гг. составило 270 случаев [3, л. 13].

Советский историк И. И. Бабиков также отмечает рост количества поджогов с конца XIX в. За 1896–1899 гг. он насчитал 101 поджог помещичьих имений в Саратовской губернии. В 1900–1904 гг. им выявлено 234 поджога, но методика этих подсчетов не раскрыта [1, с. 80].

Главными причинами применения крестьянами поджогов являлись эффективность данного способа борьбы и революционная пропаганда. Поджигателя было нелегко найти и еще труднее доказать его вину. В 1875 г. помощник начальника Саратовского ГЖУ в Царицынском и Камышинском уездах указывал, что «каждый крестьянин боится высказать какого-нибудь вора, дабы ни лишиться всего своего состояния от поджога» [7, л. 13]. В 1902 г. в Петровском уезде свидетели начали давать показания только после ареста кружка поджигателей.

Крестьяне уничтожали с помощью огня хозяйственные постройки, сено, хлеб и другое имущество, стараясь не трогать жилые дома. Следовательно, они стремились нанести вред не физическому здоровью человека, а хозяйству. Поджигатели надеялись, что у землевладельца не хватит средств, сил, желания вернуться в разоренную усадьбу, вновь обустроить ее и жить среди враждебно настроенного населения.

Усилиению поджогов способствовала революционная пропаганда. В начале XX в. ее суть стала сводиться к требованию перераспределения земли, для чего крестьянам рекомендовалось истребление огнем имущества богатых землевладельцев. Для революционеров было главным ввести крестьян в противостояние с властью, спровоцировать конфликт, а выбор средств борьбы зависел от самих крестьян. Они предпочитали поджоги, убедившись в их эффективности. «В августе 1901 года, в Саратовское Губернское Жандармское Управление поступили агентурные сведения, что среди крестьян сел Боцманова, Чирикова, Журавок, Ключей, Трубецкого и других, Балашовского уезда, Саратовской губернии, распространяются слухи о необходимости весною 1902 года самовольно захватывать земли местных помещиков и удалять их из их владений, посредством угроз поджогами и убийствами» [10, л. 7]. Сельский учитель Тарасов из с. Журавка заявлял, что: «свои действия «они» начнут с того угла уезда, где живут помещики Суровцева, Кожевников, Волков,

Унковский, что будут жечь их постройки и уничтожать их самих» [12, л. 4]. В д. Чернышовка 1-я Петровского уезда подстрекатели внушали молодым парням, что «помещики владеют землей неправильно, их надо жечь и вешать для того, чтобы завладеть их землею» [16, л. 33]. Крестьянин Ф. Абрамов из с. Спасско-Александровское того же уезда развивал идею поджогов: «надо господ жечь, тогда земля отойдет в казну и мы, крестьяне, у казны можем свободнее ее купить, чем у помещиков; вот нашего (Ермолаева) пожги; сожги у него шленку, состава хватит и на хлеб, и клад его полетит» [6, л. 5]. Наличие специальных средств для поджигания свидетельствует о наличии организаций поджигателей, а, следовательно, о революционном влиянии. К тому же районы пропаганды В. Д. Ченыкаева, М. Н. Обуховой, Р. А. Бархиной и других революционеров совпадают с местностью, где было много поджогов.

При осуществлении поджогов социально-политические мотивы переплетались с личными. Крестьяне под знаменем борьбы за правое дело могли зажечь имущество неугодного им лица. Иногда кулаки поили крестьянскую молодежь водкой, и она начинала вести «революционную» борьбу с помощью поджогов [13, л. 7–8].

Крестьянские поджоги были направлены не только против помещиков. Должностные лица местного самоуправления, провинившиеся перед «миром», наказывались поджогами (зарегистрировано 4 случая поджога старост). Поджечь могли и кулака за растрату общественных денег, и полицейского урядника за излишнее усердие [14, л. 1–5].

Исполнителями поджогов являлись представители сельской молодежи и криминальные элементы. Обычные крестьяне хорошо понимали тяжелые последствия поджогов – ведь можно было оставить без еды и крова детей, женщин, стариков. На рубеже XIX–XX вв. среди поджигателей преобладали крестьяне, проникшиеся революционными идеями. В списках крестьян Петровского уезда неблагонадежного поведения 2 августа 1902 г. значилось 55 человек [4, л. 100]. В основном это молодежь от 18 до 25 лет, представители грамотного и радикально настроенного поколения крестьян.

Нередко поджог осуществлялся по предварительному решению «мира». При этом крестьяне не торопились бороться с огнем, упорно покрывали поджигателей. Так, 25 октября 1869 г. в лесу графа И. И. Воронцова-Дашкова крестьяне с. Алексеевка Хвалынского уезда долго собирались тушить пожар, говоря «пушай себе горит у барина много лесу» [9, л. 18–19]. В с. Ключи Балашовского уезда жители намеренно не спасали от огня имущество помещика [11, л. 38–39]. В с. Голицыно того же уезда 13 апреля 1903 г. крестьянская толпа не принимала участия в тушении пожара, а, отбив замок у кладовой, вытащила оттуда съестные припасы и домашние вещи. Некоторые крестьяне издевались над священником, предлагая ему обойти с крестом и молитвой горевшие постройки [5, л. 7].

За поджоги имущества в Саратовской губернии власти применяли наказание от 6 месяцев тюрьмы без ограничения прав до отдачи в исправительные арестантские отделения на 3,5 года с лишением всех прав. Ряд дознаний был разрешен административным порядком и закончился для неблагонадежных крестьян особым надзором полиции в месте жительства или высылкой в отдаленные губернии сроком до 5 лет. Несмотря на жесткие меры поджоги продолжались и усиливали ненависть сторон. Если раньше поджигатели от страха перед наказанием действовали тайно, то в начале XX в. они мало скрывались от односельчан, чувствуя их поддержку. Саратовский прокурор отмечал в рапорте: «Вместе с тем учинение систематических поджогов является дурным примером и для других лиц, благонадежных в политическом отношении... Причем односельцы поджигателей или сочувствуют их преступной деятельности, или по меньшей мере, тщательно воздерживаются от представления каких-либо указаний на виновных, из опасения мести» [16, л. 78, 80]. Поджог превратился в средство притеснения землевладельцев, в своеобразную демонстрацию силы.

В поджогах проявились негативные черты крестьянского движения; огонь создавал угрозу гибели людей, уничтожал производительные силы деревни. По данным И. И. Бабикова в результате 11 поджогов помещичьих имений в 1896–1899 гг. было уничтожено имущества на 165 023 руб. Подсчитанный нами ущерб от 63 крестьянских выступлений в форме поджогов составил более 176 тыс. руб. Хозяйства помещика, кулака были частью экономики деревни. Их разорение вело к обнищанию самих крестьян, которым негде было теперь подработать, взять ссуду хлебом или деньгами. Но ожесточение части крестьян достигло такого уровня, что их не останавливалась мысль о приносимом огнем ущербе. В конце XIX – начале XX вв. они переходят от пассивных форм

борьбы с крупными землевладельцами к активным, наступательным, самым распространенным из которых стали поджоги. Изменилась направленность действий поджигателей. Если раньше «красного петуха» пускали выборочно, наказывая жестоких помещиков, то теперь крестьяне стремились выжить с помощью огня всех латифундистов. Именно поджоги создали базу для погромного движения в 1905 г., когда по данным МВД Саратовская губерния заняла первое место в Европейской России по убыткам помещичьих имений (10,5 млн руб.) [17, с. 260].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бабиков, И. И.* Крестьянское движение в Саратовской губернии накануне первой русской революции (1890–1904 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1953. – 212 с.
2. *Воробьев, Е. П.* Крестьянское движение в Нижнем Поволжье в 1861–1904 гг. : дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2002. – 316 с.
3. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 61. 1904 г. Д. 18. Ч. 1.
4. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 100. 1902 г. Д. 1. Ч. 22. Лит. В.
5. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 101. 1903 г. Д. 1. Ч. 74.
6. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 140. 1904 г. Д. 139. Ч. 1.
7. ГА РФ. Ф. 109. З эксп. Оп. 160. 1875 г. Д. 42.
8. ГА РФ. Ф. 109. З эксп. Оп. 164. 1879 г. Д. 55.
9. ГА РФ. Ф. 109. 4 эксп. Оп. 209. 1869 г. Д. 277.
10. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1205.
11. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1212.
12. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1214.
13. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1220.
14. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2907.
15. Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. – Москва : Наука, 1998. – 368 с.
16. РГИА. Ф. 1405. Оп. 107. Д. 6661.
17. *Сенчакова, Л. Т.* Крестьянское движение в России в революции 1905–1907 гг. – Москва : Наука, 1989. – 264 с.

УДК 378.662
ББК Ч481.22

В. Д. Васильева¹, Р. М. Петрунева², Н. В. Дулина³

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ¹vasilyevavd@yandex.ru, ²raissa@vstu.ru, ³dulina@vstu.ru

В статье анализируются основные проблемы повышения квалификации преподавателей вузов в контексте современного реформирования высшего отечественного образования. Приводится опыт работы вузовской системы повышения квалификации.

Ключевые слова: модернизация инженерного образования, повышение квалификации преподавателей, компетенции современного преподавателя.

V. D. Vasilyeva, R. M. Petruneva, N. V. Dulina

NEW CHALLENGES OF TEACHERS OF TECHNICAL UNIVERSITY

Volgograd State Technical University

The article analyzes the main problems of professional development of University teachers in the context of the modern reform of the domestic higher education. Presents the experience of University system of professional development.

Keywords: modernization of engineering education, professional development of teachers, competencies of the modern teacher.

В настоящее время продолжается развитие образования в мире, а также реформирование системы высшего отечественного образования. При этом новые вызовы времени, связанные с изменениями в мировой политике и экономике, очередным витком научно-технической революции, породившей проникновение высоких технологий во все сферы хозяйственной деятельности, привели к появлению новых требований к учреждениям высшего образования.

Требования современных потребителей услуг высшего образования – государства, работодателей и студентов – к профессиональному высшему образованию сводятся к следующему [1]. Государство ожидает от высшей школы участия в решении стратегических задач ускоренного развития экономики и обеспечения обороноспособности государства. Экономике страны требуются принципиально новые специалисты – инженеры нового поколения. Работодатели выражают надежду, что вузы будут снабжать их специалистами, способными как к квалифицированной исполнительской деятельности, так и к инновационным поискам и «прорывным» решениям. Студенты верят, что преподаватели смогут подготовить их к работе в условиях конкурентной среды и сделают процесс обучения разнообразным и увлекательным. Министерство образования и науки, а также региональные органы управления образованием ожидают, что преподаватели с энтузиазмом и творчески будут реализовывать все идеи, намеченные реформой, и эти масштабные преобразования помогут высшей школе выйти на новый уровень, обеспечивающий мировую конкурентоспособность российского образования.

Таким образом, реформа высшего образования предъявляет новые требования к педагогической компетентности вузовских преподавателей и ставит в число первоочередных проблему повышения их квалификации. Остро осознается общественная потребность в компетентном, чувствительном к инновациям и мотивированном в своем профессиональном развитии преподавателе.

Требуется широкомасштабная подготовка профессорско-преподавательского состава, позволяющая обеспечить инновационное преобразование высшей школы.

В течение нескольких лет государство финансировало 72-часовые программы повышения квалификации преподавателей. Ведущие эксперты в области инженерной педагогики, участвуя в дискуссии о судьбе института повышения квалификации, отметили, что ни одна из государственных программ не отвечает в полной мере самым актуальным потребностям преподавателей – повышению профессиональной и методической компетенции [2]. Существующая система повышения квалификации в целом способна обеспечить подготовку преподавателей в соответствии с установленными законодательством нормами, но ее содержательно-целевые и организационно-технологические компоненты нуждаются в совершенствовании. Основные проблемы, связанные с повышением квалификации преподавателей в современных условиях, можно свести в следующие группы:

отсутствуют научно обоснованные образовательные программы, в которых учитываются новые требования к компетентности преподавателей;

используются устаревшие дидактические технологии, которые обеспечивают в основном теоретическую подготовку;

слабо учитываются образовательные потребности преподавателей разных кафедр, разного должностного уровня, возраста и педагогического стажа, что снижает эффективность их обучения в системе повышения квалификации;

не решен вопрос непрерывности и преемственности повышения квалификации преподавателей.

Серьезными проблемами в настоящее время также являются: невозможность государственных программ повышения квалификации преподавателей «охватить» весь профессорско-преподавательский состав российских вузов, обязательная плата за обучение на курсах повышения квалификации, их географическая удаленность от ряда провинциальных вузов, что требует от преподавателей финансовые расходы на поездку и проживание, а также «отрыв» от работы в основной преподавательской должности.

В этих условиях создание и активное развитие в каждом вузе корпоративной системы повышения квалификации преподавателей может решить основные проблемы их подготовки и переподготовки. Те люди, которые остались в профессии, мотивированы в основном стремлением к профессионально-личностному саморазвитию и реализации своих способностей в научной, педагогической, творческой деятельности. Несмотря на то, что в образовательной среде существуют и демотивирующие факторы, бесплатное, доступное, эффективное обучение преподавателей в системе повышения квалификации, ориентированное на приобретение слушателями новых профессионально-педагогических компетенций, обеспечивает возможность постоянного профессионального развития сохранившегося и нового преподавательского состава вузов.

Примером организации вузовской системы повышения квалификации преподавателей служит Школа педагогического мастерства (ШПМ) Волгоградского государственного технического университета. Приведем краткую характеристику ШПМ, которая в данном виде существует в вузе более 20 лет [3-4]. Школа создана в университете на общественных началах в «недрах» кафедры истории, культуры и социологии, которая ведет блок социально-гуманитарных дисциплин, включая психологию и инженерную педагогику. Поэтому кафедра естественным образом включилась в работу ШПМ. Учебные занятия со слушателями проводят авторитетные, опытные педагоги университета, представители кафедр различной предметной направленности (социогуманитарные, экономические, естественнонаучные, общетехнические и специальные, выпускающие), а также ведущие преподаватели, в основном профессоры, Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Обучение преподавателей университета осуществляется бесплатно на добровольной основе.

Школа повышения квалификации преподавателей продолжает развиваться, откликаясь на запросы слушателей и ежегодно совершенствует содержание и методики обучения. Новый этап ее развития обусловлен современной реформой высшего образования, для осуществления которой требуется профессорско-преподавательский состав иного типа. Новые требования к компетенциям преподавателей вуза стимулируют использование в процессе повышения квалификации то новое, что накоплено в мировой педагогической практике. Рассмотрим основные направления дальнейшего развития вузовской системы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава с целью ее адаптации к современным требованиям.

1. *Формирование современного перечня профессионально-педагогических компетенций*, необходимых для успешного осуществления педагогической деятельности. Для этого целесообразно обновлять состав следующих групп ключевых педагогических компетенций: проектировочно-конструктивные, организационно-технологические, коммуникативно-регуляционные, контрольно-оценочные и аналитико-рефлексивные.

С учетом того, что долгие годы преподаватели работали в устойчивой консервативной среде, у многих слабо сформированы некоторые компетенции, связанные, например, с информатизацией образования, широким распространением Интернета и активным использованием студентами ноутбуков, планшетов, смартфонов, айфонов. Меняются способы получения информации, преподаватели могут использовать различные Интернет-ресурсы, образовательные мобильные и веб-приложения, которые, во-первых, разнообразят обучение и повышают познавательную мотивацию, во-вторых, позволяют учиться в любое время и в любом удобном месте. Но для этого преподаватели сами должны быть компетентны в этих вопросах. От них требуется: уверенное владение технологией подготовки и проведения интерактивных презентаций; виртуальных экскурсий; имитационного лабораторного практикума; компьютерного тренинга; вебинара; видеоконференции; умение разрабатывать электронные учебные пособия, дополненные мультимедийными элементами; составлять наборы кейсов; тестовые задания; использовать компьютерные инструменты мониторинга учебной деятельности студентов; кроме того, они должны быть готовы к созданию конкурентоспособных онлайн-курсов.

Новые компетенции преподавателей корректируют содержание их педагогической подготовки и переподготовки.

2. *Модульное построение содержания педагогической подготовки* предусматривает структурирование учебной информации на самостоятельные учебные единицы (модули), направленные на формирование профессиональной компетенции или группы родственных компетенций. Каждый модуль программы обеспечивается набором учебно-методических материалов, которые слушатели получают перед началом его обучения. В него входят: аннотация и учебно-тематический план, презентации и конспекты лекций, глоссарий, список рекомендуемой литературы, вопросы для самоконтроля, практические и индивидуальные задания. Учебно-методические материалы содержат также тестовые задания для проведения входного и выходного контроля, раздаточный материал для семинарских и практических занятий и др. Анализ трудностей, с которыми столкнулись слушатели при выполнении индивидуальных и практических заданий, позволит в дальнейшем усовершенствовать учебный материал соответствующих модулей.

3. *Вариативный принцип построения модульных образовательных программ обучения* с учетом образовательных потребностей преподавателей разных кафедр, разного должностного уровня, возраста и педагогического стажа. Каждые группы слушателей (начинающих молодых и опытных преподавателей, социогуманитарных и технических кафедр, различного преподавательского опыта) должны учиться по своей программе в зависимости от различных образовательных потребностей. Образовательные потребности, в свою очередь, могут быть определены в результате анкетного опроса преподавателей и принятия решений о содержании обучения заведующими всех кафедр.

4. *Гибкие формы организации занятий, реализующие индивидуальные маршруты слушателей.* Применение в процессе обучения широкого спектра современных средств обучения позволяет в значительной степени оптимизировать нагрузку преподавателя, повысить квалификацию без отрыва от своей основной работы, облегчить усвоение, запоминание и осмысление профессионально значимой информации и сформировать свое отношение к ней.

5. *Использование интерактивных форм и методов проведения занятий (например, компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, разбор конкретных практических ситуаций, психологические и иные тренинги), направленных на преодоление психологических барьеров, мешающих осваивать новые методы обучения, а также выработку умений вести диалог.* В настоящее время в высшей школе происходит существенная трансформация традиционных монологических и объяснительно-иллюстративных методов обучения. Подготовка преподавателей вузов к разработке и использованию форм и методов интерактивного обучения обязательно предполагает их активное включение в моделируемые ситуации интерактивного обучения студентов. Использование в работе с преподавателями форм и методов интерактивного обучения не только является иллюстрацией их методического воплощения, но и формирует собственный опыт преподавателя – «проживания»

различных ситуаций реального педагогического взаимодействия. Подобные занятия повышают интерес преподавателей к обучению, совершенствует умения в разрешении реальных педагогических проблем, способствуют расширению социального кругозора слушателей.

Таким образом, Школа педагогического мастерства преподавателей – это динамично развивающееся структурное подразделение вуза, которое ориентирует преподавателей на дальнейшее повышение своего педагогического мастерства и распространение передового опыта среди коллег. Это реальная помощь коллегам-преподавателям, направленная на повышение профессионально-педагогического потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Красинская, Л.Ф. Преподаватель высшей школы: каким ему быть? (Размышления о социальных ожиданиях и профессиональных реалиях) / Л.Ф.Красинская // Высшее образование в России. – 2015. – № 1. – С. 37-46.
2. Современная аспирантура и судьба института повышения квалификации: Материалы круглого стола // Высшее образование в России. – 2014. – № 6. – С. 130-149.
3. Васильева, В.Д. Психолого-педагогическая компетентность преподавателей технического вуза / В.Д. Васильева // Изв. ВолгГТУ. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Вып. 10: межвуз. сб. науч. ст./ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – № 3 (90). – С. 108-110.
4. Васильева, В.Д. К вопросу о психолого-педагогической компетентности преподавателей технических вузов в условиях внедрения новых стандартов / В.Д.Васильева // В мире научных открытий. Серия «Проблемы науки и образования». – 2011. – № 9.1 (21). – С. 259-267.

УДК 378.18
ББК 74.484. 4

R. M. Петрунева, В. Д. Васильева

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО
ИНЖЕНЕРА В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: vasilyevavd@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности формирования общекультурных компетенций студентов в полинациональном пространстве технического вуза.

Ключевые слова: общекультурные компетенции, инженер, полинациональное пространство вуза, этническая толерантность.

R. M. Petruneva, V. D. Vasilyeva

**THE FORMATION OF COMMON CULTURAL COMPETENCE
OF FUTURE ENGINEERS IN THE POLYNATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY**

Volgograd State Technical University

The article considers peculiarities of formation of common cultural competencies of students in the multination-al space, technical University of.

Keywords: common cultural competence, engineer, multinational space of the University, ethnic tolerance.

Ориентация российской системы образования на общекультурное развитие обучающихся исторически является одной из приоритетных позиций, которая находит отражение в тексте современных образовательных стандартов. В соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС ВО) третьего поколения ядро модели выпускника составляют общекультурные компетенции, которыми должны обладать все специалисты независимо от сферы их деятельности, поскольку именно они составляют базу для профессиональных компетенций и позволяют им более полно реализовываться. Общекультурные компетенции – это компетенции, обеспечивающие развитие, жизненный успех, социальную адаптацию личности. При этом общекультурные компетенции не являются профессионально обусловленными, ими должны обладать все специалисты независимо от сферы их деятельности.

Анализ приводимых многими исследователями толкований культуры позволяет выделить основные ее составляющие. Пользуясь предлагаемой трактовкой общей культуры человека [1], можно выделить три глобальных плана ее рассмотрения: культуру личности, культуру деятельности и культуру социального взаимодействия человека с другими людьми. Например, согласно ФГОС ВО [2] общекультурные компетенции выпускника (бакалавра) технического университета по направлению 15.03.01 «Машиностроение» для формирования социально-профессиональной компетентности включают:

- способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции;
- способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции;
- способность использовать основы экономических знаний в различных сферах деятельности;
- способность использовать основы правовых знаний в различных сферах деятельности;
- способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;
- способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия;
- способность к самоорганизации и самообразованию;
- способность использовать методы и средства физической культуры для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности;
- готовность пользоваться основными методами защиты производственного персонала и населения от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий.

Как видно, круг вопросов, в которых будущий инженер должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности, включает: особенности национальной и общечеловеческой культуры, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, роль науки и религии в жизни человека, их влияние на мир, компетенции в бытовой и досуговой сфере. Общекультурные компетенции – это социальное ожидание того, что молодой специалист, вступая в социальную жизнь, разделяет ценности, господствующие в этом обществе: патриотизм и гражданственность, высокие морально-нравственные характеристики, общая, языковая, правовая культура, ценности гуманизма и экологического сознания.

В настоящее время в Волгоградском государственном техническом университете (ВолгГТУ) обучаются студенты более 30 национальностей, в том числе студенты-иностранные. Важны географические, политические и этнические особенности региона, в котором находится данное высшее учебное заведение. Это нашло отражение в приоритетных задачах вуза по формированию мировоззрения, знаний, нравственных убеждений; формированию высокой культуры отношений с людьми вне зависимости от их социальной и национальной принадлежности; воспитанию доброжелательного отношения к человеку, народу, нации; формированию навыков сотрудничества и партнерства в социуме, подготовке специалистов к функционированию в условиях многонационального общества.

В основе концепции гармонизации межнациональных отношений и утверждения гражданского патриотизма лежат идеи и принципы приоритета и прав человека, демократического федерализма, идеи национального центризма и межнациональной консолидации.

Педагогическую деятельность по формированию этнической толерантности в студенческой среде специалисты разделяют на несколько блоков: целевой, организационно-содержательный и диагностико-результативный [3]. Для решения вышеперечисленных задач необходимо соблюдение ряда организационно-методических условий, как в организации учебного процесса, так и во внеучебных мероприятиях:

- организация межкультурного общения в гуманистической атмосфере взаимодействия;
- методическое обеспечение педагогического процесса, в частности, педагогической программы формирования этнической толерантности студенческой молодежи в процессе межкультурного иноязычного общения во внеучебное время и методическое обеспечение социально-гуманистических дисциплин, которые согласно ФГОС ВО должны способствовать формированию компетенции «толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия»;

- интеграция деятельности преподавателей, сотрудников внеучебных подразделений и общественных объединений студентов, направленная на формирование позиции активного гражданского выбора студентов;
- использование преподавателями различных тренингов, игровых форм и приемов обучения и воспитания, приучающих к толерантному поведению;
- обеспечение подготовки педагогов к осуществлению деятельности по формированию этнической толерантности.

Это – достаточно непростая тема. В процессе подготовки данной статьи мы пытались собрать сведения о методиках формирования указанной компетенции. Нам удалось найти только методики, связанные с внеучебной деятельностью, и ни одной методической разработки по организации учебного процесса. Понятно, что учебный процесс связан, прежде всего, с когнитивной составляющей, но только одного знания мало для формирования компетенции! В этом контексте весьма полезен, как нам представляется, опыт проведения научно-практических конференций.

Вхождение студента в иную культурную среду сопровождается рядом трудностей, большая часть которых сопряжена с культурными различиями, проявляющимися в образах поведения, традициях, способах мышления, стереотипах. Поэтому актуальность создания социальной комфортности полинационального образовательного пространства вуза не подвергается сомнению. Среда образовательного учреждения, как среда развития, организованной жизнедеятельности, несет в себе потенциал позитивного воздействия, предупреждающего и нейтрализующего проявление негативных склонностей молодежи. Полинациональность и поликультурность контингента учащейся молодежи ставит задачу комплексного учета всех факторов, способствующих формированию взаимопонимания и терпимости, уважения как к иной культуре, так и иному мнению.

Сущность формирования этнической толерантности студенческой молодежи представляет собой целенаправленный учебно-воспитательный процесс, направленный на формирование у студенческой молодежи уважения к многообразной культуре нашего мира, уважения и взаимной свободы, включающий умение вести диалог и общаться с представителями других культур, тактично выражать свои взгляды, права и потребности. Специфика формирования этнической толерантности студенческой молодежи определяется целенаправленным взаимодействием личности и социального окружения, которое представляет собой корпоративную вузовскую культуру, основанную на богатых социокультурных традициях и межпоколенческих отношениях в высшей школе.

Исходя из необходимости разработки учебно-методического сопровождения учебных дисциплин социально-гуманитарного цикла, ориентированных на формирование компетенций, связанных с гармонизацией межнациональных отношений, можно сформулировать принципы, позволяющие обеспечить преемственность и комплементарность учебных дисциплин:

научность и системность в изложении учебного материала, обеспечение преемственности и непрерывности процесса развития личности при переходе на следующую ступень обучения;

гуманизация и гуманитаризация учебно-воспитательного процесса, соответствие содержания, форм, методов, средств и приемов обучения историческим традициям российской высшей школы, природо- и культурообразность;

ориентация на диалог культур, обогащение и обновление форм, средств и методов социально-культурной деятельности и учет национально-региональных условий и поликультурности, а также психологические особенности взаимодействия субъектов социально-культурной деятельности.

В настоящее время назрела острая необходимость поиска новых обязательных для образовательного учреждения форм психологического сопровождения обучающихся внутри полинационального образовательного пространства. Развивая идеи социокультурной адаптации студентов различных национальностей [4], с целью гармонизации межнациональных отношений и формирования основы общекультурных компетенций будущих инженеров в рамках аудиторной и внеаудиторной работы можно предложить следующие направления педагогической деятельности:

выявление возможных противоречий миропонимания обучаемых по отношению к другим культурам, что позволяет преодолеть сложившиеся в сознании стереотипы;

проведение проблемных дискуссий на занятиях по различным дисциплинам, в том числе кающихся профессиональной направленности, которые позволяют соотнести собственное отношение к иным культурам с взглядами и мнениями сверстников, что часто способствует коррекции отношений;

организацию рефлексии обучаемых своего отношения к представителям других культур и меньшинств путем создания условий для изучения культурных ценностей своего и других народов, что важно для положительного и эффективного межнационального взаимодействия.

В качестве мероприятий данной направленности аудиторной формы проведения занятий в рамках социально-гуманитарных дисциплин могут быть реализованы тренинги межнационального общения, деловые и ролевые игры – культурные ассилияторы (представление различных примеров общения между представителями разных культур в различных сферах жизни).

Для формирования этнической толерантности студенческой молодежи во внеучебной работе можно использовать разнообразные технологии социально-культурной деятельности: этнокультурные, культуротворческие, культуроохраные, проектные, информационно-просветительские, коммуникативные и др. Среди типов деятельности по формированию этнической толерантности студенческой молодежи выделяют: просветительские, творческие, развлекательные и др.

Внеаудиторные формы развития межнациональных отношений в вузе весьма разнообразны по форме и содержанию и могут включать:

праздничные мероприятия по поводу памятных дат и этнокультурных праздников народов, проживающих на территории России (например, «Парад национальностей» в День России, «Аллея национальных культур» в День города, День народного единства, Дни национальных республик и национальных культур);

смотры-конкурсы творческих самодеятельных коллективов студентов разных национальностей; *круглые столы* с участием студентов, преподавателей, политических и общественных деятелей (например, сотрудников региональных комитетов по делам национальностей, представителей национальных общественных объединений), которые обсуждают соблюдение добрососедских отношений с людьми разных национальностей, толерантности и взаимоуважению. Работа круглых столов может проходить в рамках социогуманитарных научно-практических конференций, Например, Всероссийская научно-практическая конференция «Социокультурное пространство Юга России: межнациональное и межконфессиональное взаимодействие» собрала 193 участника из 45 вузов, которые представляли 26 городов Российской Федерации, в т.ч. Минск и Одессу, при этом 78% участников являются жителями Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. На двух секциях и двух Круглых столах было сделано 148 докладов, на базе которых было подготовлено три сборника статей, включая студенческий. Круглый стол может быть организован для решения возникшей межнациональной проблемы в студенческой среде, связанной, например, с религиозной эпатажностью, неуважительным отношением и негативным общением со студентами и преподавателями других национальностей.

Показатели сформированности этнической толерантности студенческой молодежи специалисты связывают с наличием знаний о многообразии культур нашей страны и нашего Мира, умением структурировать информацию и представлять возможные исходы различных ситуаций; наличием интереса к традициям своего народа, обычаям и культуре различных этносов, проживающих рядом; отношением к другому человеку как к свободной, равнодостойной личности, отсутствием чувства неприятия, вызванного расовыми, национальными особенностями, исповедуемой религией, национальными традициями, конструктивным взаимодействием с представителями других этносов и др. [3].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зимняя, И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека / И.А.Зимняя // Высшее образование сегодня, 2005. – № 11. – С. 14-20.
2. ФГОС ВПО по направлениям бакалавриата. – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/>
3. Лазарева, Е.С. Модель формирования этнической толерантности студенческой молодежи в процессе межкультурного иноязычного общения / Е.С.Лазарева, Е.И.Григорьева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2012. – № 7 (111). – С. 180-186.
4. Петрунова, Р.М. К вопросу о социокультурной адаптации студентов нетитульных нацио-нальностей к условиям Юга России / Р.М. Петрунова, В.Д. Васильева // Известия ВолгГТУ. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Вып. 17: межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – № 13 (140). – С. 143-146.

УДК 37.013
ББК 74.05

A. V. Штыров¹, Н. В. Казанова²

ИНФОРМАЦИОННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И УСЛОВИЯ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет

²Волгоградский государственный технический университет

E-mail: *an.shtyrov@gmail.com, **nvk-work@yandex.ru

Анализируя существующие подходы к формированию информационной компетентности, авторы приходят к выводу об эффективности сочетания компетентностного и средового подхода в процессе формирования у обучающихся личностных качеств, необходимых в условиях современного информационного общества.

Ключевые слова: информационная компетентность; информационное общество; открытое информационное пространство; виртуальная образовательная среда.

A. V. Shtyrov¹, N. V. Kazanova²

INFORMATION COMPETENCE AND CONDITIONS OF ITS FORMATION IN A VIRTUAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

¹Volgograd State Socio-pedagogical University,

²Volgograd State Technical University

By analyzing the existing approaches to the formation of information competence, the authors come to a conclusion about the effectiveness of the combination of competence approach and the environmental approach in the formation of students' personal qualities needed in today's information society.

Keywords: information competence; information society; open information space; virtual educational environment.

Современный мир находится в весьма сложном и неопределенном состоянии. Взаимопроникновение культур, глобализация, трансформация социальной структуры порождают новые, разнообразные, как по направленности, так и по свойствам, взаимоотношения между субъектами социального пространства (в том числе образовательного). Это дает личности большую свободу, но и накладывает дополнительную ответственность, связанную с умением распорядиться новыми возможностями, не нанеся при этом ущерба себе и окружающим. Личности, для успешного существования, необходимо постоянно находиться в определенном контексте, в соответствии с окружающей средой – социальной, культурной, информационной. Разумеется, так было всегда, но одним из характерных признаков сегодняшней ситуации является высокий динамизм изменчивости этих контекстов. Таким образом, для адекватного осуществления социальных, профессиональных и прочих функций современной личности недостаточно набора узко определенных навыков, как это было на протяжении столетий. Совершенно необходимо также развитие критических способностей, способностей к самостоятельному познанию и целеполаганию, которые в современной литературе объединены термином «компетентности».

Распространение компетентностного подхода в образовании является важным признаком смены образовательной парадигмы в направлении от пассивного «приобретения» знаний к их активному освоению и практической реализации. Понятия «компетентность» и «компетенция» являются одними из ключевых терминов федерального государственного образовательного стандарта высшего образования [1]. Вопрос необходимости перехода к компетентностной парадигме в различных сферах человеческой деятельности, в том числе в образовании, а также наиболее эффективные пути реализации этого подхода рассматривались Дж. Равеном [2]. В последнее время и в отечественной педагогической литературе появилось большое количество работ, исследующих различные компетентности и методы их формирования в учебном процессе [3; 4; 5; 6]. Их авторы вносят существенный вклад в развитие понятия «компетентность» применительно к образовательному процессу, определение ее компонентов и условий формирования. Так, Г. Б. Паршукова понимает под термином «компетентность» «определение и описание ряда личностных характеристик, а также особенностей мотивации, которые связываются с высокопрофессиональной деятель-

ностью» [5, с. 6]. А. В. Хоторской различает понятия «компетенция» и «компетентность», понимая под первым «отчужденное, заранее заданное социальное требование <...> к образовательной подготовке ученика, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере» [6], а под вторым – «обладание субъектом соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности <...>, состоявшееся личностное качество <...> специалиста и <...> опыт деятельности в данной сфере» [7]. И. А. Зимняя определяет «компетентность» как «основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека» [8]. В методических материалах по применению ФГОС компетентность также трактуется как личностное качество или совокупность личностных характеристик, определяющих знания и умения индивида и опыт их практического применения в различных видах деятельности [1].

Итак, главное свойство компетентности состоит в способности индивида самостоятельно ориентироваться в меняющейся ситуации, квалифицированно решать встающие перед ним задачи, а также ставить собственные задачи, определяя путь дальнейшего личностного роста и профессионального самосовершенствования. Неудивительно поэтому, что компетентностный подход приобрел особую актуальность в педагогической парадигме постмодернского общества, с его неопределенностью, мобильностью, обилием горизонтальных связей, ориентацией на личностные ценности. Дж. Равен прямо связывает развитие компетентности с личностной свободой, наличием возможности свободного выбора у каждого индивида, утверждая, что «...способность учителей к компетентному поведению в первую очередь зависит от их способности размышлять и действовать в соответствии с подобными <...> убеждениями» [2, с. 219].

В современных условиях одними из наиболее важных для индивида навыков являются навыки информационного взаимодействия. Поэтому работа с информацией, ее осмысление, моделирование ситуаций выделяются в структуре компетентностей в качестве самостоятельной сущности – информационной компетентности. Исследователи С. В. Тришина и А. В. Хоторской полагают информационную компетентность одной из ключевых и определяют ее структуру как совокупность когнитивной, деятельностно-творческой, личностной и аксиологической компонент [7].

В педагогической литературе при раскрытии понятия «информационная компетентность» преобладает подход, связывающий его с современными компьютерно-информационными технологиями. О. В. Насс определяет информационную компетентность как «способность педагога использовать компьютер и сопутствующую ему технику <...>, информационно-коммуникационные технологии <...> для доступа к информации, ее поиску, организации, обработке, продуцированию, распространению и рефлексии <...>» [4, с. 9]. Это определение оставляет «за скобками» все, что касается «бескомпьютерной» обработки информации, по сути, сводя понятие «информационная компетентность» к популярному в недавнем прошлом понятию «компьютерная грамотность». О. Н. Ионова дает иное толкование: «информационная компетентность – это интегративное качество личности, системное образование знаний, умений и способности субъекта в сфере информации и информационно-коммуникационных технологий и опыта их использования, а также способность совершенствовать свои знания, умения и принимать новые решения в меняющихся условиях или непредвиденных ситуациях с использованием новых технологических средств» [9]. Это определение, оставаясь тесно связанным с технологическим аспектом, в то же время акцентирует внимание и на субъектном аспекте. В свою очередь, Г. Б. Паршукова отмечает: «Под информационной компетентностью понимается та ключевая компетентность, которая обеспечивает критическое отношение к различной по своему характеру информации и <...> включает возможности личности по использованию информации в различных контекстах <...>» [5, с. 55]. Автор этого определения, абстрагируясь от «информационно-коммуникационных технологий» и «новых технологических средств», выводит нас на более высокий уровень обобщения исследуемого понятия. Е. В. Петрова определяет понятие «информационная компетентность» еще шире, как «способность человека в полной мере осмысливать реалии информационного общества и использовать все предоставляемые им возможности, способность всесторонне адаптироваться и самореализоваться в информационном обществе» [10, с. 43]. На наш взгляд, именно такое определение является наиболее адекватным реалиям информационного общества: информационно-коммуникационные технологии, несомненно, являются его важной системообразующей частью, но при этом остаются лишь одним из инструментов осуществления информационной деятельности.

Итак, формирование информационной компетентности у индивида является одной из основных задач образовательного процесса в современных условиях. Встает вопрос: как это сделать наиболее эффективным образом, соответствующим реалиям информационного общества?

Дж. Равен утверждает, что ключевым понятием формирования компетентности является «развивающая среда», которая «не ставит произвольных ограничений на пути к воплощению намерений; наоборот, <...> создает условия для выявления и развития талантов <...>. Человека не стесняют жесткими рамками правил и <...> предписаний. Напротив, его <...> побуждают участвовать в принятии решений <...> это дает заинтересованным людям возможность достичь более высокого уровня компетентности и приобрести необходимые для специалиста знания» [2, с. 28-29]. В то же время он отмечает, что «в учебных заведениях развивающая среда, заинтересованность в нововведениях и компетентное руководство встречаются реже, чем где бы то ни было <...> школы и университеты оказываются наименее плодородной почвой для роста тех качеств, в которых так остро нуждается наше общество» [2, с. 30]. Следовательно, для успешного формирования профессиональной компетентности будущего специалиста можно полагать необходимым погружение его в ходе учебной деятельности в среду, подобную среде профессиональной деятельности, и создание в этой среде ситуаций, воспроизводящих основные ситуации, возникающие в процессе профессиональной деятельности.

В случае формирования информационной компетентности речь идет, соответственно, об информационной среде, существующей в информационном пространстве. Для современного информационного пространства характерны открытость, формальное равноправие находящихся в нем информационных объектов, изменчивость, сетевой характер объединяющих эти объекты связей. Субъекты деятельности, находясь в открытом информационном пространстве, могут сами определять траекторию передвижения между информационными объектами и способы взаимодействия с ними [11, с. 12], но только в том случае, если обладают необходимым для этого уровнем информационной компетентности. Следовательно, образовательная среда, чтобы обеспечить успешное формирование информационной компетентности обучающегося, должна представлять собой модель открытого информационного пространства, в котором под контролем педагога в процессе образовательной деятельности обучающиеся осуществляют действия, моделирующие будущую деятельность в открытом информационном пространстве. В отличие от открытого информационного пространства, являющегося стихийной сущностью, моделирующая его образовательная среда сознательно проектируется педагогом. Воспроизведя существенные черты прототипа, модель должна в то же время обеспечивать контролируемость и безопасность образовательного процесса, даже в том случае, если педагог не принимает в нем непосредственного участия (например, при самообразовании). Ранее мы формулировали принципы проектирования виртуальной образовательной среды: открытость для входа, доступность всей необходимой информации и инструментов ее обработки, сетевой характер взаимодействия субъектов образовательного процесса, возможность (в определенной степени) самостоятельного выбора траектории передвижения между информационными объектами [12, с. 136].

Таким образом, на основе анализа существующих теоретических работ и педагогической практики, можно сделать вывод об эффективности сочетания компетентностного и средового подхода в процессе формирования у индивидов личностных качеств, необходимых в условиях современного информационного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов / Компетентностный подход. – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fgosvo.ru/support/49/49/17> 12.11.2015
2. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: Выявление, развитие и реализация / Дж. Равен; [Пер. с англ.]. – М.: Когито-центр, 2002. – 396 с.
3. Куракова, Г.В. Концептуально-методологическая основа организации педагогической деятельности по формированию ключевых учебных компетенций учащихся / Г.В. Куракова [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.fan-nauka.narod.ru/2009.html> 12.11.2015
4. Насс, О.В. Формирование компетентности педагогов в проектировании электронных образовательных ресурсов в контексте обновления общего среднего и высшего образования / О. В. Насс – Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук – М., 2010. – 40 с.
5. Паршукова, Г. Б. Информационная компетентность личности. Диагностика и формирование / Г.Б. Паршукова. – Новосибирск, НГТУ, 2006. – 253 с.

6. Хупорской, А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А.В. Хупорской // Народное образование, 2003, № 2. – С. 59-68.
7. Тришина, С.В. Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного профессионального образования / С.В. Тришина, А.В. Хупорской // Интернет-журнал «Эйдос» – 2004. – 22 июня. – [Электронный документ] Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.htm> 12.11.2015
8. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования / И.А. Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос». – 2006. – 5 мая. – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> 12.11.2015
9. Ионова, О.Н. Концептуальные основы формирования информационной компетентности взрослых в системе дополнительного образования / О.Н. Ионова // Дополнительное профессиональное образование, 2006, № 4 (28). – С. 34-36.
10. Петрова, Е.В. Информационная компетентность в образовании как залог успешной адаптации человека в информационном обществе / Е.В. Петрова // Информационное общество – 2012. – Вып. 2. – С. 37-43.
11. Организация совместной учебно-исследовательской деятельности в открытом информационном пространстве: кол. моногр. / сост. и общ. ред. А.В. Штырова. – Волгоград: «Перемена», 2012. – 166 с.
12. Штыров, А.В. Открытое информационное пространство как поле для самообразования / А.В. Штыров, Н.В. Казанова // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2014. Т. 19. № 24 (151). – С. 134-137.

УДК 378.046.2

E. V. Abramenco

**ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА
КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: abramella@list.ru

В данной статье рассматривается компетентность педагога в условиях поликультурного социума. Рассматривается понятие поликультурной компетентности педагога, как важнейшей характеристики в современной образовательной среде.

Ключевые слова: поликультурная компетентность, профессиональная компетентность, толерантность, поликультурная среда, высшее образование.

E. V. Abramenco

**MULTICULTURAL COMPETENCE OF THE TEACHER AS THE SOURCE
OF FORMATION OF THE TOLERANT PERSONALITY OF THE STUDENT**

Volgograd State Technical University

This article discusses the competence of the teacher in the multicultural society. Discusses the concept of multicultural competence of the teacher as the most important characteristics in the modern educational environment.

Keywords: multicultural competence, professional competence, tolerance, multicultural environment, higher education.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, на территории Волгоградской области, проживают представители более 130 национальностей: русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, вьетнамцы, армянский народ и другие народы. Эти народы уникальны и интересны по-своему. В любом образовательном учреждении могут оказаться рядом представители различных этнических и религиозных групп. А учитывая особенность нашего региона, каждый педагог должен быть готов к коммуникации в условиях поликультурной среды, что связано с учетом культурно-специфических и этнопсихологических особенностей представителей разных национальностей, способностью к толерантному поведению. В этой связи поликультурная компетентность педагога высшей школы становится важной составляющей его профессии.

Задача высшего образования - формирование культуры нравственных отношений, основанных на национальных и общечеловеческих ценностях. Развитие гуманных национальных отношений, укрепление искреннего доверия и дружбы народов положительно влияют на все сферы жизни общества: политику, культуру, экономическую ситуацию, межличностные отношения.

В сложившихся условиях, поиск путей без конфликтного сосуществования этносов становится для многонациональной России одной из приоритетных государственных и социально-политических задач. Это возможно организовать и в условиях образовательной среды.

Н.Е. Щуркова считает, что педагог является носителем высоких ценностей. Являясь образцом и авторитетом, он может передать студентам национальные и общечеловеческие культурные ценности, воспитывать в них положительное отношение к представителям другой национальности, провозглашая взаимное уважение, основанное на признании прав каждого человека сформировать понятие «толерантность».

Толерантность – профессионально необходимое личное качество педагога, диктуемое задачами, содержанием и характером его деятельности. Чтобы воспитывать толерантность других, надо самому быть примером толерантности [4].

Профессиональная компетентность – это интегральная характеристика, определяющая способность специалиста решать профессиональные проблемы и типичные задачи, возникающие в реальных ситуациях деятельности, с использованием знаний, опыта, ценностей и наклонностей [3].

По мнению Т. В. Жуковой существует критерии поликультурной компетентности, к которым относится поликультурная осведомленность. Это познания педагога в области культурных артефактов, моделей поведения различных культур или субкультур. Так же, автор отмечает культурную и нормативную идентичности, где первая это результат культурной идентификации, т. е. соотнесения и отождествления с культурными нормами и образцами поведения, а вторая — знание, понимание и принятие социальных норм. [2].

Профессиональное содержание поликультурной компетентности педагога связано с такими аспектами, как:

- осознание поликультурных особенностей профессионального окружения, в том числе учебного коллектива, связанных с национально-религиозной, возрастной, гендерной и иной принадлежностью, уважительное отношение к ним;
- умение действовать сообразно культурным особенностям субъектов педагогической деятельности, сохраняя при этом собственную культурную идентичность;
- способность организовать конструктивное межкультурное взаимодействие в коллективе и использовать межкультурные различия для обогащения личного культурного опыта субъектов взаимодействия;
- знание и учет психологических особенностей восприятия и поведения личности, обусловленных ее культурной принадлежностью;
- способность обеспечивать поликультурную направленность учебно-воспитательного процесса, прогнозировать, предупреждать и разрешать межкультурные конфликты в коллективе и т.д. [5]

При организации учебно-воспитательного процесса в вузе необходимо:

- создавать благоприятные условия для всех членов группы;
- провозглашать принципы толерантности, взаимопонимания и успешного взаимодействия всех членов группы;
- обладать высоким уровнем толерантности;
- создавать дидактические условия толерантного взаимодействия;
- проявлять тактичность, эмпатию, терпеливость, терпимость в отношениях со студентами и коллегами;
- понимать и принимать своеобразие личности студента;
- учитывать социально-психологические особенности студенческого возраста; уметь обеспечивать внутригрупповое и межгрупповое общение, уметь предотвращать конфликты;
- создавать условия культурного взаимодействия.

Таким образом, педагог высшей школы – транслятор толерантности. Именно он способен передать студентам социальный опыт человечества через различные аспекты образовательной среды.

Толерантный педагог – позитивен, добродушен, жизнерадостен, способный с уважением и симпатией относиться к коллегам и студентам. Умеет уважать чужое мнение, при этом учит мыслить критически и оценить позицию других, способен ценить культурное разнообразие и создавать условия для признания культурных различий.

В преддверии 16 ноября Международного дня толерантности, мы предлагаем преподавателям провести со студентами ряд достаточно простых упражнений. Учитывая, что дидактические упражнения и игры способствуют развитию не только речи, памяти, внимания, восприятия, мышления, а также применять свои знания на практике, умение распределять обязанности и работать в команде [1]. При формировании толерантности, работа в команде является одним из условий проявления понимания и принятия другого человека.

Упражнение «Примерка социальных ролей»

Цель: формирование эмпатии к различным социальным группам; осознание степени толерантности по отношению к мнению другого человека; формирование коммуникативных навыков.

Участникам группы анонимно одеваются на головы бумажные обручи с надписями социальных ролей (министр, директор школы, банкир, алкоголик, «панк», бомж, клоун, ВИЧ инфицированный, пенсионер, "гастрорбайтер" и др.).

Задача для студентов - обращаться с просьбами, вопросами, но при этом не называть социальную роль, которую играет человек.

Обсуждение в группе: комфортно ли чувствовали себя? Догадывались ли о социальном статусе своего героя, если да, то по каким признакам? Насколько мы терпимы к другим людям?

Упражнение "Мостик"

Цель: формирование способности анализировать ситуацию с позиции другого человека; формирование механизмов социальной перцепции: эмпатии, идентификации.

На полу монтажным скотчем «рисуется» узкая дорожка - "мостик", по которому с разных сторон должны одновременно пройти два человека. По бокам моста обрывы. Участники делятся на две равные группы и расходятся по разным "берегам". Способы преодоления "мостика" могут быть любые, но с одним условием, - участники не должны друг с другом заранее договариваться.

Затем следует обсуждение: что можно сказать о способах преодоления мостика? Насколько мы готовы уступать другому человеку? Часто ли это происходит в жизни?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абраменко, Е.В. Дидактические игры как средство развития патриотического сознания у студентов / Е.В. Абраменко // Известия ВолгГТУ. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Вып. 15 : межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. - Волгоград, 2014. - № 2 (129). - С. 67-69.
2. Жукова, Т. В. Проблемы кросскультурной коммуникации студенческой молодежи. / Т. В. Жукова. — М.: МГУ, 2009.
3. Губанихина, Е. В. К вопросу о поликультурной компетентности педагога [Текст] / Е. В. Губанихина // Молодой ученый. — 2015. — №4. — С. 556-559.
4. Погодаева, Д. В. Толерантность профессионально необходимое качество педагога // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова . 2007. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-professionalno-neobhodimoe-kachestvo-pedagoga> (дата обращения: 07.11.2015).
5. Хунтаркова, А.М., Хакунова Ф. П. Предметно-содержательные компоненты поликультурной компетентности педагога // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология . 2011. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/predmetno-soderzhatelnye-komponenty-polikulturnoy-kompetentnosti-pedagoga> (дата обращения: 07.11.2015).

УДК 378.017

ББК Ч 448.0

O. I. Ситникова

**К ВОПРОСУ О ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Волгоградский государственный технический университет
E-mail: sitn55@rambler.ru

В данной работе автор рассматривает разные формы краеведческой работы в вузе. Акцентирует внимание на воспитательном потенциале студенческих краеведческих чтений, проводящихся ежегодно в Волгоградском государственном техническом университете.

Ключевые слова: краеведческая работа, воспитательный потенциал, краеведческие чтения, родной край.

O. I. Sitnikova

**TO THE QUESTION ABOUT THE EDUCATIONAL POTENTIAL
OF LOCAL HISTORY WORK IN TEHNICHESKOM UNIVERSITY**

Volgograd State Technical University

In this paper the author examines different forms of local history work at the University. Focuses on the educational potential of the student of local history readings, held annually in Volgograd state technical University.

Keywords: local history work, educational potential, reading local history, native land.

Стоит ли говорить о важности формирования гражданской культуры, патриотизма, нравственных качеств и ценностных ориентиров у современных молодых людей! Сегодня в условиях резкого сокращения часов на гуманитарные предметы особенно остро встает проблема задействования воспитательного потенциала различных форм внеучебной работы.

Мы хорошо понимаем, что в высшие учебные заведения юноши и девушки приходят достаточно взрослыми, нередко вполне сформировавшимися в нравственном отношении людьми. В процессе социализации под воздействием семьи, пройдя соответствующие образовательные ступени, они приобрели определенные нравственные убеждения и качества. Но процесс образования продолжается и соответственно продолжается процесс развития личности, принятия ею духовно-нравственных, социальных, семейных и других ценностей.

Кафедра истории, культуры и социологии ВолгГТУ использует представленные университетом возможности проведения занятий на выходе из учебных аудиторий, а именно: в музее, на выставке, на экскурсии по памятным местам области и региона[2; 3]. Кроме того, вовлечение студентов в различные виды внеучебных мероприятий: олимпиады, студенческие конкурсы научных работ, краеведческие чтения, – позволяет студентам расширять кругозор, приобретать различные навыки и накапливать в том числе нравственный опыт[1; 4].

На основе этой деятельности у молодых людей формируется адекватная самооценка, рождается стремление к самореализации, что ведет в конечном итоге к успешной образовательной деятельности.

Уже несколько лет в ВолгГТУ проводятся студенческие краеведческие чтения. В текущем учебном году краеведческие чтения посвящены 70-й годовщине победы в Великой Отечественной войне. Среди работ студентов, представляемых на чтения, всегда находит место военная патриотическая тематика. Иначе и нельзя, ибо город наш имеет такие героические страницы, какие забыть невозможно, не помнить нельзя.

24 ноября 2015 г. перевернута еще одна страница в истории краеведческих чтений ВолгГТУ. Традиционные краеведческие чтения «Край родной, навек любимый...» в текущем году были организованы в рамках программы развития деятельности студенческих объединений «В единстве – наша сила!». В них приняли участие представители Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ), его филиалов – Волжского политехнического института (ВПИ) и Камышинского технологического института (КТИ), Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета (ВолгГАСУ), Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ), гимназии № 4 г. Астрахани. На выступления было заявлено порядка 50 докладов.

Главной целью краеведческих чтений является приобщение студентов к краеведческим исследованиям, развитие и поддержание интереса студенческой молодежи к истории, природе родного края, воспитание у студентов любви к родному краю, городу, вузу, Родине, приобщение к процессу познания культурного и исторического богатства Волгоградской области, развитие общественно значимой деятельности.

На чтения приходят студенты, увлеченные, неравнодушные к истории своей малой родины, а значит, неравнодушные к ее настоящему и будущему люди. И всегда возникает вопрос: надо ли этим заниматься? И надо ли это вообще кому-нибудь сегодня? На открытии чтений в приветственном слове организаторов всегда звучат слова о значении краеведческой работы, о том, что не только профессионалам – историкам подвластно погружение в историю, но и любители-краеведы способны совершить шаги в неизведанное. Изучение родного края – это не только расширение и углубление знаний, это и формирование умений и навыков общения, оформления исследовательских работ. Обращаясь к студентам, мы говорим: вы восстанавливаете неизвестные страницы истории, изучаете судьбы конкретных людей, историю «обычных» семей, повседневную жизнь прошлого и настоящего. Это всегда пригодится в жизни. Это большая работа, которая нужна не только обществу, но прежде вам самим, ибо главное в этих занятиях то, что вы становитесь лучше, вы растете как личности, закаляете свой характер и приобретаете нравственный опыт. Как говорят мудрые люди, кто не знает истории своего края – слаб перед суетой постоянно меняющегося мира.

Наблюдая, анализируя не первый год работу краеведческих чтений, отмечаем, что они по форме напоминают многие другие, но отличаются от других студенческих форумов прежде всего тем, что здесь речь идет зачастую о самом родном, близком, любимом: дорогих сердцу местах, людях,

об истории семьи, семейных традициях и праздниках. Каким был этот мир раньше? Какие были люди, что они делали удивительного? Почему о них помнят? Для работ наших студентов совершенно не чужды такие ненаучные слова: любовь, сострадание, добро и щедрость, благородство. Таким образом, на первом плане для нашей работы – не собственно исследовательский поиск ради поиска, а поиск нравственного содержания, эмоционального отношения к прошлому и настоящему. Именно это способствует личностному росту, духовному развитию участников.

Краеведческие чтения проводятся по 5 секциям, названия которых подобраны таким образом, чтобы охватить максимально все направления краеведческой работы и дать возможность преподавателям при курировании студентов использовать также и свои профессиональные знания. Первая секция «Путешествуем в пространстве и времени» охватывает широких круг проблем истории родного края: история создания и развития отдельных районов, населенных пунктов Волгоградской области, развитие различных производств края вплоть до таких удивительных, как шелкопрядное производство. Городу есть чем гордиться в своем прошлом. Работа Артура Смолянского, занявшая первое место в этой секции, посвящена деятельности знаменитой семьи Нобелей в Царицыне.

В секции № 2 «Летопись памяти в камне» представлены, как правило, работы об исторических, природных, культурных памятниках нашего региона. В программе последних чтений 2015 г. особый интерес вызвала работа студента ВолгГАСУ Родиона Жукова, посвященная истории здания жигулевских пивных складов в городе Царицын, фотографии вещей, найденных при реставрационных работах.

Секция № 3 «Ментальность любимого города» предполагает рассмотрение вопросов культурологического и психологического наполнения, связанных с развитием национального самосознания и формированием идентичности, таких, как например: «К вопросу о национальном образовании в Камышинском уезде Саратовской губернии», «Ментальная карта города Волгограда» и др. Не обходится без оригинальных тем, подобно докладу студентов из ВПИ (филиала) ВолгГТУ Вячеслава Кима и Никиты Молчанского «Новаторство Волжского политехнического института в сохранении историко-культурного наследия народов России». Завершилось их выступление небольшой исторической реконструкцией боя.

Секция № 4 «Дорогие мои земляки» позволяет познакомить студентов с замечательными людьми нашего края. И это неизбежно знаменитые герои, писатели, музыканты, это порой простые люди, которые своим трудом прославляют наш край, вносят определенный вклад в его развитие. Так, первокурсник ВолгГТУ Сергей Калинин в своем докладе «История семьи в истории страны (трудовая деятельность В. Н. Возняка на ПО «Баррикады»)» говорил о трудовой деятельности своего дедушки. Как правило, часть докладов этой секции посвящена ученым ВолгГТУ.

Секция № 5 «Пока свеча горит» акцентирует внимание на духовно-нравственных проблемах региона. И вновь звучит тема войны, ибо на войне по-особому обостряются чувства и высвечиваются сильные духом. Каким видел художник военный Сталинград, как работали театры Сталинграда в годы Великой Отечественной войны, какая трагедия постигла маленький народ – турок-месхетинцев в годы войны? Эти и другие темы звучали на чтениях.

Знакомство с родным краем «вживую», соединение эпох на коротком отрезке территории, выработка умения видеть необычное в обычном, формирование навыков работы с архивными, музыкальными материалами, литературой, другими историческими источниками, введение в научный оборот новых и малоизвестных материалов, связанных с родным краем, позволяет решать целый ряд задач познавательного и воспитательного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дулина, Н. В. Использование краеведческого потенциала для воспитания патриотизма на кафедре истории, культуры и социологии ВолгГТУ/ Н. В. Дулина, О. И. Ситникова // Известия Волгог. техн. ун-та: межвуз. сборник науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2010. – № 9 (69). – С. 149–153.
2. Естрина, О. В. Изучение социокультурного пространства региона как путь воспитания патриотизма (опыт и перспективы преподавания культурологии)/ Известия Волгог. гос. техн. ун-та, Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания, Выпуск 15 №2 (129), Волгоград, 2013, С. 26–28.
3. Ситникова, О. И. Воспитательная работа со студентами ВолгГТУ во внеучебное время // О.И. Ситникова, Н.В. Дулина // Известия Волгог. техн. ун-та: межвуз. сборник науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2014. – № 2 (129). – С. 59–62.
4. Ситникова, О. И. Следуя традиции... (по итогам краеведческих чтений «Край родной, навек любимый...») / О. И. Ситникова // Изв. ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 11: межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – № 8 (95). – С. 137–138.

ББК Ч448.4(3)
УДК 378 (100)

O. V. Топоркова

**ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
(на примере Германии, Франции, Великобритании)**

Волгоградский государственный технический университет

Email: toporkova.vstu@gmail.com

В статье представлен краткий обзор системы подготовки специалистов в области техники, технологий и инженерного дела для инженерной инновационной деятельности в странах Западной Европы (на примере Германии, Франции, Великобритании). Ведущими центрами такой подготовки являются технические университеты в Германии и Великобритании и высшие инженерные школы во Франции.

Ключевые слова: модель подготовки, технические университеты, университеты прикладных наук, высшие инженерные школы, Болонское соглашение, дипломированный инженер, страны Западной Европы.

O. V. Toporkova

**ENGINEERING AND TECHNICAL EDUCATION IN WESTERN EUROPE
(BASING ON GERMANY, FRANCE AND THE UK)**

Volgograd State Technical University

The article describes briefly the system of engineering and technical education in Western Europe (Germany, France and the UK are taken as an example). The leading centres for training engineers for innovative activities are technical universities in Germany and the UK and higher engineering schools in France.

Keywords: models of training, technical universities, universities of applied sciences, higher engineering schools, Bologna Accord, Chartered Engineer, Western European countries.

Современная инженерная деятельность все в большей степени приобретает инновационный характер. Стремительное развитие техники и технологий, появление все более сложных задач актуализируют проблему подготовки высококвалифицированных инженерно-технических кадров для инновационной деятельности.

Целесообразным представляется обращение к опыту подготовки инженеров в странах Западной Европы, где результаты инженерного труда проявляются как в количестве патентов, новых технологий, так и в общем уровне жизни населения.

В странах континентальной Европы традиционно существовало две основные модели подготовки инженерно-технических кадров: так называемый «долгий цикл», длищийся 5 лет (но часто 6 или 7 лет фактически), и «короткий цикл», включающий 3-4 года обучения[1]. Основными характеристиками первой модели являются сильная теоретическая база и приоритет научно-исследовательской деятельности. Вторая модель возникла в 70-е гг. XX в. как ответ на меняющиеся потребности промышленности. Это практико-ориентированная модель с большим акцентом на формальное обучение. Данные модели существуют параллельно, хотя в последнее время, в связи с принятием Болонского соглашения, наметилась тенденция рассматривать «короткий цикл» обучения как первую ступень «длинного цикла».

Так, в настоящее время в Германии продолжительность обучения в технических вузах для получения степени бакалавра составляет 3-4 года. Программы бакалавриата позволяют обучающимся в относительно короткий срок получить квалификацию, дающую право на ведение профессиональной деятельности. Только технические университеты и университеты прикладных наук, как сейчас стало принято называть специализированные высшие школы Fachhochschule, имеют право присваивать академическое звание дипломированного инженера (Diplom-Ingenieur). В технических университетах традиционно приоритетными являются научно-исследовательская деятельность, подготовка специалистов для инженерно-инновационной деятельности, в то время как в специализированных высших школах большое внимание уделяется именно практической подготовке студентов к профессиональной деятельности.

Получение академических степеней и званий в Германии дает возможность сразу же приступить к работе по профессии в соответствии с соответствующими Актами федеральных земель

о высшем образовании. Здесь необходимо отметить, что в Германии, согласно Конституции, землям, а не федеральному центру принадлежит право «верховенства» в системе высшего образования.

В связи с принятием Болонского соглашения в Германии происходит постепенный переход на двухступенчатую систему подготовки бакалавр-магистр, а традиционное звание «дипломированный инженер» заменяется степенями Бакалавра и Магистра Инженерии или Бакалавра и Магистра Науки. Однако переход на новую систему вызывает определенные сложности и даже сопротивление вузов. Так, многие ведущие технические вузы страны предпринимают значительные усилия для сохранения академического звания «дипломированный инженер». Среди них, например, Рейнско-Вестфальская высшая техническая школа в Аахене, Мюнхенский технический университет, Технологический институт в Карлсруэ [2, с. 297]. Промышленные предприятия Германии также предпочтитают нанимать на работу специалистов, имеющих звание дипломированного инженера, а не бакалавров, которых, по мнению немецких работодателей, необходимо будет доучивать на практике.

Профессиональные инженерные сообщества Германии, такие как Ассоциация немецких инженеров (Verein Deutscher Ingenieure) и Ассоциация по электрическим, электронным и информационным технологиям (Verband der Elektrotechnik Elektronik Informationstechnik e.V.) не уполномочены присваивать звание дипломированного инженера в отличие от аналогичных организаций в Великобритании.

Во Франции подготовка инженеров осуществляется в высших инженерных школах и в университетах. Обычно курс профессиональной подготовки инженера в высших инженерных школах состоит из двух этапов: два года подготовительных технических курсов и три года высшего инженерного образования. Учебная программа подготовительных курсов основана на фундаментальных науках – математике, физике, химии. Помимо подготовки к сдаче вступительных испытаний, их цель – заложить основу для последующего профессионального обучения. В высшую инженерную школу можно также поступить после успешного обучения на бакалавриате университетов.

Профессия инженера является престижной в этой стране. Выпускники ведущих высших инженерных школ могут рассчитывать на быстрое продвижение по карьерной лестнице. Здесь необходимо отметить, что качество образования в университетах Франции считается менее высоким, чем в высших инженерных школах, т.к. университеты обязаны зачислять всех, имеющих диплом о среднем образовании, в то время как высшие инженерные школы проводят серьезные дополнительные вступительные испытания. Лишь некоторые университеты, являющиеся членами Содружества высших школ, имеют право выдавать диплом инженера.

Ангlosаксонская модель подготовки инженерных кадров существенно отличается от континентальной, что обусловлено историческими причинами. Так, если в Германии и Франции высшие технические учебные заведения еще в XIX в. выпускали инженеров, в Англии до середины XIX в. преобладала система ученичества, т. е. подготовка инженеров в процессе их работы на заводах. Это был первый и самый распространенный способ получения технического образования. Большинство людей начинало свою карьеру простыми рабочими, так как это давало возможность одновременно и работать, и учиться.

Система ученичества сохранилась до настоящего времени. Для получения квалификации дипломированного инженера недостаточно получить степень бакалавра инженерии, присваиваемой, как правило, после трех лет обучения в технических вузах или магистра инженерии, соответственно, после 4 лет. Необходимо также по окончании вуза поработать инженером-стажером в течение не менее трех лет. При успешном прохождении аттестации молодому специалисту предлагается отработать еще три года в должности инженера, и только после этого он имеет право вступить в одно из инженерных сообществ Великобритании для получения соответствующей квалификации.

В Великобритании инженерная деятельность не является лицензируемой. В настоящее время в Соединенном Королевстве термин «инженер» часто используется по отношению к профессиям, не требующим получения высшего образования: технологам, техникам, механикам, машинистам, электрикам, ремонтникам и т.п. Многие из этих профессий используют термин «инженер», «профессиональный инженер», «инженер, занесенный в реестр», «инженер газового хозяйства», «инженер-теплотехник» и др.

Неудивительно, что британская публика воспринимает инженерную деятельность как средне- или малоквалифицированный труд. В то же время работа дипломированного инженера (Chartered

Engineer) часто ассоциируется с научной деятельностью, что вносит некую неопределенность в данное понятие в Великобритании.

Для поднятия престижа инженерной профессии в 2012 г. в Великобритании была создана петиция, набравшая около 30 тыс. подписей в поддержку того, чтобы право называться «инженером» регулировалось законом аналогично таким, например, профессиям как врач, учитель или архитектор [3]. Однако данная петиция не набрала необходимых голосов для рассмотрения в палате общин.

Тем не менее, некоторые квалификации, относящиеся к инженерной профессии, требуют лицензирования. К ним относятся, прежде всего, квалификации «дипломированный инженер», «инженер-техник» (EngTech), «инженер информационно-коммуникационных технологий (ICTTech), «инженер-технолог» (Incorporated Engineer). Инженерно-технический Совет Великобритании (Engineering Council) является контрольным органом по регистрации таких специалистов и в настоящее время содержит базу около 235 тыс. профессиональных инженеров. Кроме того, Совет оказывает консультационные услуги для студентов, инженеров, работодателей, учебных заведений по процедуре регистрации. Инженерно-технический Совет Великобритании является также ответственным органом по аккредитации соответствующих образовательных программ, делегирующими данное полномочие организациям-участникам, которые имеют лицензию. Среди таких организаций - Британское компьютерное общество, Ядерный институт, Институт физики, Общество королевских инженеров, Общество инженеров-химиков и др.

Для получения квалификации дипломированного инженера в настоящее время необходима степень магистра технических наук (M.Eng) и опыт работы от 4 до 6 лет по инженерной специальности после окончания вуза. Данная квалификация признается во всех странах мира.

Квалификация инженера-техника требует присвоения степени бакалавра инженерных технологий, которую можно получить как в университетах, так и в неуниверситетском секторе высшего образования Великобритании (технических колледжах, институтах, промышленных школах и общинных колледжах). Квалификация инженера-технолога на протяжении долгого времени приобреталась в Великобритании посредством производственной практики. С 2000 г. для получения данной квалификации также стало необходимым получить степень бакалавра.

Для получения квалификации инженера информационно-коммуникационных технологий в настоящее время требуется продемонстрировать знания и умения, соответствующие третьему уровню Национальной системы квалификаций (The National Qualifications Framework, NQF) Великобритании или шестому уровню Шотландской системы зачетных единиц и квалификаций (Scottish Credit and Qualifications Framework), что соответствует уровню полного среднего образования.

Таким образом, в странах Западной Европы центрами подготовки высококвалифицированных кадров для инженерно-инновационной деятельности являются технические университеты в Германии и Великобритании и высшие инженерные школы во Франции. В связи с принятием европейскими странами Болонского соглашения, происходит переход на двухступенчатую систему подготовки инженерно-технических кадров бакалавр-магистр при сохранении традиционной квалификации дипломированного инженера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Maffioli, F. and Augusti, G. 2003. Tuning engineering into the European Higher Education Orchestra / F. Maffioli, G. Augusti // European Journal of Engineering Education. – 2003. - № 28. P. 251–273.
2. Курашова, Н. М. Болонский процесс и внедрение инновационных стратегий в высшей технической школе Германии / Н.М. Курашова // Вестник Казанского технологического университета. - 2012. - №1. - С.296-299.
3. Make Engineer a Protected title / Petitions. UK Government and Parliament [Online]. Available at <http://epetitions.direct.gov.uk/petitions/6271>. Date of access 23.10.2015

УДК 37.013.8
ББК 74.6

E. A. Глебова

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО
ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
С МОЛОДЕЖНЫМИ СУБКУЛЬТУРАМИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: eaglebova@mail.ru

В данной статье рассматриваются эффективные направления, формы и методы педагогической работы с молодежными субкультурами в зарубежных странах; а также даются рекомендации по использованию и внедрению положительного зарубежного опыта в отечественную практику.

Ключевые слова: мобильная работа с молодежью, молодежная субкультура, альтернативные программы, профилактико-превентивные программы, педагогическая работа, зарубежный опыт.

E. A. Glebova

**OPPORTUNITIES IN USING POSITIVE FOREIGN EXPERIENCE
OF PEDAGOGICAL WORK WITH YOUTH SUBCULTURES**

Volgograd State Technical University

This article examines effective directions, forms and methods of pedagogical work with youth subcultures abroad; also the author gives recommendations in usage and adaptation of positive foreign experience to our native pedagogical practice.

Keywords: mobile work with youth, youth subculture, alternative programmes, prevention programmes, pedagogical work, foreign experience.

В настоящее время немаловажное значение приобретает рассмотрение молодежной субкультуры с позиции педагогической науки и определение способов педагогического воздействия на участников молодежных субкультур. Молодежные субкультуры, разнообразные по стилистике и идеологии, пользуются популярностью среди молодежи, обладая возможностями отрицательного влияния на поведение и сознание молодых людей. В данном случае педагогическая деятельность может быть представлена как информационно-просветительскими мероприятиями, освещая особенности современных субкультур для молодежи, их родителей, работников сферы образования, так и непосредственно педагогическим программами профилактического содержания для молодых людей – участников молодежных субкультур.

Для нашей страны явление молодежной субкультуры является сравнительно новым (особое распространение они получили в 1990-х годах), а потому инфраструктура работы с ее участниками еще не в полной мере сложилась. Тем не менее, для оказания психологической помощи молодежи в нашей стране создаются и развиваются реабилитационные центры, консультативные службы, социально-психологические службы, телефоны доверия. Проводятся психологические тренинги на развитие волевых качеств личности и умений действовать в стрессовых критических ситуациях. Реализуются молодежные проекты с перспективной молодежью и участниками субкультур, как правило, положительной направленности (например, проект «Селигер» и его форум «Артпарад», фестивали уличных молодежных субкультур).

В странах Великобритании, Германии, США и Канаде (знакомых с субкультурами с 1950-го года) накоплен богатый опыт в сфере работы с субкультурами, оказывающими отрицательное воздействие на молодежь, а также выработались социально-педагогические формы и методы работы с их участниками.

В зарубежных странах участники молодежных субкультур отрицательной направленности рассматриваются как категория молодежи группы риска, а потому обязательным является их включение в разнообразные социально-педагогические мероприятия, такие как альтернативные образовательно-дисциплинарные программы, мобильная работа с молодежью, профилактико-превентивные программы.

Альтернативные образовательно-дисциплинарные программы предусматривают работу с участниками субкультур в небольших группах, с одной стороны, такой способ позволяет молодым

людям устанавливать более тесный контакт с педагогами, работниками психолого-педагогической службы в рамках образовательных учреждений, а, с другой стороны, снижаются трудности в усвоении учебного материала. Индивидуальные беседы «социальный педагог – участник субкультур» помогают в идентификации проблемы и открывают возможности доступа молодых людей к дополнительным услугам социальных служб помощи. Реализуемая волонтерская работа по включению молодых людей в деятельность центров для бездомных, учреждений по дневному уходу за детьми, госпиталей, дает возможность наглядного осознания того, как выбор асоциального или просоциального поведения оказывает влияние на жизнь и социальный статус. Одним из методов педагогической деятельности в альтернативных школах является организация дискуссий на актуальные для молодых людей проблемные темы. Их цель – обучить молодежь критически мыслить: уметь выражать свое мнение, избавляясь от предрассудков в суждениях. Немаловажное значение при этом приобретает атмосфера внимания, доверия, принятия и понимания субкультурной позиции каждого молодого человека со стороны педагогов [6; 7; 10, С. 26-51].

Мобильная работа с молодежью – это комплекс социально-педагогических мероприятий в привычной для участников молодежных субкультур социальной среде (улице, парках, подземных переходах и т.д.). Применяются методы индивидуального консультирования и работы в группе, организуются информационно-просветительские беседы, проводятся оздоровительные мероприятия и акции в конкретных микрорайонах. К деятельности мобильной службы привлекаются бывшие участники отрицательных субкультур в качестве положительного примера [8; 9; 13].

Профилактико-превентивное направление реализуется посредством социально-педагогических программ и проектов для молодежи как в рамках образовательного пространства (программы «Skillstreaming», «Aggression Replacement Training», «Anti-Bullying-Programme», «STEP» и др.), так и за его пределами, например, в молодежных клубах или организациях («Afterschool / Recreation Programme», «Take-a-Hike Programme» и др.). Проектами предусмотрено групповое и индивидуальное консультирование участников субкультур, что позволяет добиваться изменений в том, как молодые люди психологически переживают сложившуюся ситуацию и оценивают свои действия со стороны. Используются элементы ролевого проигрывания проблемной ситуации с осуществлением обратной связи, позволяя раскрыть суть социального конфликта и попробовать альтернативные способы его разрешения. Социальными педагогами и психологами проводятся просветительские встречи в небольших группах с целью информирования молодых людей о современных субкультурных течениях, их положительном и отрицательном влиянии на поведение и сознание молодежи [3; 4; 5; 11; 12].

Результаты, достигнутые исследователями, педагогами и социальными педагогами за рубежом, безусловно, предоставляют ценность при разработке направлений, форм и методов педагогической деятельности с участниками субкультур в России. Учитывая национальные особенности страны (ментальность, различия в уровнях жизни молодежи в зависимости от региона; невысокая молодежная общественная активность и др.), возможности использования зарубежного опыта педагогической работы с молодежными субкультурами видим в следующих направлениях.

Крайне необходимым находим совершенствование аспектов молодежной политики в работе с категорией молодежи группы риска. «Положение молодежи группы риска в нашей стране является не простым как с правовой, так и с социальной точек зрения», отмечают специалисты Центра социологических исследований Министерства образования и науки РФ [2, С. 11]. Полагаем, что в группу риска наряду с беспризорными и безнадзорными детьми, несовершеннолетними правонарушителями должны включаться и молодые люди, участвующие в молодежных субкультурах отрицательной направленности, в которых велика вероятность демонстрации антисоциального поведения. Следовательно, при разработке мероприятий по оказанию помощи должны быть предусмотрены и формы работы с данной категорией молодежи, принимая во внимание их субкультурную принадлежность. Проект концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в РФ и защиты их нравственности (от 2008-го г., приложение № 9), в котором предусмотрены меры государственного контроля и профилактики в отношении «социально-опасных молодежных субкультур», могло бы оказать значительную помощь в данном вопросе.

В комплексе мероприятий по работе с молодежными субкультурами большее внимание должно уделяться формам и методам педагогической деятельности, как это делается за рубежом посредством реализации мероприятий для молодежи по трем направлениям (рассмотренных нами

выше). Исследователь Т.В. Егорова настаивает на необходимости «единой системы социально-педагогической поддержки молодежи». Отмечая, что деятельность системы важно проектировать на основе принципов социального воспитания, корректировать с учетом ситуативного мониторинга проблем и направлять на организацию «комплекса мероприятий по защите прав и законных интересов молодежи на уровне исполнительной власти и управления образованием» [1, С. 176]. Так, в зарубежных странах большое количество профилактических программ и проектов реализуется в соответствии с принятыми федеральными законами о молодежи (канадский проект «Национальная стратегия профилактики преступности», 1994 г.; «Закон о помощи детям и молодежи» в Великобритании, 2004 г.; «Закон о помощи детям и молодежи» в Германии, 1991 г. и др.).

Приобретает значение и качество подготовки педагогов и специалистов социальных служб. Отечественные ученые Е.И. Пахомова, Г.А. Ключарев, И.Н. Трофимова отмечают, что качество подготовки специалистов в области работы с молодежью «оставляет желать лучшего». По их мнению, выпускники вузов по специальности «социальная работа» в большинстве случаев не имеют необходимых навыков практического взаимодействия с молодыми людьми группы риска [2, С. 12-13]. В то время как за рубежом «исполнителями» педагогической работы с молодежными субкультурами являются социальные педагоги и психологи, задача которых состоит в обучении принятию решений, предупреждению проблем в общении между сверстниками с целью превенции асоциального поведения среди молодежи.

В усовершенствовании работы с молодежью должна занимать значительное место и просветительская работа. Информационно-методические центры, созданные в городах, или институты повышения квалификации работников образования, специалисты вузов, социально-психологических центров могли бы взять на себя ответственность в вопросах просвещения работников образования на предмет современных молодежных субкультур. Позаимствовать можно и зарубежный опыт в организации информационных встреч с родителями и с учащимися в образовательных учреждениях, встреч со школьными психологами или социальными педагогами, оказывающими как групповое, так и индивидуальное консультирование.

Целесообразным является и существование психолого-педагогических служб в образовательных учреждениях, их скоординированная деятельность как с родителями учащихся, так и со специализированными центрами помощи в вопросах осуществления профилактики и раннего выявления проблем в поведении, содействии бесконфликтному взаимодействию молодых людей друг с другом и преподавателями. Данные службы могли бы взять на себя ответственность в реализации так называемого профилактико-превентивного направления, так успешно использующегося за рубежом.

В заключение хотелось бы отметить, что предложенные рекомендации по использованию положительного зарубежного опыта считаем возможными и оправданными в нашей стране. Однако, прежде чем активно включать в образовательное пространство или вне традиционные институциональные структуры зарубежные альтернативные образовательно-дисциплинарные или профилактико-превентивные программы (например, программы по снижению уровня агрессивности и девиантности в поведении, повышению педагогической культуры родителей на предмет молодежной субкультуры и др.), необходима их грамотная адаптация к нашим реалиям. Только осмысленный и творческий подход к использованию эффективных зарубежных наработок может стимулировать разработку программ, форм и методов педагогической работы с молодежными субкультурами в России на современном этапе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Егорова Т.В. Социально-педагогическая поддержка молодежи из неформальных объединений // Проблемы педагогики и психологии, № 3, 2008. – С. 175-179
2. Ключарев Г.А., Пахомова Е.И., Трофимова И.Н. Совершенствование работы с молодежью группы риска: от наказания к профилактике. М.: 2007 (под ред. С.В. Львов) // Социологические исследования, №11. – 2008
3. Afterschool / Recreation. OJJDP Model Programs Guide [Online] / Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention. Available: <http://www.ojjdp.gov/mpg/progTypesAfterschoolRecPrev.aspx>
4. Aggression Replacement Training [Online] / National Center for Mental Health Promotion and Youth Violence Prevention, 2007. Available: <http://www.promoteprevent.org/about-nc>
5. Evidence Based Practices for Conduct Disorder in Children and Adolescents – Children's Mental Health Ontario, May, 2001. – 92 pp.
6. Kochlar-Bryant C. and Lacey R. Alternative education as a quality choice for youth: preparing educators for effective programs / Persistently Safe Schools 2005: The National conference of the Hamilton Fish Institute on School and Community Violence. – Р. 109-128

7. Leonard J. How to integrate negative youth subcultures into secondary classroom practice using critical pedagogy. Thesis for the degree of Master of Arts in the department of Educational Studies. Concordia University: Montreal, Quebec, Canada, 1998. – 102 pp.
8. Mobile youth work in the global context: reaching the unreachable / Walther Specht (eds). Documentation of the 9th International ISMO Symposium Stuttgart, Volume 10, 2010. – 139 pp.
9. Research review of best practices for provision of youth services / a report by Collaborative Community Health Research Centre University of Victoria, October 2002. – 217 pp.
10. Raywid M. A. Alternative schools: The state of the art. Educational Leadership. 1994. – pp. 26–34.
11. Skillstreaming [Online]. Available: <http://www.skillstreaming.com/>
12. Take-A-Hike Program [Online] / Vancouver School Board. Available from: <http://www.vsb.bc.ca/programs/take-hike-program>
13. Working with young people at risk: A practical manual to Early Intervention, Outreach, Peer Work, Focus Groups, Motivational Interviewing / Andrea Dixon, Katrin Schiffer and others (eds). – City of Oslo, Alcohol and Drug Addiction service, Competence Centre, 2011. – 148 pp.

ББК 74.005.1(4Гем)

УДК 37.034 (430)

И. С. Бессарабова¹, О. В. Топоркова²

**ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ
В НЕМЕЦКОЙ ПЕДАГОГИКЕ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ¹andrologia@rambler.ru; ²toporkova.vstu@gmail.com

Актуальность обусловлена важностью проблемы воспитания высоконравственной, свободной и самостоятельной личности, основанного на общечеловеческих ценностях, что выступает главной образовательной целью. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить и охарактеризовать сущность гуманистических идей нравственного воспитания в наследии ведущих представителей немецкой философии и педагогики XV-XIX вв.

Ключевые слова: нравственное воспитание; гуманистические идеи; всестороннее развитие личности; общечеловеческие ценности; самосовершенствование.

I. S. Bessarabova¹, O. V. Toporkova²

HUMANISTIC TRADITIONS OF MORAL EDUCATION IN GERMAN PEDAGOGY

Volgograd State Technical University

The urgency of the topic is stipulated by the importance of the problem of the upbringing of the high-minded, freedom-loving, self-sufficient person, which is based on universal human values and serves as the main educational goal. The purpose of the research is to reveal and characterize the essence of the humanistic ideas of the moral education in the heritage of the leading representatives of the German philosophy and pedagogy of the XV-XIX centuries.

Keywords: moral education; humanistic ideas; comprehensive development of a person; universal humanistic values; self-improvement.

Вопросы нравственного воспитания неразрывно связаны с историей педагогической науки. Данные проблемы традиционно находились в центре внимания ученых Германии на протяжении различных исторических периодов. Богатые традиции немецкой философии и педагогики являются основой для формирования современных теоретических исследований и практических достижений в области нравственного воспитания молодежи.

Особой страницей в истории культуры и педагогической мысли является эпоха позднего европейского средневековья, известная гуманистическими идеями Возрождения (конец XIV – начало XVII в.). Человек был провозглашен главной ценностью на Земле, разрабатывались новые формы и методы воспитания, нацеленные на выявление в человеке всего лучшего.

Отдельные аспекты вопросов нравственного воспитания следует выделить в наследии Эразма Роттердамского (1469-1536), принадлежащего к старшему поколению германских гуманистов. Следует обратить внимание на следующие идеи и высказывания Эразма Роттердамского: воспитание начинается с колыбели для приобщения ребенка к добродетелям и знанию; с раннего возраста целесообразно «насаждать образование, особенно изучение языков»; «программа обучения не должна излишне обременять учащихся, ибо тем самым отбивает желание учиться». Он не видел никакой педагогической пользы в физических наказаниях, предлагая опираться на здравый смысл

учеников: «Не следует приучать ребенка к ударам... Тело постепенно становится нечувствительным к тумакам, а дух - к упрекам... Будем настаивать, повторять, твердить!» [1, с. 172-173].

XVI век в Западной и Центральной Европе характеризуется общественным движением Реформации, выразившимся в борьбе против римско-католической церкви. Реформация предложила свое понимание природы и путей воспитания человека, которое отличалось от взглядов гуманистов Возрождения и католического религиозного учения. Реформация провозгласила принцип индивидуальности, «самости» человека, несущего личную ответственность перед Богом. Критический и гуманистический настрой Реформации имел важные последствия для школы и педагогики [8].

На этом этапе социально-политического развития немецкого общества и государства следует выделить таких деятелей, как *Мартин Лютер* (1483-1546) и его ученик *Филипп Меланхтон* (1497-1560), идеи и деятельность которых внесли свой вклад в развитие педагогической мысли в целом и становление нравственного воспитания личности в частности. М. Лютер выступал против церкви как единственного посредника между богом и человеком, против права церкви давать отпущение грехов, способствовал обличению моральной нечистоплотности римской церкви. М. Лютер выражал точку зрения, согласно которой дело освобождения находится в руках каждого человека. Такая позиция перекликается с идеалом освобождения индивида в Ренессансе. Но возможность спасения он усматривает в непосредственной вере в Писание, в слово Божие, как оно есть в Евангелии, поэтому его учение часто называют евангелическим. Именно М. Лютером, первым реформатором позднесредневековой Европы, были заложены мировоззренческие и нравственные основы формирования нового типа личности: волевой, упорной, способной к самодисциплине и обладающей высокой чувствительностью к экономическому стимулированию [3, 6].

Ученик М. Лютера - Ф. Меланхтон - известен не только как теоретик, но и практик образования. В его творчестве прослеживается тесная связь гуманизма Возрождения и педагогических установок протестантизма. Противник схоластики, Ф. Меланхтон видел цель полноценного образования в выработке научного мышления и освоении ораторского искусства. Убежденный сторонник изучения классической греко-римской литературы, он предложил метод, который предусматривал изучение краткого курса грамматики, интенсивное чтение, сопровождающееся различными упражнениями: составлением писем, переводами, диспутами, индивидуальными выступлениями. В программу обучения, по убеждению Ф. Меланхтона, непременно должно входить усвоение реальных знаний (математика, физика, метафизика, этика). Дидактическим материалом при этом должна служить классическая литература. Ф. Меланхтон сделал немало, чтобы осуществить свои идеи на практике. Им написаны учебники по диалектике, физике, догматике, греческой и латинской грамматике, они получили широкое распространение в протестантских учебных заведениях. И в теологическом, и в философском плане, Ф. Меланхтон, опираясь на Эразма Роттердамского, отстаивал свободу воли [8, р. 180-186].

В XVII–XVIII вв. педагогика и школа в Западной Европе развивались в новых экономических и социальных условиях. В этот период появляется значительное количество педагогических трактатов, в которых выражается стремление сделать личность свободной, путем воспитания и образования обновить духовную природу человека. К числу таких ученых в Германии относятся И.Г. Фихте (1762–1814), Ф.-А. Вольф (1759–1824), В. Гумбольдт (1767–1835), И.Б. Базедов (1724–1790), Х.Г. Зальцман (1744–1811), И.Г. Кампе (1746–1818).

Так, в частности, основатель педагогического течения филантропинизма *Иоганн Бернгард Базедов* исходил из того, что общественные изменения тесно связаны с переменами в школьном деле. Поставив на первый план необходимость сочетания школьного воспитания и обучения с жизнью, И.Б. Базедов следующим образом формулирует основную цель воспитания - «... подготовить детей к общеполезной, патриотической и счастливой жизни». [7, с. 272-275]. При этом на главное место выдвигалось нравственное становление личности. Анализируя высказывания И. Б. Базедова, следует подчеркнуть, что идея приоритета нравственного становления личности над внешними атрибутами успеха и богатства, была высказана в период существования сословного общества, далекого от идеалов демократии.

В конце XVIII — первой половине XIX века в Германииировалось философское движение, выдвинувшее на первый план диалектику как теорию и метод познания действительности. В истории науки это движение получило название «немецкой классической философии». Его представители, прежде всего, И. Кант, Ф. Шлейермахер, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель, оказали особое влияние на развитие педагогики нового времени.

Отметим основные аспекты исследований данных ученых, акцентируя внимание на вопросах нравственного воспитания личности.

Иммануил Кант (1724–1804), профессор университета в Кенигсберге, читал курсы философии и педагогики. И Кант расценивал воспитание как одну из важнейших сфер человеческой деятельности: «Человек может стать человеком только через воспитание. Он – то, что делает из него воспитание» [4, р. 145-147].

В соответствие с поставленными перед педагогами задачами воспитания И. Кант выделяет следующие основополагающие для нравственности этапы развития ребенка: *ход*, при котором важно учитывать, что воспитатель с самого начала имеет дело с существом, наделенным разумом, который требует своего развития; *дисциплинирование*, которое должно научить ребенка подчиняться внешним законам; *культивирование*, которое означает овладение определенными знаниями, умениями и навыками; *цивилизование*, которое направлено на социум; *морализование*, которое направлено на волю, образ мыслей и характер человека [4, р. 89-96].

Учение Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814) с точки зрения педагогики особенно важно для становления идей нравственного воспитания в Германии своим акцентом на независимость, активность человеческой личности. Его идеалом было жизненно действенное знание, которое позволяет объяснить мир. И. Г. Фихте рассматривал воспитание как способ осознания немцами себя как единой нации. Он подчеркивал, что образование является способом овладения национальной культурой и через нее – культурой общечеловеческой [4].

Социальную обусловленность воспитания и образования подчеркивал Фридрих Шлейермахер (1768–1834). Он доказывал, что теория и практика воспитания являются историческими феноменами. Воспитание – важнейший способ снимать конфликт между старшим и младшим поколениями, устанавливать между ними преемственную связь. Ф. Шлейермахер рассматривал педагогику как искусство, вкладывая в это понятие согласование содержания воспитания и обучения с этикой и политикой при определенном общественном и государственном устройстве [2].

Большое значение на развитие педагогической мысли в Германии оказали философские труды Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831). Г.В.Ф. Гегель отстаивал идеал целостного формирования индивида в контексте культуры человечества, развивал системный и исторический подход к проблемам воспитания и обучения, стремился к формированию образованного гражданина как свободного члена общества.

Ученый полагал, что цель воспитания – «сделать человека самостоятельным существом, т. е. существом со свободной волей», пробудить к жизни самостоятельный разум учеников и их нравственность. Это возможно, если связывать обучение и воспитание с приобретением личного опыта. Среди культивируемых воспитанием способностей две наиболее важные – нравственность и разум. Обязанность воспитания детей, по мнению Г.В.Ф. Гегеля, возлагается на семью и государство [5].

Завершая обсуждение проблемы гуманистических традиций нравственного воспитания в немецкой педагогике, сформулируем общие выводы.

Одним из первых в истории педагогической мысли обратил внимание на взаимосвязь воспитания и становления нравственной личности Эразм Роттердамский. Он подчеркивал важность раннего семейного воспитания при консолидации усилий родителей и учителей. Выступая противником физических наказаний, великий педагог считал, что каждый учитель обязан профессионально владеть искусством убеждения, взывая при этом к разуму ученика.

Новое понимание религии как непосредственной личной связи человека с Богом, сильнейший удар по католической церкви, духовному и политическому оплоту феодализма, ограничение церковного авторитета в вопросах веры и нравственности, понимание свободы совести как личного достояния человека, отстаивание нравственного значения труда – вот далеко не полное перечисление заслуг великих реформаторов (М. Лютер, Ф. Меланхтон), обусловивших свой вклад в становление и развитие гуманистических традиций нравственного воспитания.

В XVII–XVIII вв. педагогическая мысль направлена на поиск нового типа свободной личности, которая гармонично сочетает в себе умственное, физическое и нравственное развитие. При этом нравственному становлению личности придается ведущая роль (И.Г. Фихте, Ф.-А. Вольф, В. Гумбольдт, И.Б. Базедов, Х.Г. Зальцман, И.Г. Кампе).

Представители немецкой классической философии (конец XVIII – первая половина XIX века) оказали особое влияние на развитие нравственных идей в педагогике нового времени: И. Кантом

предложены основополагающие для нравственности этапы развития ребенка (уход, дисциплинирование, культивирование, цивилизование, морализование); И. Г. Фихте подчеркивал, что образование является способом овладения национальной и общечеловеческой культурой; на важность диалога между разными поколениями для нравственного роста личности указывал Ф. Шлейермахер; основополагающую роль материнского воспитания в нравственном становлении личности подчеркивал Г.Б.Ф. Гегель.

Представленный анализ взглядов ученых - философов и педагогов - позволяет сделать вывод, что гуманистические традиции нравственного воспитания зарождались и созревали во взаимосвязи с историческими реалиями развития государства и общества в целом. При этом особое значение для педагогической мысли Германии имело то, что научные идеи и философские учения способствовали разработке и развитию конкретных педагогических методик, определяющих главной целью воспитания формирование высоконравственной личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Роттердамский, Э. Избранные произведения/Э. Роттердамский. М.: Наука, 2006. - 546 с.
2. Crouter, R. Friedrich Schleiermacher: Between Enlightenment and Romanticism/ R. Crouter. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. - 560 s.
3. Edwards, M. Martin Luther's Last Battles: Politics and Polemics/ M. Edwards. Ithaca: Cornell University Press, 2013. - 275 p.
4. Gunnar, B. Fichte and Kant on Freedom, Rights and Law/ B. Gunnar. Lexington Books: Rowman and Littlefield, 2008. - 172 p.
5. Hartnack, J. An Introduction to Hegel's Logic/ J. Hartnack. Lars Aagaard-Mogensen. Hackett Publishing, 2009. - 670 p.
6. Loewenich, W. Luther's Theology of the Cross/ W. Loewenich. Minneapolis: Augsburg Publishing House, 2006. - 430 p.
7. Meier, J. C. Johann Bernhard Basedow: Leben Charakter und Schriften/ J. C. Meier. München: Goldmann, 2011. - 340 s.
8. Timothy, G. Theology of the Reformers/ G. Timothy. Nashville: Broadman Press, 2008. - 272 p.

УДК 374.7(430.1)
ББК Ч43(4Герм)

B. B. Тихаева¹, A. M. Митина²

АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННО-ДИДАКТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ВЗРОСЛЫХ В ГЕРМАНИИ

¹Волгоградский государственный технический университет
²Негосударственное образовательное учреждение «Ревод»

E-mail: ¹tilsitka@yandex.ru, ²annareward@mail.ru

Значение дополнительного образования взрослых растет во всем мире, включая ведущую страну Европы – Германию, где дополнительное образование взрослых является «четвертой колонной» системы образования. Популярность данного направления объясняется четкой организацией и использованием ключевых дидактических принципов обучения.

Ключевые слова: дополнительное образование взрослых, организационно-дидактические принципы, целевая группа, биографичность, самоуправляемое обучение, содержательность, пересечение перспектив.

V. V. Tikhaeva¹, A. M. Mitina²

ANALYSIS OF ORGANIZING DIDACTIC PRINCIPLES OF LEARNING IN ADULT EDUCATION IN GERMANY

¹Volgograd State Technical University*
²Non-state educational institution “Revod”

The importance of adult education is increasing in the whole world including a leading European country – Germany, where adult education is considered to be “the fourth column” of the education system. Popularity of this educational sphere can be explained by the exact organization and the use of the key didactic learning principles.

Keywords: adult education, organizing didactic principles, target group, biography, self-directed learning, thoroughness, perspectives' overlap.

Глобальная кампания по дополнительному образованию в мировом сообществе в середине 1990-х годов послужила стимулом для дальнейшего развития и совершенствование системы дополнительного образования взрослых в Германии [1, 2]. В результате анализа исследований немецких ученых П. Альхайта, Р. Арнольда, В. Гизеке, Х. Зиберта, Й. Кноля и Х. Титгенса, мы при-

шли к выводу, что дополнительное образование взрослых рассматривается не только как логическое продолжение высшего профессионального образования, но и возможность для самосовершенствования в любой области образования, используя многообразие формальных и неформальных деятельности во взаимодействии [1-3, 5-8].

Согласно Х. Зиберту, в дополнительном образовании взрослых в Германии произошло смещение границ в образовательной работе [6]. Разделяя его точку зрения, мы утверждаем, что границы между обучением и работой, обучением и развлечением становятся расплывчатыми. Во всех этих сферах увеличивается процент самостоятельности и собственной инициативы [9]. Х. Зиберт утверждает, что организация образовательного процесса состоит, в первую очередь, в создании условий, побуждающих обучаться [6]. Другие немецкие исследователи П. Альхайт, Р. Арнольд и Х. Титгенс высказывают мнение, что дополнительное образование взрослых в Германии характеризуется инновациями в сфере мест обучения, тематикой обучения, формами организации и целевыми группами [1, 2, 7].

В ходе исследования системы дополнительного образования взрослых было выявлено, что обучение взрослых в Германии базируется на таких организационно-дидактических принципах, как выделение целевых групп учащихся; биографичность; содержательность; самоуправляемое обучение; «пересечение перспектив» («Perspektivenverschränkung»).

Рассмотрим каждый принцип подробнее.

Работа в целевых группах основана на дидактической концепции, которая исходит от колективной жизненной ситуации. В качестве «адресатов» мы обозначаем в соответствии с точкой зрения немецких педагогов С. Ширсмана, В. Мадера, Г. Титгенса и др. группы, к которым адресована образовательная деятельность – таковыми могут быть гомогенные и гетерогенные группы [2, 4, 7]. Однако многое говорит в пользу «гетерогенных целевых групп», так как «внимательная работа в целевых группах» усиливает при определенных обстоятельствах изоляцию таких групп и ненамеренно несет в себе опасность усугубления осознания ущербности ее участников [7]. Кроме того, как утверждает немецкий андрагог Р. Арнольд, многие старики и инвалиды не заинтересованы в семинарах, разделяющих целевые группы [2]. Мы полагаем, что «смешанные группы» (например, молодые и пожилые люди, этническое и культурное многообразие, люди различных профессиональных сфер) при определенных обстоятельствах более мотивированы на обучение, чем группы с гомогенными образцами толкований. Х. Титгенс справедливо отмечает, что целевая группа – это конструкт тех, кто определяет целевые группы. Дефиниция целевой группы классифицирует людей по группам, причем подчеркивается «отличительный признак» («Leitdifferenz») – например, возраст, при пренебрежении другими признаками личности [7]. Мы считаем, что такая «редукция» может быть дидактически рациональной и в интересах участников целевых групп. Однако, как утверждает Х. Титгенс, необходимо опасаться стигматизации, когда, например, при образовательной деятельности рабочих к участникам обращаются не как к индивидуумам, а изначально как к субъектам рабочего сообщества; когда в образовании пожилых людей участники воспринимаются, в первую очередь, как «старики» и в обучении задействованы только с темы старения [7].

Говоря о принципе биографичности, необходимо сказать, что он направлен на обучение взрослых посредством применения их прошлого биографического опыта в современной ситуации. Согласно мнению немецких педагогов П. Альхайта и Х. Зиберта, обучение через опыт связано с анализом опыта общественных конфликтов участников и посредством этого формированием готовности к изменениям общественных отношений [1, 6]. Однако мы полагаем, что опыт часто консервативен по своей структуре и иногда представляет собой учебный барьер. Анализ исследований по дополнительному образованию взрослых показал, что особенно это коснулось обесценивания и непригодности старого опыта граждан в новых землях, когда на свой опыт больше нельзя было положиться [1, 4, 6].

Стоит отметить, что биографическое обучение – это баланс между непрерывностью истории жизни и открытостью новому. Ориентация на биографию с точки зрения педагогики взрослых неразрывно связана с тезисом индивидуализации. П. Альхайт считает, что каждая образовательная деятельность биографически запечатлена. Соглашаясь его точкой зрения, добавим, что не мыслимо ни одно участие в семинаре, которое не имело бы биографическую историю, и не было бы тесно связано с биографическим контекстом. П. Альхайт применяет термин биографического обучения с оговоркой и выступает за концепт «переходящего образования» («transitorische Bildung»).

«Переходящими» являются биографические переходные периоды, не обязательно в смысле «кризисных событий в жизни», а в качестве нового «само- и мироотношения» [1].

Концепт самоуправляемого обучения переживает свое возрождение в 1990-х годах благодаря многочисленным национальным и международным конгрессам, посвященным тематике обучения в течение жизни. С повышением престижа данного направления было связано ограничение институциализированного дополнительного образования взрослых. Г. Домен, один из ведущих андрагогов Германии, писал: «Обучение в течение жизни для всех не реализуемо в институциональных формах. Педагогическое руководство на протяжении жизни для всех участников образовательного процесса в форме курсов не реализуемо» [10, с. 121].

Таким образом, самоуправляемое обучение («selbstgesteuertes Lernen») направлено на снижение нагрузки образовательной системы без отказа от перспективы обучения в течение жизни. П. Фаульштих и К. Цойнер закрепили эту стратегию в трех общественных процессах: 1) индивидуализация (и вместе с тем релятивизация однородности адресной группы); 2) деинституционализация (и вместе с тем обучение на рабочем месте и в социальном окружении); 3) дерегуляризация (и вместе с тем отступление государства из системы дополнительного образования взрослых) [10, с. 121].

Ученые-когнитивисты Г. Фридрих и Г. Мандль выявили благоприятные предпосылки для самоуправляемого обучения в результате проведения эмпирических исследований. «Самоуправляемое обучение требует не только соответствующих когнитивных, но и мотивационно-эмоциональных учебных предпосылок» [6, с. 148]. К мотивационным компонентам относятся осознание собственных потребностей, интересов и «убеждений в самоэффективности» («Selbstwirksamkeitsüberzeugungen»), терпимость к расстройствам и готовность к напряжению. К когнитивным компонентам относятся стратегии обработки информации, учебного контроля, оценки сложности тем и учебных заданий. Предпосылкой для эффективного самоуправляемого обучения являются метакогнитивные стратегии, т.е. знание собственных сильных и слабых сторон и соответствие когнитивных стилей и техник.

Для поощрения самоуправляемого обучения немецкие ученые Х. Зиберт, К. Цойнер считают необходимым создание стимулирующего учебного окружения: «Обучение в этой перспективе – это стимуляция/поддержка собственной активности обучающихся. Понимание этого ведет к такому учебному окружению как: 1) разработка аутентичных, комплексных и приближенных к реальности учебных проблем; 2) способствование созданию множественных перспектив и когнитивной гибкости в обращении со знанием; 3) поддержка соединения знания и действия; 4) активное развитие сотрудничества между обучающимися; 5) перенос изученного материала в реальную жизнь» [6, с. 76].

В. Гизеке называет принцип «пересечения перспектив» («Perspektivenverschränkung») одним из ключевых дидактических понятий в сфере образования взрослых [3, с. 25]. Оно включает в себя область содержания и область отношений человеческого взаимодействия. Поясним, что данное понятие охватывает коммуникативный аспект общения друг с другом и семантический аспект взаимопонимания. Однако, «перспектива пересечения» не содержит претензию на то, чтобы всех и все понимать. Результатом «перспективы пересечения» может быть также понимание, почему я могу лишь условно понять того или иного участника семинара (на основании различной биографии и жизненной позиции). В. Гизеке подчеркивает, что «пересечение перспектив – это поисковое движение и своего рода «приближенное значение» [3, с. 27]. Продолжая ее мысль, мы дополним, что принцип «пересечения перспектив» считается с индивидуальными различиями, не отрицая при этом возможности коммуникации и совместной эволюции. Одно такое пересечение заостряет взгляд на различиях и сходствах. С восприятием различий увеличиваются и сходства.

Исходя из вышесказанного, В. Гизеке, Х. Зиберт и К. Цойнер приходят к выводу, что пересечение перспектив предполагает следующие условия: 1) благоприятные организаторские общие условия (например, учебные аудитории); 2) общие учебные цели и тематические интересы на семинаре; 3) восприимчивость взглядов и опыта других людей; уважение «по-другому думающего» человека; 4) открытость и гибкость собственных образцов толкования и учебных путей, т.е. общая «зона дрейфа» («Driftzone»); 5) возможность языкового понимания [3, 6, 10].

Мы также хотим отметить, что с общественной точки зрения, «пересечение перспектив» – это предпосылка для солидарности и толерантности, глобального и разумного мышления и действия.

Говоря о содержательности как о принципе обучения взрослых, немецкие ученые Ф. Кноблаух и Б. Вайдеман, различают следующие тематические области при взгляде на учебную программу

относительно этапов жизни индивидуума: 1) темы, относящиеся к этапам жизни, ориентированные на целевые группы: например, «Радости материнства», «Приближение старости»; 2) общие темы с перспективой на целевые группы: «Йога для женщин»; 3) темы, ориентированные на социальные группы населения, т.е. темы, которые предпочтитаются различными слоями населения, не адресованные специальным группам: медитация, история искусства; 4) интегративные темы: «Общение с иноземцами» (для людей различных культур), «Изменение ценностей» (для разных поколений) [4, 8].

Ф. Кноблаух подчеркивает, что дидактически важным является не только то, что рассматривается, но и как темы обрабатываются [4]. Речь идет о важном для образования обращении с учебными предметами. Согласно его точке зрения, следует принимать во внимание следующие положения: как тема раскрывается, как появляются оценочные суждения, как принимаются во внимание научные знания, какое влияние оказывает ведение семинара на образование суждений, как поощряется дальнейшее занятие по данной тематике и др. [4].

Б. Вайдеман, в свою очередь, делает акцент на том, что учебному предмету соответствует тема, которая для нас пока еще «поверхностна» [8]. Учебное содержание, напротив, представляет собой обработанную и глубоко прочувствованную тему. Станет ли предмет полным значения содержанием, зависит, по мнению Б. Вайдемана, от четырех условий: 1) тема должна быть значимой, т.е. личностно осмысленной; 2) тема должна быть жизненной, т.е. полезной и способной помочь в жизни; 3) тема должна иметь определенную степень новизны; 4) тема должна быть способной интегрироваться в когнитивную систему учащихся [8].

Если эти условия не предстаиваютя, то тема остается «поверхностной» для участника. Трансформация учебного предмета в учебное содержание зависит от жизненной биографии и социально-культурных условий и индивидуальна для каждого. Отметим, что темами дополнительного образования взрослых могут быть проблемы и события, которые обсуждаются в обществе и являются актуальными.

Переосмысление роли дополнительного образования взрослых в обществе и применение перечисленных организационно-дидактических принципов обучения привели к быстрому росту числа участников дополнительного образования взрослых [5, 8]. Значительную роль сыграло и объединение ФРГ и ГДР. Взрослые из новых земель подошли к выбору дополнительного образования с pragматической точки зрения, что объясняется их заинтересованностью в получении стабильного рабочего места. Согласно результатам проведенных исследований под названием «Отношение к дополнительному образованию в Германии в 2014 году. Результаты исследования образования взрослых – сообщение о тенденциях» («Weiterbildungsverhalten in Deutschland 2014. Ergebnisse des Adult Education Survey – AES Trendbericht») участие в дополнительном образовании взрослых дважды достигало высшей исторической отметки – 48% в 1997 году и 51% в 2014 году [9, с. 13].

Таким образом, мы приходим к выводу, что дополнительное образование взрослых в Германии продолжает развиваться и привлекать все большее количество участников в связи продуманной организацией обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Alheit, P. Alltag und Biographie. Studien zur gesellschaftlichen Konstitution biographischer Perspektiven. 2. Augl. Bremen, 1996. – 245 S.
2. Arnold, R. Erwachsenenbildung: Eine Einführung in Grundlagen, Probleme und Perspektiven. Schneider Verlag, 2006. – 296 S.
3. Gieseke, W. Lebenslanges Lernen und Emotionen: Wirkungen von Emotionen auf Bildungsprozesse. Bertelsmann, 2009. – 280 S.
4. Knoblauch, F. Das interkulturelle Training als Veranstaltung der Erwachsenenbildung. Grin Verlag, 2010. – 64 S.
5. Knoll, J. Kurs- und Seminarmethoden: Ein Trainingsbuch zur Gestaltung von Kursen und Seminaren. Beltz, 2007. – 261 S.
6. Siebert, H. Selbstgesteuertes Lernen und Lernberatung. Konstruktivistische Perspektiven. 3. Auflage. ZIEL Verlag, 2010. – 174 S.
7. Tietgens, H. Die Erwachsenenbildung. Juventa Verlag GmbH, 1989. – 216 S.
8. Weidenmann, B. Erfolgreiche Kurse und Seminare: Professionelles Lernen mit Erwachsenen. Beltz, 2011. – 209 S.
9. Weiterbildungsverhalten in Deutschland 2014. Ergebnisse des Adult Education Survey – AES Trendbericht. Bundesministerium für Bildung und Forschung (BMBF), Bonn, 2014. – S. 80.
10. Zeuner, Ch., Faulstich, P. Erwachsenenbildung. Eine handlungsorientierte Einführung in Theorie und Didaktik. Juventa, 2006. – 272 S.

УДК 811(07)
ББК 81.2р3

B. A. Пахарукова¹, O. A. Шестакова²

**СТРАТЕГИЯ АВТОНОМНОЙ ПАРАДИГМЫ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ¹weronika-sta@yandex.ru; ²plyasun.ya@mail.ru

В статье представлены теоретические и практические вопросы, а также точки зрения на автономную парадигму обучения иностранному языку в различных организационных условиях. Предлагаются наиболее перспективные подходы к интеграции и взаимодействию аудиторных и внеаудиторных курсов обучения студентов технического вуза.

Ключевые слова: автономное/самоуправляемое обучение, компетентностный подход, языковая компетентность, взаимодействие факторов, мониторинг и оценка обучения.

V. A. Pakharukova, O. A. Shestakova

**STRATEGY OF AUTONOMOUS FOREIGN LANGUAGE LEARNING
PARADIGM IN TECHNICAL UNIVERSITY**

Volgograd State Technical University

The article represents theoretical and practical issues and points of view on autonomous foreign language learning paradigm in various organized forms. The most perspective approaches to the integration and interaction of classroom and extracurricular learning courses are suggested for technical university students.

Keywords: autonomous/self-regulated learning, competence approach, language competence, factors interrelation, monitoring and learning assessment.

В современном образовательном пространстве многих стран доминирует идея о качественном образовании как важном условии профессионального успеха. Именно *компетентностный подход* предполагает создание новой образовательной модели специалиста, обладающего сформированной профессиональной компетентностью.

Для достижения этой цели в документах по модернизации образования четко выделены три приоритетных направления образования: информатизация образования, обучение иностранным языкам, овладение социально-экономическими знаниями [1].

В ходе реализации компетентностного подхода в обучении иностранному языку в зарубежных вузах все большую значимость приобретает новая парадигма *автономного самоуправляемого обучения*. Такой воспитательно-образовательный процесс ориентирован на активную и самостоятельную личность студенческой группы с развитой индивидуальностью [2,3,4].

Современное общество информационных технологий заинтересовано в том, чтобы его граждане были способны самостоятельно и активно действовать, принимать разумные решения и отвечать за их выполнение, гибко адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. На наш взгляд, именно в стенах вуза возникает личностная потребность и необходимость далее развивать и совершенствовать компетенции, находящиеся на начальном уровне формирования у большинства выпускников средней школы. В данном случае речь идет о значительном повышении ответственности молодых людей за ход и результаты процесса овладения знаниями, в том числе и по иностранному языку. Мы уверены в том, что при изучении предмета «иностранный язык» *технология автономного или самоуправляемого обучения* является одной из наиболее перспективных и эффективных, конечно, при *интеграции и взаимодействии ряда факторов и условий*.

Остановимся на некоторых теоретических вопросах автономного обучения, представленных в зарубежной научной литературе. Так, Holec определяет автономность обучающегося, как "способность брать на себя управление своим обучением". И далее подчеркивает, что "брать на себя управление процессом собственного обучения означает брать на себя ответственность за решение всех аспектов этого обучения".

Данное определение также предполагает, что автономно обучающиеся могут свободно применить свои знания и умения за пределами непосредственного контекста обучения [5].

В организованном учебном контексте автономность обучающихся предполагает рефлексивное участие в планировании, выполнении, мониторинге и оценке обучения. Но обратим внимание, что

обучение языку в решающей степени зависит от использования языка, т.к. мы можем научиться говорить, говоря, читать, только читая и так далее. Другими словами, степень нашей автономности, как изучающих иностранный язык, определяется частично степенью нашей автономности в качестве пользователей изучаемого языка.

Вот три основных педагогических принципа, которые, по мнению исследователей, управляют развитием автономного обучения иностранному языку:

- участие обучающегося – стимулирование обучающихся разделить ответственность за процесс обучения (эффективные и метакогнитивные факторы);
- рефлексия обучающегося – помочь обучающимся в критическом осмыслении при планировании, мониторинге и оценке своего обучения (метакогнитивные факторы);
- соответствующее использование изучаемого языка - использование изучаемого языка в качестве основного средства обучения (коммуникативные и метакогнитивные факторы).

В соответствии с этими тремя принципами преподаватель должен

- использовать изучаемый язык как предпочтительное средство для коммуникации в аудитории и требовать того же самого от обучающихся;
- вовлекать обучающихся в непрерывный процесс учебных заданий, которые распределяются, обсуждаются, анализируются и оцениваются всей группой – на изучаемом языке, используя сначала простые термины;
- помогать обучающимся устанавливать свои собственные учебные цели и выбирать учебные задания, побуждая их к обсуждению, анализу и рефлексии – и снова, на изучаемом языке;
- требовать от обучающихся установки индивидуальных целей, но добиваться их путем совместной работы в малых группах;
- требовать от обучающихся вести запись своего обучения – конспекты занятий и проектов, список вокабуляра, тексты собственного производства;
- привлекать обучающихся регулярно к оценке своих достижений, как отдельных студентов, так и всю группу – на изучаемом языке [6].

Далее следует отметить, что автономное обучение за счет акцента на процесс рефлексии студента и принятие ответственности за собственное обучение стало одной из центральных проблем в новейшей истории преподавания языка в качестве иностранного.

Автономность обучающегося основывается на том, что если студенты вовлекаются в процесс принятия решений, принимая во внимание их собственную языковую компетентность, "они, скорее всего, будут более инициативны в ходе обучения". При этом обучение будет иметь более сфокусированный и целевой характер (Little, Dam, Camilleri, Chan).

Кроме того, обучающиеся имеют силу воли и право учиться сами (Smith, 2008), которые рассматриваются как важный аспект автономного обучения.

Здесь важно заметить, что без автономно ориентированной подготовки преподаватели по языку могут столкнуться с трудностями по формированию такой культуры в аудитории. Согласно Little автономное обучение зависит от автономности преподавателя в двух смыслах: неразумно ожидать от преподавателей стимулировать рост автономности или самостоятельности у студентов, если они сами не знают, что значит быть автономным. При определении инициатив, которые они используют в аудитории, преподаватели должны уметь пользоваться в своей работе теми же рефлексивными и самоуправляемыми процессами, которые они используют в своем обучении [2,5].

При этом преподаватели и обучающиеся должны быть открытыми для автономного обучения и самообразования. А *одна из важных функций преподавателя вуза, по нашему убеждению, должна состоять в большей степени в том, чтобы давать адекватную экспертную оценку достижений, а не только осуществлять контроль.*

Таким образом, преподаватели иностранного языка призваны играть решающую роль в развитии автономности студентов, принимая во внимание перспективу, как аудиторных, так и внеаудиторных занятий.

При разработке программы автономного обучения иностранному языку в вузе, по мнению исследователей, один из базовых принципов состоит в том, чтобы учиться брать на себя ответственность за собственное обучение(Holec 1991). Эта проблема рассматривается также в следующих публикациях по прикладной лингвистике (Dickinson and Wenden 1995, Pemberton et al.1996, Benson and Voller 1997, and Cotterall and Crabbe 1999). Однако по большей части эти исследования касаются теоретического обоснования автономности обучения и переменных величин роли обучаю-

щихся, таких как взгляды, убеждения, стратегии и функции. В меньшей степени можно прочитать обзоры о структуре аудиторных занятий на основе интеграции или сочетаемости принципов автономного обучения [6,7].

Сравнивая и анализируя вышеизложенные подходы и принципы, мы сформулировали следующие факторы, оказывающие воздействие на реализацию стратегии автономного обучения в условиях технического вуза:

- информативности, - готовности (в т.ч. ТСО), - вовлеченности, - сочетаемости, - гибкости, - оценки, - непрерывности.

Важность и значимость инновационной методической деятельности преподавателя иностранного языка в техническом вузе отмечают ведущие специалисты Волгоградского государственного технического университета (Топоркова О.В., Новоженина Е.В.). Они связывают эту деятельность с внедрением инновационных методов обучения, а также разработку и использование своих авторских учебных пособий в обучении студенческих и аспирантских групп [8].

Отличной базой для реализации принципов автономного обучения мог бы стать центр иностранных языков Волгоградского технического университета, где можно выбрать в соответствии со своим уровнем языковой подготовки и желанием соответствующую программу курса.

В этой связи рассмотрим стратегии продвижения и обеспечения автономности обучаемых, предлагаемые зарубежными специалистами.¹

Пять принципов проектирования языковых курсов связаны с (1) цели обучаемого, (2) процесс обучения языка, (3) задачи, проект, теория, (4) стратегии обучаемого, и (5) рефлексия процесса обучения. Непростая задача разработчиков курса, которые стремятся развить способность обучающихся брать на себя ответственность за собственное обучение, заключается в том, чтобы найти способы передачи ответственности за принятие решений в ходе процесса обучения от преподавателя к обучающемуся [7].

Принцип 1. Курс отражает цели обучающегося в отношении языка, задач и стратегий.

Курс, разработанный для обеспечения автономности, должен достичь целей, которые обучающиеся считают важными (Breen and Candlin).

Принцип 2. Задачи курса непосредственно связаны с упрощением модели процесса обучения языку.

Так Breen и Candlin считают, что понимание основ процесса изучения языка является существенным фактором для тех, кто стремится управлять собственным процессом. Вооружившись моделью обучения языку, учащиеся могут выяснить роль входных текстов и заданий, попробовать альтернативные стратегии и найти отзывы о их работе.

Принцип 3. Задачи курса призваны или воссоздать реальные коммуникативные задачи или обеспечить репетицию для таких задач.

Их цели и потребности имеют первостепенное значение при проектировании любого курса, который предназначен для развития способности управлять своим собственным обучением.

Принцип 4. Курс включает обсуждение и практическое использование стратегий, призванных облегчить выполнение задачи.

В центре автономности обучающегося лежит концепция выбора.

Принцип 5. Данный курс предполагает рефлексию процесса обучения.

В своем последнем докладе Dam и Legenhause заявляют, что способность обучающихся критически оценивать свое обучение, - это мера эффективности образовательной среды [7].

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание растущие потребности в непрерывном процессе дальнейшего образования и совершенствования профессиональных компетенций, мы считаем, что возможна последовательная интеграция и эффективное сочетание, а также взаимодействие базовых принципов и условий реализации в стратегии автономного обучения. Эта стратегическая задача могла бы осуществляться как в ходе организации самого учебного процесса по иностранному языку, так и в ходе обучения иностранным языкам на курсах центра в стенах вуза, где сосредоточены все необходимые образовательные и технические и ресурсы. А также самостоятельно посредством коммуникации через различные интернет-ресурсы (Web-quests, Sites и др.) или группы сверстников, обсуждая различные проекты (Project activity).

В заключении можно констатировать, что проблема автономности в обучении иностранному языку в вузе представляет значительный интерес в последнее время, особенно в связи с внедрением новых образовательных стандартов. Прежде всего следует отметить небольшое количество ау-

диторных часов (1-2 час. в неделю) и те, достаточно амбициозные цели, которые определены стандартами. Большое внимание здесь уделяется развитию соответствующих компетенций и качества личности обучающихся. К одним из условий можно отнести критерии оценивания различных заданий, включая творческие проекты. Предусмотрены и часы для самостоятельной работы по подготовке к занятиям (36-54 час. в семестр в зависимости от специализации). Однако, как мы знаем, этого крайне не достаточно для владения языком, как средством коммуникации. Исходя из нашей теоретической подготовки и обширной педагогической практики, а также современных условий технического университета, мы считаем, что необходима дальнейшая исследовательская и практическая работа по интеграции и взаимодействию принципов и факторов автономного обучения в учебно-воспитательный процесс по иностранному языку.

П р и м е ч а н и е . Перевод всех цитируемых материалов выполнен авторами статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Council of Europe: Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge: Cambridge University Press.– 2011.
2. *Balçikanlı, C.* (2010). Learner autonomy in language learning: student teachers' beliefs. - Australian Journal of Teacher Education, Vol. 35, Num. 1, February 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.14221/ajte.2010v35n1.8>
3. *Godwin-Jones R.* Emerging Technologies. Autonomous language learning.- Language Learning & Technology, Vol. 15, Num. 3, October 2011, pp. 4–11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://llt.msu.edu/ issues/ october2011/emerging.pdf>
4. *Little D.* Learner autonomy: drawing together the threads of self-assessment, goal- setting and reflection. – Language Learning & Technology.-The Internet TESL Journal, 2012. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iteslj.org/Articles/Thanasoulas-Autonomy>
5. *Fabela-Cárdenas, M. A.* The impact of teacher training for autonomous learning. Studies in Self-Access Learning Journal. – 2012, 3(3), -C.215-236.
6. *Alleyne A.* Teaching a foreign language is not what it used to be! / Edited by E.S. Gromisch, updated 7/12/2012. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.eltworld.net/pdf/ARTICLE- foreign languages>.
7. *Cotterall, S.*Promoting learner autonomy through the curriculum: principles for designing language courses. - Academia.edu. ELT Vol. 54/2, C. 109, April 2010 / Oxford University Press, 2010.
8. Новоженина Е.В., Топоркова О.В. Инновационная методическая деятельность преподавателя иностранного языка в техническом вузе//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. -2015. - № 3 (часть 2). - С. 126-129.

УДК 94(470+571)(=112.2)«1914/19»

ББК 63.3(2)524

H. V. Морозова¹, T. P. Назарова²

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

¹Филиал «Взлет» МАИ (национальный исследовательский университет) г. Ахтубинск

²Волгоградский государственный аграрный университет

E-mail: ¹nataly-tarunina@mail.ru, ²hist_tatyana@mail.ru

Статья посвящена направлениям дискуссии в периодической печати по проблемам народного образования в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: народное образование, патриотизм, русская периодическая печать, Первая мировая война.

N. V. Morozova¹, T. P. Nazarova²

THE PROBLEMS OF PUBLIC EDUCATION IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN PRESS DURING THE FIRST WORLD WAR

¹«Vzlet» Moscow Aviation Institute (National Research University), Akhtubinsk

²Volgograd State Agrarian University

The article is devoted to the issues of discussion in periodicals about problems of education in the First World War.
Keywords: the public education, patriotism, the Russian periodical press, the First World War.

Первая мировая война внесла существенные корректизы в систему народного образования в России, остро поставила вопросы об адаптации школ к военному времени, о патриотическом воспитании молодежи, о «немецком засилье» в учебных заведениях. В таких непростых условиях

© Морозова Н. В., Назарова Т. П., 2015

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-01231 по теме «Эволюция «образа врага» в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати)».

учебное ведомство в годы войны проводило комплексную реформу народного образования, которая, не смотря на общий охранительный курс правительства, отличалась умеренно-либеральной и умеренно-демократической направленностью. Комплекс мероприятий по адаптации школы к военному времени, практические шаги правительства и министерства по реорганизации основных звеньев народного образования, положение немецких школ в России во время войны подробно были И.В. Фомичевым, И.В. Черказьяновой и другими исследователями [см. 1, 2]. Менее изученной остается дискуссия, развернувшаяся на страницах отечественной печати о необходимых мероприятиях по отношению к школьному образованию в условиях мировой войны. Учитывая нарастающую в стране социально-политическую поляризацию, выработанная Министерством народного просвещения стратегия и тактика реформ подвергались, как правило, нападкам как со стороны правых, так и со стороны левых общественных сил.

Война сместила акценты в общественной дискуссии о проблемах школьного образования. В печати активно обсуждались вопросы о том, каким должно быть образование, чтобы воспитать истинных патриотов своей страны. Журналы, ориентированные на педагогическую и образовательную тематику, сразу же откликнулись на военные действия и четко заявили о своей позиции. Московский журнал «Вестник воспитания» в редакционной статье в сентябре 2014 г. «Война и культурные задачи «Вестника воспитания» отмечал, что в условиях войны на педагогическую печать возлагается особая ответственность: оберегать молодежь от всего злого и разворачивающего ее, воспитывать в духе гуманности, нравственной ответственности и истинной гражданственности [3. С.12].

Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП) посвятил серию статей о патриотизме. И хотя в то время большая часть печати публиковала откровенные антинемецкие статьи, нагнетающие немцефобию и в искаженной манере представляющие патриотизм, который мало чем отличается от шовинизма и ведет к национальному эгоизму, ЖМНП занимал более взвешенную позицию. В статье Д.И. Иловайского четко разделяются понятия патриотизма и шовинизма, подчеркиваются пределы, за которыми патриотизм перестает быть добродетелью.

В рамках обсуждения проблем народного образования в военные годы значительное внимание уделялось вопросам освобождения отечественного образования от всего немецкого. Прежде всего, в образовательных учреждениях всех уровней прошла кампания по «очистке» преподавательского состава от немецких учителей. Консервативные публицисты настаивали на незамедлительном освобождении учебных заведений от преподавателей и студентов из германских подданных. К примеру, консервативная газета «Земщина» опубликовала письмо за говорящей подписью «Русский», в котором автор высказывал свое возмущение по поводу приема в казенные и частные учебные заведения массы неприятельских подданных, благодаря чему «закрывается дорога к образованию» соответствующему числу русских детей. Отправитель выразил надежду на скорейшее решение этой проблемы, предлагая прекратить прием в учебные заведения не только детей германских и австрийских подданных, но и тех из них, кто перешел в русское подданство не менее как за год до начала войны [4. С. 4]. Меры не заставили себя ждать - вскоре учащиеся, поданные Германии и Австро-Венгрии, были освобождены от занятий, однако после принятия русского подданства им разрешалось вернуться к учебе [5. С. 5].

Своеборзную лепту в дело очищения образовательных учреждений от немцев внесло появившееся осенью 1914 г. в иностранной прессе так называемое «Заявление 93-х», подписанное всемирно известными представителями немецкой интеллигенции, некоторые из которых – В. Вундт, В. Оствальд, Л. Брентано, Г. Шмлер, Э. Мейер были иностранными членами Петербургской Академии наук. Авторы декларации выразили полную поддержку правительству Германии, опровергнув звучащие буквально со всего мира обвинения в нарушении Германией норм международного права, жестокости немецких войск по отношению к мирному населению, возложив ответственность за развязывание военного конфликта на государства Антанты [6. С. 342–350]. Реакция российской общественности и властей последовала незамедлительно. Из состава научных учреждений и высших учебных заведений исключались все неприятельские подданные [7. С. 5].

Помимо этого, внимание было уделено вопросу о функционировании в России немецких просветительских обществ и союзов. Нередко в качестве доказательства чужеродности и воинственности этих организаций пресса обращалась к выяснению времени и цели их создания. Так, в одном из выпусков суворинского «Вечернего времени» некий Марк Чертван рассказывал о том, как

внуки и правнуки тевтонских рыцарей основали в России «Дейчер-Ферайн». В открытых им школах был изгнан русский язык, русской истории уделялось ничтожное внимание, единственной изучаемой из русских наук стала география, так как слушателям необходимо было знать, куда направлять германскую колонизацию. Все бумаги указанного общества были снабжены гербами с изображением одного креста или меча и креста на щите, явившимися, по сути, отличительными знаками ордена меченосцев. Так, по мнению автора, «вскормленные русским хлебом, выросшие на русской земле, немцы, потомки меченосцев и их челяди, зовут своих товарищей открыто и тайком на бой с Россией» [8. С. 4].

Важным шагом по ограничению «немецкого засилья» в сфере образования и культуры стало наступление на немецкий язык как школьный предмет, язык преподавания и средство общения между людьми [9. С. 12-14]. Следует отметить, что многие либерально и радикально настроенные публицисты выступили против травли немецких педагогов, участившейся в образовательных учреждениях. Так, кадетская газета «Речь» в статье «Не троньте школы» от 14 октября 1914 г. опубликовала письмо неизвестного автора, возмущенного доносом на учительницу своей дочери: «Немку, русскую подданную во многих поколениях, быть может, имеющую близких людей в нашей армии на войне, превратили в германскую подданную. Русские национальные цвета – в германские. Стихотворение Гейне, скончавшегося более полувека тому назад, – в гимн Вильгельму II. <...> Мы должны, однако, самым решительным образом протестовать против суворинского нашествия на среднюю школу. Начните только по жалобам получивших дурные отметки школьников сочинять политические доносы на учителей – и вы скоро создадите в школе атмосферу, при которой никакое учение невозможно» [10. С. 2]. Особенno много отзывов вызвало обсуждение вопроса об изгнании немецкого языка из школы. Публицист С. Любощ в одной из статей, опубликованных в газете «Современное слово» указывал, что в Германии, в том числе в военные времена, в отличие от России, считают изучение русского языка чрезвычайно важным, для чего уреждаются курсы, а в организованных для действующей армии библиотеках, наряду с немецкими авторами, популярностью пользуются и русские [11. С. 1].

Обзор печати показывает, что в годы войны остро обсуждалась проблема разграничения настоящего патриотизма и шовинизма, причем ведущие педагогические журналы занимали достаточно взвешенную позицию, стоящую на принципах гуманности, нравственной ответственности и истинной гражданственности, предостерегая общество от агрессивных форм патриотизма, ведущего к ненависти. На фоне шовинистической кампании, развернутой в прессе против засилья немецкого языка, за изгнание учителей и учащихся из вражеских стран, звучали и осторожные призывы прекратить наступление на школу и все немецкое в системе образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Фомичев, И. В. Национально-правовые аспекты политики российского правительства в области народного образования в годы первой мировой войны / И.В. Фомичев // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2009. – Т. 4. – № 4. – С. 194–216.
2. Черказьянова, И. В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII – XX вв.) / И. В. Черказьянова. – СПб. : [б. и.], 2004. – 366 с.
3. Война и культурные задачи «Вестника воспитания» // Вестник воспитания. – 1914. – Сентябрь. – С.12.
4. Русский. Письмо в редакцию / Русский // Земщина. – 1914. – 8 августа. – С. 4.
5. Прием германских и австрийских подданных в учебные заведения // Петроградский курьер. – 1914. – 21 сентября. – С. 5.
6. Слонимский, Л. З. Германские ученые и милитаризм / Л. З. Слонимский // Вестник Европы. – 1914. – № 11. – С. 342–350.
7. Немцы-почетные члены университета // Петроградский курьер. – 1914. – 10 декабря. – С. 5.
8. Чертван, М. Под знаком меченосцев / М. Чертван // Вечернее время. – 1914. – 27 сентября. – С. 4.
9. Морозова, Н. В. Борьба с немецким языком в системе образования в годы Первой мировой войны / Н. В. Морозова // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. – 2014. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». – Вып. 19. – С. 12–14.
10. А. И. Не троньте школы / А. И. // Речь. – 1914. – 14 октября. – С. 2.
11. Любощ, С. Заметки // Современное слово. –1915. – 21 февраля. – С. 1.

УДК 378.046.2
ББК Ч.511.2

Л. А. Федотова

ЭКСКУРСИЯ КАК АКТИВНЫЙ МЕТОД ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail lifedotova@yandex.ru

В статье рассматриваются потенциальные возможности экскурсий как активного метода воспитания. Делается вывод, что использование современных геоинформационных технологий позволяет, изменив схему экскурсии, полнее использовать ее потенциал, в том числе в воспитании толерантности студентов вуза.

Ключевые слова: активные методы воспитания, экскурсия, современные технологии, толерантность.

L. A. Fedotova

EXCURSION AS ACTIVE METHOD OF EDUCATION TOLERANCE OF STUDENTS

Volgograd State Technical University

This article discusses about excursions as active method of education. It is concluded that the use of modern geoinformation technology allows to change the scheme excursions, make fuller use of its potential, including in the education of tolerance of students of the university.

Keywords: active methods of education, excursion, modern technology and tolerance.

В современной высшей школе экскурсии, во всем своем многообразии, заняли прочное место среди форм образовательного процесса. Производственные, краеведческие, культурно-просветительские экскурсионные маршруты достаточно широко используются как при изучении специальных, так и общеобразовательных дисциплин. Экскурсия, как «наглядный процесс познания человеком окружающего мира, построенный на заранее подобранных объектах, находящихся в естественных условиях или расположенных в помещениях предприятий, лабораторий» [1], находит свое применение и в воспитательной работе, проводимой в высшей школе. Однако, на наш взгляд, при некотором дополнении и преобразовании форм экскурсии при условии использования современных геоинформационных технологий, большой и все еще недостаточно раскрытым потенциал такой формы образовательной и воспитательной деятельности может быть существенно расширен.

Современная экскурсия должна быть полноправным активным методом обучения и воспитания, при использовании которого будет обеспечиваться активность и разнообразие мыслительной и практической деятельности студентов в процессе освоения материала. Активные методы строятся на практической направленности, игровом действии и творческом характере обучения, интерактивности, разнообразных коммуникациях, использовании знаний и опыта обучающихся, групповой форме организации их работы, деятельностном подходе к обучению [2].

В традиционной экскурсии определяющую роль играет непосредственное присутствие квалифицированного экскурсовода. Экскурсовод передает аудитории видение объекта, оценку памятного места, понимание исторического события, связанного с этим объектом и своими объяснениями подводит экскурсантов к необходимым выводам и оценкам. Схема традиционной экскурсии, описанная в [1], приведена на рис. 1.

Рис. 1. Схема традиционной экскурсии

Однако, на наш взгляд, потенциал экскурсий в практике высшей школы используется далеко не в полной мере. Эффективность использования экскурсий в воспитательном процессе можно существенно повысить, частично изменив формат, сделав их по-настоящему активным методом воспитания. Возможность изменения формата традиционной экскурсии определяется современными геоинформационными технологиями. В их основе лежит географическая информационная система (ГИС) - современная компьютерная технология для картографирования и анализа объектов реального мира. ГИС – технологии эффективны и все шире применяются при решении любых задач, касающихся пространственной информации. Первым обязательным шагом при использовании геоинформационных технологий является создание баз данных изучаемых объектов с обязательной максимально точной привязкой по их географическим координатам. В настоящее время этот традиционно трудоемкий и требующий специальных знаний процесс стал доступен практически каждому при условии использования технологии GPS (Global Position System), к которой в недалеком будущем присоединится отечественный ГЛОНАСС. Пользователи этих технологий должны иметь аппаратуру конечного потребителя - GPS - навигаторы, которые широко распространены и доступны в настоящее время как в виде отдельных девайсов, так и встроенными в телефоны и ноутбуки. Следует заметить, что устройства, позволяющие ориентироваться в пространстве по заданным координатам, сегодня имеют в личном пользовании, по нашим оценкам, более половины студентов. При этом точность определения координат составляет несколько метров, что позволяет задавать координаты, а затем находить на местности практически точечные объекты. Объекты с использованием ГИС – технологий (в двумерном или трехмерном виде) можно выкладывать на слоях карты, комбинируя полученные данные с исторической, географической, краеведческой информацией для их дальнейшего анализа.

Простота определения координат на местности дает возможность использовать ГИС – технологии при разработке и проведении экскурсий. Становится возможным видоизменить схему экскурсии так, чтобы она стала действительно активным методом обучения и воспитания (рис. 2).

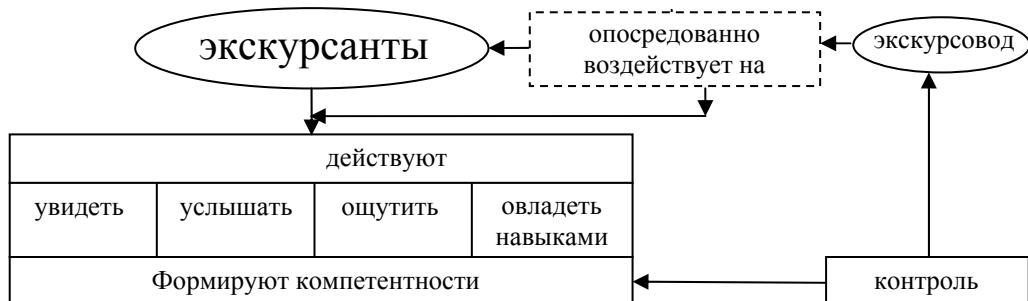

Рис. 2. Схема активной экскурсии

Разработанная схема предполагает отсутствие экскурсовода непосредственно на маршруте; при этом сам маршрут представлен последовательностью объектов (точек) с заданными координатами и кратким описанием, а также вопросами участникам. Маршрут проходится группой студентов из двух-четырех человек. Размер группы обусловлен необходимостью постоянного взаимодействия внутри группы и принятия решений во время прохождения маршрута. Двигаясь по местности, участники отвечают на вопросы, получают доказательства своего присутствия, а, затем, используя дополнительную информацию и свои фотографии, пишут отчет или эссе; делают записи в геоблоге. Иногда ответ на вопрос необходим для вычисления координат следующей точки и дальнейшего продвижения по маршруту.

В ином варианте реализации активной экскурсии участникам задается тема путешествия и координаты отдельных точек. Студентам предлагается, пройдя маршрут, дополнить этот список координатами и описаниями объектов, имеющих отношение к заявленной теме. Найденная информация с применением ГИС – технологий выносится на карту, оформляется в виде отчета или геоблога. При этом база маршрутов может быть инвариантна к изучаемому предмету, а дополнительные задания будут отражать цели и задачи экскурсии – прогулки. В воспитательном процессе высшей школы на современном этапе такой задачей может стать воспитание толерантности студентов.

Современная высшая школа многое делает для воспитания толерантности студентов: разрабатывает и реализует соответствующие программы, формирует учебно-образовательную среду, благоприятную для усвоения и распространения навыков межкультурного общения и взаимопонимания и т. д. [3,4].

Одним из шагов в воспитании толерантности могут быть мероприятия, определяемые много-конфессиональностью региона, в частности Волгограда. Исследования показывают, что студенты, зная, что в Волгограде проживают представители различных конфессий, иногда затрудняются назвать даже основные; не знают местонахождения в городе их культовых сооружений. Между тем, в городе есть не только современные церкви, костелы, синагоги, мечети; большинство из них имеет длительную и интересную историю; архитектурные особенности, отражающие как религиозные каноны, так и несущие в себе отпечаток культурных традиций времени и места их постройки.

Обратить внимание студентов на существование в Волгограде храмов различных конфессий, пробудить интерес к таким сооружениям, их истории, к представителям соответствующей религии и культуры – значит сделать еще один шаг в воспитании толерантности, в построении гуманистических отношений между людьми, имеющими различное мировоззрение, разные ценностные ориентации, в расширении собственного опыта путем приобщения к иным культурам. Шагом к решению этой задачи может быть использование активных экскурсий, посвященных истории и современному состоянию религиозных общин Волгограда.

Для того чтобы пройденный маршрут и его рефлексия стали ступенью в воспитании толерантности, внимание следует уделять не только прохождению существующих маршрутов, но также выбору тематики и содержания новых маршрутов, а также составлению их описания. Выбор темы и содержания маршрута может происходить при совместном участии студентов и преподавателя; инициатива при этом принадлежит студентам. В нашей практике применения и разработки маршрутов в воспитательном и образовательном процессе выяснилось, что достаточно часто предлагаются и разрабатываются маршруты, связанные историей и современным состоянием религиозных общин Волгограда. В частности, разработаны маршруты, посвященные:

- Истории православных церквей Волгограда (старейшая церковь города в пос. Отрада, восстановленный храм Иоанна Предтечи в Центральном районе, Казанский собор, строящийся храм в Краснооктябрьском районе и т.д.);
- Истории ислама в Волгограде (сохранившиеся части мечети царицынских времен в Ворошиловском районе, современные мечети в Кировском и Ворошиловском районах);
- Истории иудаизма в Царицыне – Волгограде (бывшая синагога в Центральном районе и современная синагога в Ворошиловском районе);
- Современным православным храмам отдельных районов Волгограда.

Разрабатывая содержание маршрута, студенты задают ключевые точки маршрута, ищут описание событий и артефактов, имеющих отношение к выбранной теме. Места, которые необходимо посетить, задаются GPS – координатами.

Разработанный студентами маршрут включается в базу данных маршрутов и обязательно посещается другими студентами в рамках учебной и внеучебной деятельности. Маршрут проходится небольшой группой студентов самостоятельно, с использованием разработанного текста с ориентированием на местности с использованием GPS – приемника. Последнее обстоятельство вносит элемент поиска и исследования в обычный процесс передвижения по городу, что позволяет студентам другими глазами увидеть привычный город. Как показывают отчеты и эссе по итогам прохождения маршрута, такой формат пробуждает познавательный интерес студентов, позволяет испытать новые эмоции, по новому взглянуть на историю города, в том числе на различные культуры и религии, сыгравшие свою роль в развитии Волгограда. Активный характер деятельности студентов при разработке и проведении таких маршрутов, применение сформированных ранее исследовательских навыков для достижения результата, неизменно вызывает интерес студенческой аудитории.

Проведенная работа дает нам основание утверждать, что в воспитании толерантности студентов следует использовать возможности современных технологий, обращая особое внимание на соответствие их психолого-педагогическим особенностям студентов. Традиционные формы образовательного и воспитательного процесса вуза, к которым относятся экскурсии, всегда играли большую роль в решении задач высшей школы. Предложенное нами развитие формы экскурсии на основе использо-

зования геоинформационных технологий, с учетом задач современной высшей школы может помочь в решении ряда задач воспитательной работы и будет способствовать, в том числе, формированию толерантности и шагом в достижении целей современного этапа развития высшей школы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Емельянов, Б.В. Экскурсоведение / Б. В. Емельянов. М.: Советский спорт. - 2007. - 216 с.
2. Смолкин, А. М. Методы активного обучения /А. М. Смолкин. М.: Высшая школа. - 991. - 176 с.
3. Бурлаков, И.А. О проектах по воспитанию толерантности у студентов / И. А. Бурлаков // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. - 2010. - № 12. - с. 223-225.
4. Прокохина М.И. К вопросу о воспитании толерантности у студентов вузов // Образование личности. - 2012. - № 4. - С. 26-36.

Научное издание

**И З В Е С Т И Я
Волгоградского государственного технического университета
№ 9(172), 2015 г.**

Серия «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ»
(Выпуск 23)

Межвузовский сборник научных статей

Выпускающий редактор Л. П. Кузнецова
Компьютерная верстка Е. В. Макаровой

Темплан научных изданий 2015 г. Поз. № 95н.
Подписано в печать 09.11.2015. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 15,16.
Тираж 100 экз. Заказ .

Волгоградский государственный технический университет.
400005, г. Волгоград, просп. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ.
400005, г. Волгоград, просп. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

Научное периодическое издание «Известия Волгоградского государственного технического университета» (серия «Проблемы социально-гуманитарного знания») информирует, что статьи в ежегодный сборник принимаются на следующих условиях.

Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по рубрикам: «Философия», «Социология», «Культурология», «Педагогика и психология», «Научная жизнь: хроника, события, комментарии», «Книжная полка». Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие профилю издания или оформленные с нарушением требований.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы статьи должны предоставляться в двух видах: печатном (A4, 1 экземпляр) и электронном. На электронном носителе название файла должно содержать первые буквы (латинские) фамилии первого автора и цифру, если автор подает более одной статьи.

1. Текст статьи набирается в редакторе Word for Windows: шрифт Times New Roman, размер – 14, интервал – 1,5. Распечатывается статья на белой бумаге (1 экз.). Поля: верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм.

2. Объем статьи – 5–10 страниц, включая таблицы и библиографический список.

3. Правила оформления статей.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

а) *на русском и английском языках* (полностью идентичные по содержанию):

- заглавие и подзаголовочные данные;
- фамилию, имя, отчество автора; ученое звание, ученую степень; должность и место работы. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо звездочками указать принадлежность каждого автора;
- e-mail;
- аннотацию;
- 5–8 ключевых слов или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой или точкой с запятой).

б) *на русском языке*:

- индекс УДК и ББК;
- текст статьи;
- библиографический список (при необходимости – примечания, приложения).

4. Схема построения статьи: индекс УДК; далее *на русском языке* – название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилии авторов; наименование организации (или организаций); e-mail; аннотация, ключевые слова, далее *на английском языке* – название статьи, инициалы и фамилии авторов, наименование организации (или организаций), аннотация, ключевые слова, *на русском языке* – текст статьи, библиографический список. При наличии авторов из нескольких организаций звездочками указать принадлежность каждого автора.

Текст статьи набирается с применением автоматического переноса слов.

5. Таблицы представляются на отдельных листах и должны иметь порядковый номер (если их больше одной) и название. Сокращение слов в таблицах не допускается.

6. Рисунки выполняются на отдельных листах в графических редакторах Exel, Corel Draw и др. Размер рисунка не должен быть более стандартного листа формата А4.

7. Библиографический список представляется на отдельном листе и оформляется в соответствии со следующими правилами.

Оформление библиографических ссылок и примечаний

• Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера.

• Пристатейный список литературы, озаглавленный как БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК, составляется либо в алфавитном порядке, либо в порядке цитирования. Он должен быть оформлен согласно ГОСТу 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

• Образец оформления списка литературы:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бурдье, П.* Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдье. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

2. *Витгенштейн, Л.* Logisch-philosophische Abhadlung = Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 520 с.

3. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.

4. *Качанов, Ю. Л.* Социальная реальность и пространство – время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 57–74.

5. *Малинецкий, Г.* Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. – 2003. – № 38 (513). – С. 25–31.

• Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Фамилии авторов, полное название книг и журналов приводятся на языке оригинала. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

8. Статья должна быть подписана всеми авторами.

9. К статье должны быть приложены:

сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, место работы и должность автора, домашний адрес, номер телефона домашний и служебный, e-mail);

экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати для авторов из ВолгГТУ;

для аспирантов, соискателей – отзыв доктора наук по профилю представляемого материала (научного руководителя);

для всех – рецензия на статью (внешняя – от рецензента из другой организации, другого вуза).

Статьи принимаются ответственным секретарем сборника

Надеждой Андреевной Овчар

г. Волгоград, пр. Ленина, 28, высотный корпус ВолгГТУ,

кафедра истории, культуры и социологии, ауд. В-804,

тел. (8442) 24–84–85, e-mail Izvest.VSTU@gmail.com

Иногородним авторам экземпляр журнала с публикацией
высыпается наложенным платежом.

Редакционный совет